

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1907.

№ VI.

МАРТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

Стр.

- Слово о приготовленіи къ великому посту, произнесенное въ Озерянской церкви, Харьковскаго Покровскаго монастыря въ недѣлю Сыропустную, 4-го марта 1907 года. *Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.* . . . . . 705—712
- Благодарной памяти Константина Петровича Побѣдоносцева. *Редакции.* 713—728
- Опытъ исправленія церковно-славянскаго текста въ великомъ канонѣ. (Съ чувствомъ глубокаго уваженія, признательности и благодарности посвящается Высокопреосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому). (Окончаніе). *М. Добропорова.* . . . . 729—747
- Союзъ между церковію земною и небесною. (Догматическій очеркъ). *Прот. Н. Малиновскаго* . . . . . 748—763
- Теорія боговдохновенности Библии въ александрійской школѣ. (Продолженіе). *Д. Леонардова.* . . . . . 764—774
- За права жизни и личности. (Ученіе Фр. Ницше и моральная оцѣнка этого ученія). *Священника П. Ожнина* . . . . . 775—785
- Нравственныя начала (принципы) новѣйшей русской художественной литературы. (Продолженіе). *П. Кривина.* . . . . . 786—810

II. ОТДѢЛЪ ИЗВѢСТІЙ и ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. О перенесеніи Чудотворной иконы Божіей Матери—Озерянскія.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Воззваніе къ православнымъ христіанамъ.—Къ свѣдѣнію г.г. подписчиковъ.—II. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 10 марта н. г.—Члена Государственнаго Совѣта проф. прот. Т. И. Буткевича.—Гнусная клевета. *Харьковца.*—Миссіонерскій листокъ. Чѣмъ сильно наше сектанство?—М. Изъ общественной жизни Россіи.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 811—856).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ зд. Присут. мѣстъ.

1907.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ богословско философскій. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изясненіе церковныхъ законовъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорныя замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ. Сюда же съ апологетическою цѣлію будутъ входить изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во времяязичества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

2. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія ланя, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы ввлючительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 р. 50 к. за каждый годъ; по 6 р. за 1890—1897 г., по 7 р. за 1897—1902 годы. За 1903 г.—9 р. и 1904 г. 8 р., за 1905 г. 9 р. и 1906 г. 10 р.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 140 р. съ пересылкою.

Кромь того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
3. БЕСВѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумтаемъ.

Евр. XI.

С Л О В О

Высокопреосвященнаго Арсенія,

Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго. ¹⁾

О ПРИГОТОВЛЕНІИ КЪ ВЕЛИКОМУ ПОСТУ.

Святая православная Церковь привела насъ нынѣ, братіе, въ самое преддверіе Великаго Поста. Какъ чадолюбивая мать, она въ теченіи четырехъ недѣль приготавливала вѣрующихъ къ подвигамъ Великаго Поста, назидая ихъ своими величайшими примѣрами пощенія и истинно-христіанскими наставленіями. Оглянемся же на пройденный нами путь и вникнемъ въ нравственный смыслъ приготовленій Церкви.

Глубоко и спасительно значеніе Великаго Поста, великъ и неоцѣнимъ его нравственный смыслъ, но тяжки его подвиги, продолжителенъ его путь, неисчислимы тѣ препятствія и козни исконнаго врага нашего спасенія, какія долженъ преодолѣть на пути семъ истинный христіанинъ. Снисходя къ слабостямъ природы человѣческой, Св. Церковь, какъ мудрая руководительница нашего спасенія, всѣми мѣрами облегчаетъ тяжелый путь подвиговъ поста и заранѣе старается устранить все, что препятствуетъ намъ принести Господу истинное покаяніе.

Что же прежде всего нужно намъ для совершенія истиннаго покаянія? Прежде всего нужна для насъ усиленная молитва, молитва христіанская, спаситель-

¹⁾ Провзнесено въ Озеринской церкви Харьковскаго Покровскаго монастыря въ недѣлю Сыропустную, 4 марта 1907 года.

ная. Мы должны молиться о томъ, чтобы Господь отверзъ намъ двери покаянія, пробудилъ въ насъ сознание своей грѣховности, возбудилъ въ насъ скорбь и сокрушеніе о грѣхахъ, даровалъ намъ силы для совершенія подвига, вселилъ спасительную надежду прощенія грѣховъ. Только молитвою мы можемъ привлечь къ себѣ милосердіе Божіе, Его любовь и всепрощеніе. Но не всякая молитва имѣетъ такую благодатную спасительную силу. И вотъ Св. Церковь, желая предостеречь насъ отъ ложной молитвы, могущей привлечь на насъ вмѣсто помилованія гнѣвъ и наказаніе Божіе, предлагаетъ намъ въ лицѣ мытаря и фарисея два образца молитвы. Въ лицѣ евангельскаго мытаря Церковь представляетъ намъ примѣръ истинной и угодной Богу молитвы, указывая намъ, что главное начало и основаніе христіанскаго покаянія есть смиреніе. Въ лицѣ же фарисея, гордаго и превозносящагося своими мнимыми добродѣтелями, она, наоборотъ, представляетъ намъ образецъ молитвы ложной, самонадѣянной, пагубной, вмѣстѣ съ тѣмъ научая насъ, что гордость является главнымъ источникомъ грѣха и сильнѣйшимъ препятствіемъ къ совершенію покаянія. Отвергнемъ же высокомерную молитву фарисея, отвергнемъ его внѣшнюю праведность, его самомнѣніе, гордыню, мнимыя добродѣтели и самомнѣніе. Смиримъ себя искреннимъ раскаяніемъ во грѣхахъ своихъ и, съ сознаниемъ своего недостойнства, воззовемъ къ Богу, какъ грѣшники, достойные всякаго осужденія, преклонимъ главу свою и, біющіе въ перси своя, въ чувствѣ смиренной вѣры, будемъ молиться вмѣстѣ съ мытаремъ: „Воже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“! Кратка молитва сія, по многосодержательна и спасительна. Ею мы начинаемъ и свои ежедневныя молитвы—утреннія и вечернія, съ ней обращаемся къ Господу всякій разъ, когда

взываемъ къ нему о помилованіи, въ ней же найдемъ особенное духовное утѣшеніе и въ наступающіе дни покаянія. Молитесь же всѣ такъ, православные, научайтесь молиться сердцемъ сокрушеннымъ и духомъ смиреннымъ, подражайте мытарю и Господь услышитъ ваши вопли и скорбь, увидитъ слезы ваши и ниспошлетъ вамъ благодатную помощь для совершенія истиннаго покаянія. Не осужденіе фарисеево, а помилованіе мытарево получите вы отъ Господа за свой подвигъ смиренной молитвы.

Научая тому, какою должна быть истинная, христіанская молитва, Св. Церковь въ то же время дастъ намъ возвышенный образецъ духовныхъ пѣснощій и молитвословій, которыя и по содержанию своему, и по духу и по своей умиленности способны возбудить душу кающагося грѣшника и расположить его къ покаянію и молитвѣ. „Господи Жизнодавче, отверзми двери покаянія, весь я погрязъ въ тинѣ грѣха и пороковъ, вся надежда моя на Твое благоутробное милосердіе. И къ тебѣ, Богородице, молюсь и взываю: на спасеніе стези настави мя. Избавь меня грѣховнаго и сквернаго отъ всякія нечистоты. Тренещу страшнаго дне суднаго, ибо множество прегрѣшеній самыхъ ужасныхъ совершилъ я; но все же я надѣюсь на Твое безконечное милосердіе и яко Давидъ вопію Ти: помилуй мя, Боже, по величій Твсей милости“.

Но есть между нами, быть можетъ, не мало и такихъ грѣшниковъ, которые, находясь долгое время подъ бременемъ грѣха и пороковъ, впадаютъ въ отчаяніе и безнадежность: „не проститъ намъ Господь согрѣшеній нашихъ, говорятъ они, тщетно наше покаяніе, тщетна молитва“. Чтобы сіи грѣшники не смущались тяжестью грѣховъ своихъ и, подавляемые сознаниемъ своей грѣховности, не доходили до отчаянія, Св. Церковь въ притчѣ о

блудномъ сынѣ представляетъ намъ другой великій образъ покаянія. Трудно представить себѣ ту глубину нравственнаго паденія и развращенія, до которой дошелъ приточный распутный сынъ. Все что есть въ человѣкѣ добраго, святого, возвышеннаго и духовнаго,— все это было помрачено и подавлено въ немъ плотскими пороками и грубою чувственностію. Удалившись отъ отца, низривувшись въ самую глубину грѣха, блудный сынъ, повидимому, лишился всякой возможности и надежды на свое помилованіе. Но что мы видимъ? Отецъ встрѣчаетъ своего преступнаго сына и лобызаетъ его. Нѣтъ предѣловъ и неисчерпаемому милосердію Божію, нѣтъ грѣха, который бы могъ превзойти его благодать. Господь Милосердный любитъ кающихся. Объ одной овцѣ заблудшей Добрый Пастырь печется болѣе, чѣмъ о 99 вкупѣ находящихся. Своею безконечною любовію Онъ сопутствуетъ всякому грѣшнику, каковъ бы онъ ни былъ. Онъ зоветъ его то тихимъ гласомъ Своего милосердія и любви, то грознымъ призывомъ Своихъ прещеній, къ покаянію и исправленію. Онъ взываетъ ко всему, что осталось въ душѣ падшаго святымъ, чистымъ, человѣческимъ, Онъ пробуждаетъ его совѣсть и страхомъ грядущаго гнѣва Божія, потрясаетъ и поражаетъ его, заставляя опомниться. Помните же, что нѣтъ грѣха превосходящаго милосердіе Божіе. Сохраните въ себѣ лишь искру совѣсти, чувство раскаянія и сознаніе своей грѣховности. Молитесь Господу вмѣстѣ со святою матерію нашею Церковію: *„согрѣшихъ предъ Тобою, Отче щедрый, прими мя кающагося, и сотвори мя, яко единого отъ наемникъ Твоихъ“*, какъ молился отцу своему раскаявшійся блудный сынъ.

Располагая насъ, такимъ образомъ, къ искреннему сердечному моленію и возбуждая надежду на помилованіе

при исправленіи, Св. Церковь указываетъ и на ту высокую цѣль, ради которой вѣрующіе христіане должны нести всѣ подвиги христіанскаго благочестія. Настоящая земная жизнь является лишь временнымъ приготовленіемъ къ жизни будущей. Всѣ мы здѣсь странники и пришельцы. Конечный удѣлъ нашъ тамъ, на небѣ, въ жизни загробной, въ общеніи съ Богомъ. Сюда-то, въ этотъ горній міръ Св. Церковь и устремляетъ наши духовные взоры въ эти дни. Уподобляя состояніе наше временному прѣбыванію іудеевъ въ плѣну вавилонскомъ, она зоветъ и располагаетъ насъ своими чудными пѣнопѣвнїями плакать и воздыхать о горнемъ отечествѣ, объ Іерусалимѣ небесномъ, подобно тому, какъ іудеи плакали и воздыхали объ Іерусалимѣ земномъ, по переселеніи своемъ въ чужую землю. Какъ трогательны и впечатлительны иѣнопѣвнїя сія и сколь назидательны они для насъ! „Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвенна да будетъ десница моя“,—будемъ повторять вмѣстѣ со Св. Церковію, и мы.

Но любовь Св. матери нашей Церкви не ограничивается нами, здѣсь на землѣ живущими. Въ сознаніи тѣснаго духовнаго единенія Церкви небесной и земной, единенія основаннаго на любви Господа Нашею Іисуса Христа и Его искупительныхъ заслугахъ, она въ субботу мясопустной седмицы молится и о всѣхъ умершихъ, дабы всѣ удостоились спасенія и жизни вѣчной. Но съ особенною любовію и усердіемъ Церковь молится о тѣхъ умершихъ, которые, какъ читаемъ въ Синаксари, „были похищены внезапною смертію на чужбинѣ, въ морѣ и непроходимыхъ горахъ, на утесахъ и въ пронастяхъ, отъ моря и голода, на войнѣ, въ пожарахъ, отъ стужи, и подверглись другимъ родамъ смерти“. Молясь за этихъ умершихъ и призывая насъ къ тому же, Св. Церковь напоминаетъ

намъ о неизбѣжности и нашей кончины, а также о томъ, что смерть можетъ постигнуть каждаго изъ насъ совершенно неожиданно. Въ виду этого каждый христіанинъ, во всякое время долженъ быть готовъ предстать на судъ Божій, особенно же долженъ позаботиться о спасеніи души своей въ наступающіе дни Великаго поста.

Особенный же смыслъ и значеніе имѣетъ недѣля мясопустная. Въ теченіе этой недѣли Св. Церковь и въ своемъ евангельскомъ чтеніи и во всѣхъ своихъ пѣснощніяхъ и молитвословіяхъ раскрываетъ предъ нами грозную картину страшнаго суда. Напоминая объ этомъ всеобщемъ, нелицепріятномъ и праведномъ Судѣ Божіемъ, Св. Церковь даетъ сильнѣйшее побужденіе для всѣхъ грѣшниковъ къ ихъ покаянiю и исправленію. Велико милосердіе Божіе, велика и любовь Его ко всѣмъ кающимся, но грозенъ Судъ Божій для нераскаянныхъ, страшно возмездіе Праведнаго Судіи. Каждому воздастъ. Онъ по дѣламъ Его, каждый понесетъ отвѣтственность за все, *„яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла“*. Огнь неугасаемый, червь неумирающій, тьма кромѣшная, скрежетъ зубовный, страхъ и трепеть,—вотъ какой удѣлъ ожидаетъ грѣшниковъ, упорствовавшихъ во грѣхѣ, пренебрегшихъ милосердіемъ и любовію Божественною, отвергшихъ средства спасенія, дарованныя Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Но за то, какъ велико и неизреченно блаженное состояніе праведныхъ, которые алчущихъ напитали, жаждущимъ дали пить, нагихъ одѣли, странныхъ приютили, болящихъ и въ темницѣ находящихся посѣтили: *„Приидите благословеніи Отца Моего, услышатъ они, насладятся уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра“*. О, сколь блаженны сіи

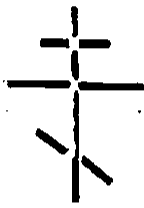
праведники! Да будемъ достойны и мы сей великой милости Божіей.

Подготавливая постепенно къ подвигамъ св. поста, въ недѣлю сырную Церковь возводитъ насъ, наконецъ, на послѣднюю ступень. Снисходя къ слабости нашей природы, она не желаетъ сразу обременять насъ тяжелыми подвигами, но постепенно приводитъ насъ къ строгому воздержанію отъ пищи, запрещая вкушать мясную пищу и позволяя вкушать молочную. Къ глубокому сожалѣнію, немногіе изъ насъ проводятъ дни сырной недѣли въ духѣ христіанскаго благочестія. Въмѣсто того, чтобы постепенно приучать себя въ эти дни къ воздержанію отъ пищи и питія, многіе пресыщаются и упиваются, отдаются разгулу, шумнымъ удовольствіямъ и чувственнымъ наслажденіямъ. Не спасеніе, а гибель уготовляемъ мы себѣ своею невоздержанною жизнію и непослушаніемъ Церкви святой. Опознися и покаемся.

Такъ Св. Церковь, какъ мудрая руководительница, воспитываетъ чадъ своихъ въ теченіи четырехъ недѣль, то научая ихъ молиться, подобно мытарю—то побуждая ихъ каяться, подобно блудному сыну, воздыхать объ Иерусалимѣ небесномъ, какъ воздыхали іудеи въ плѣну вавилонскомъ, или же заставляя трепетать и страшиться грядущаго Страшнаго Суда Божія и подготавливаться къ посту путемъ постепеннаго воздержанія. Въ настоящій же день она по ступенямъ христіанскаго благочестія привела насъ, наконецъ, въ самое преддверіе Великаго Поста. Завтра начнутся великіе и святыя дни пощенія, говѣнія, покаянія и молитвы. Вотъ почему уже съ настоящаго дня Церковь призываетъ насъ забыть все грѣховное, худое, порочное, всѣ наши дурныя мысли, слова, дѣла, пожеланія, призываетъ насъ обдумать, углубиться въ себя, возбудить

въ себѣ духъ живой вѣры, духъ молитвы и искренняго раскаянія. Но какъ будемъ просить у Господа прощенія грѣховъ своихъ, если сами не прощаемъ, какъ будемъ взывать къ Нему объ оставленіи долговъ нашихъ, если сами не простили должникамъ своимъ? Отпущеніе другимъ согрѣшеній ихъ есть необходимое условіе отпущенія нашихъ собственныхъ грѣховъ, примиреніе съ ближними есть главное условіе нашего примиренія съ Богомъ. Съ этого и слѣдуетъ начать нашъ подвигъ поста, памятуя слова Спасителя нашего: *„аще отпускаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный; Аще ли не отпускаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ“* (Мѡ. 6, 14. 15).

Вотъ откуда произошелъ трогательный и глубоко назидательный обычай православныхъ христіанъ взаимно испрашивать прощенія грѣховъ другъ у друга въ настоящій день. Съ этою цѣлію и мы собрались сюда въ эту святую обитель, чтобы искренно и чисто-сердечно простить всѣмъ ненавидящимъ и обидящимъ насъ, огорчившимъ насъ словомъ, дѣломъ и мыслию своею. Принесемъ же искреннее покаянiе другъ предъ другомъ, расскажем во всѣхъ своихъ согрѣшеніяхъ, обьемемъ любовію другъ друга, простимъ все и всѣмъ ради Господа Нашею Иисуса Христа, постившагося, распятаго и воскресшаго, вступимъ въ подвиги св. сорокадесятиницы съ совѣстію чистою, съ мыслию непо-мраченною, съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ. Испросимъ и съ своей стороны прощенія у ближнихъ, которыхъ мы оскорбили своими вольными и невольными словами и дѣлами. Простите и меня грѣшнаго, отцы и братія. Аминь.

**БЛАГОДАРНОЙ ПАМЯТИ
КОНСТАНТИНА ПЕТРОВИЧА ПОБѢДНОСЦЕВА.**

I.

10-го марта н. г., вечеромъ, послѣ приобщенія Св. Таинъ на канунъ своей смерти, тихо и по христіански скончался великій русскій человѣкъ и великій церковно-государственный дѣятель, Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. Онъ былъ великимъ не только по удивительной широтѣ своихъ познаній, но и по непоколебимой вѣрности своимъ убѣжденіямъ и по могучему вліянію на многихъ своихъ соотечественниковъ.

Въ нашей духовной литературѣ его называли *россійскимъ Сократомъ*¹⁾. Названіе весьма правильное, хотя оно и не обнимаетъ собою всѣхъ сторонъ его благородной и разносторонней дѣятельности. Почившій Сановникъ былъ не только высоко образованнымъ человѣкомъ, пользовавшимся европейскою извѣстностію, но и церковно-государственнымъ мужемъ, стражемъ и хранителемъ величія Россіи. Тѣмъ не менѣе его прежде всего надобно назвать *россійскимъ Сократомъ*. Въ самомъ дѣлѣ, что такое былъ Сократъ для греческихъ народностей? Сократовское: *γινῶσι σεαυτοῦ* (*познай самого себя*), какъ извѣстно, сдѣлалось жизненнымъ началомъ классическаго развитія какъ греческихъ, такъ и многихъ другихъ народностей. Равно какъ другое классическое выраженіе греческаго муд-

¹⁾ См. В. М. Скворцова „Памяти К. П. Побѣдоносцева“. Колоколъ отъ 13-го марта 1907 года.

реца: *πολυκραχια ουκ αγαυθου εστι. Εις εστω κραχυος* (не хорошо многоначаліе, одинъ долженъ быть начальникомъ),—углубило общечеловѣческое сознаніе, привело разрозненныя греческія народности къ сознанію національнаго единства и указало ходъ дальнѣйшаго гражданскаго и политическаго развитія ихъ. Нѣчто подобное или аналогичное сдѣлалъ для насъ и нашъ русскій Сократъ, К. П. Побѣдоносцевъ. Именно, онъ ясно созналъ, уяснилъ для соотечественниковъ и въ лицѣ своемъ въ возможной степени наглядно иллюстрировалъ двѣ великія идеи русскаго народа: идею самодержавія нашихъ русскихъ царей и идею органическаго сліянія съ ней русскаго народа. Онъ былъ убѣжденный православно-вѣрующій русскій сановникъ, русскій монархистъ и русскій патриотъ. Въ этомъ преимущественно состоитъ его незабвенная заслуга передъ Родиною.

II.

Почившій церковно-государственный мужъ родился въ 1827 г., въ Москвѣ. Отцемъ его былъ профессоръ московскаго университета П. В. Побѣдоносцевъ, занимавшій кафедру русской словесности, а дѣдомъ былъ о. В. Побѣдоносцевъ, приходской священникъ Звенигородскаго уѣзда. Въ домѣ родного и умнаго семейства онъ получилъ первоначальное воспитаніе и былъ подготовленъ къ поступленію въ Императорское училище правовѣдѣнія. Прекрасно подготовленный, даровитый мальчикъ и затѣмъ юноша окончилъ въ 1846 г. курсъ ученія первымъ, съ запесеніемъ на золотую доску—какъ перваго студента. Въ Петербургѣ же онъ началъ свою служебную карьеру, поступивъ въ канцелярію 8-го Департамента Правительствующаго Сената, но уже въ 1853 году вернулся въ Москву для несенія должности Оберъ-секретаря при Общемъ собраніи Московскихъ Департаментовъ Сената. Собственно Москва была колыбелью его служебнаго вліянія и литературно-ученой славы. Нѣтъ сомнѣнія, что именно подъ вліяніемъ церковно-патриотическихъ преданій Москвы, онъ сталъ полнѣйшимъ выразителемъ идеальныхъ сторонъ этихъ преданій и, конечно, никто изъ русскихъ церковно-государственныхъ дѣятелей послѣдней

четверти минувшаго года не достигалъ такой высоты русскаго самосознанія и ничье имя такъ не связано и не увѣковѣчено съ исторіей Русской Церкви, какъ москвича К. П. Побѣдоносцева, бывшаго затѣмъ свыше двадцати пяти лѣтъ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода. Исполняя свои секретарскія обязанности въ Москвѣ, онъ въ то же время выступилъ на учено-литературное поприще. Въ Москвѣ онъ напечаталъ на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ *Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи, О реформахъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ* и др. Всѣ эти статьи, отличающіяся обширными познаніями и проникнутыя живымъ интересомъ, касались или современныхъ тогда животрепещущихъ вопросовъ, каковы были въ то время вопросъ о крѣпостномъ правѣ, или той юридической сферы дѣятельности, къ которой тогда близко стоялъ молодой авторъ. Несомнѣнныя достоинства этихъ первыхъ опытовъ обратили на себя большое вниманіе людей ученыхъ, и талантливому юристу было предоставлено чтеніе лекцій по гражданскому праву въ Московскомъ Университетѣ. Но самый капитальный юридическій трудъ его: *Курсъ гражданского права* написалъ онъ уже въ Петербургѣ, когда былъ назначенъ (1865 г.) членомъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи и затѣмъ (1868 г.) Сенаторомъ. Этотъ „Курсъ“, считающійся и теперь классическимъ въ юридическомъ мірѣ, уже выдержалъ пять изданій и до сихъ поръ служитъ образцовымъ руководствомъ для юристовъ. Въ этотъ курсъ вошло большинство его работъ по отдѣльнымъ вопросамъ гражданского права, представляя изъ себя первую полную обработку дѣйствующаго русскаго гражданского права. Въ основу этого труда положенъ историко-сравнительный методъ: каждый институтъ разсматривается авторомъ сравнительно съ римскимъ, германскимъ и французскимъ правомъ, причемъ авторъ старается установить его основную идею и только затѣмъ переходитъ къ изложенію русскаго законодательства по данному институту, всегда посылая догматическому изложенію историческій очеркъ его происхожденія и развитія въ нашемъ правѣ. (Спб. 1868 г., два тома). Въ Петербургѣ же (1861 года) на его долю выпала честь преподавать законовѣдѣніе покойному Наслѣднику Цеса-

ревичу Николаю Александровичу, въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру III, Великому Князу Владиміру Александровичу и затѣмъ нынѣ царствующему, Государю Императору Николаю Александровичу. Въ то же время онъ удостоился сопровождать тогдашняго Наслѣдника Престола при его путешествіи отъ Петербурга до Крыма въ 1863 г. Плодомъ этой поѣздки, въ сотрудничествѣ съ профессоромъ И. К. Бабстомъ, явилась прекрасная книга подъ заглавіемъ: „Письма о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи“, отрывки изъ которой до сихъ поръ помѣщаются въ нашихъ хрестоматіяхъ, какъ лучшіе образцы русской прозы.

Постепенно возвышаясь по ступенямъ государственной службы, послѣдовательно назначенный членомъ во 2-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, перемѣщенный затѣмъ въ Гражданскій Кассационный Департаментъ, Всемилостивѣйше зачисленный далѣе въ члены Государственнаго Совѣта съ присутствіемъ въ Департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, онъ былъ назначенъ членомъ Коммиссіи для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ отчетовъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, членомъ Коммиссіи для разсмотрѣнія дѣлъ о преобразованіи тюремной части и о пересмотрѣ второй главы перваго отдѣла уложенія о наказаніяхъ, членомъ Совѣта по тюремнымъ дѣламъ и наконецъ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода (съ 1861—1880 г.г.). Въ то же время, независимо отъ своихъ служебныхъ и ученыхъ трудовъ, онъ занимался еще церковно-богословскими и педагогическими сочиненіями. Такъ вслѣдъ за изданіемъ *Курса гражданского права* (1868 г.), онъ напечаталъ свой замѣчательный переводъ съ латинскаго сочиненія Оомы Кемпійскаго *О подражаніи Христу* (1869 г.). Трудъ этотъ, вышедшій уже *седьмымъ изданіемъ*, представляетъ собою не только лучшую передачу оригинала, но вмѣстѣ съ тѣмъ образцово составленную книгу съ „примѣчаніями и размышленіями изъ духовныхъ писателей“, съ библиографическимъ указателемъ и прекраснымъ вступленіемъ отъ издателя-переводчика. „Книга эта“, какъ справедливо указывалъ самъ К. П. Побѣдоносцевъ, „исполнена священной поэзіи. Каждая страница въ ней дышетъ, если можно такъ выразиться, лирическимъ

восторгомъ вѣрующей души. Всюду въ ней слышится торжественная пѣснь о Богѣ, о вѣчности и о судьбѣ человѣка. Изъ другихъ церковно богословскихъ и педагогическихъ произведеній К. П. особенно замѣчательны: 1) Христіанскія начала семейной жизни (Москва 1861 г.); 2) Тишендорфъ и Синайская біблія; 3) Исторія Церкви, популярно изложенная для средней школы; 4) Праздники Господни; 5) Побѣда, побѣдившая міръ; 6) Учитель и учительница; 7) Исторія дѣтской души; 8) Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа въ новомъ русскомъ переводѣ, съ предисловіями и краткими объяснительными примѣчаніями. Опытъ къ усовершенствованію перевода на русскій языкъ священныхъ книгъ Нового Завѣта. (Изданіе 1907 г., стр. VI; 1—629). Это былъ его послѣдній литературный трудъ. Въ трудахъ надъ этой священной книгой онъ находилъ лучшее утѣшеніе среди огорченій послѣднихъ дней своей жизни. Но особенно мы должны отмѣтить два его сочиненія: 9) Московскій сборникъ (Москва, 1896 г.) и 10) Вопросы жизни (Москва, 1904 г.), хотя они и не принадлежатъ въ строгомъ смыслѣ къ церковно-богословскимъ и педагогическимъ сочиненіямъ. Въ нихъ нашъ государственный мужъ, ученый юристъ и глубокомысленный писатель, такъ сказать, открываетъ свою душу и какъ бы отдастъ на судъ современниковъ свои религіозно-политическія убѣжденія.

III.

Читая его произведенія, нельзя не удивляться богатству, глубинѣ и разносторонности его познаній. Будущему историку его міросозерцанія и жизни предстоитъ не легкій, хотя и благодарный трудъ привести въ систему все разнообразіе его знаній и философски освѣтить его міросозерцаніе. Конечно, это дѣло будущаго повѣствователя его жизни и литературной дѣятельности. Но уже и теперь въ нашей публицистической литературѣ справедливо и вѣрно замѣчаютъ, что покойный К. П. Побѣдоносцевъ, съ огромными способностями и знаніями соединявшій практическое направленіе дѣятельности, занялъ особое положеніе въ развитіи національной русской идеи,

отмѣтивъ въ себѣ переходъ ея отъ чисто-теоретической отвлеченности къ осязательнымъ формамъ практическаго примѣненія ¹⁾. Эта идея—Самодержавіе Русскихъ Царей. Она занимаетъ центральное мѣсто въ сознаниі русскаго народа, не имѣя ничего общаго ни съ римскимъ *цезаризмомъ*, ни съ византійскимъ *василлизмомъ*, ни съ средневѣковымъ *абсолютизмомъ*, ни съ современнымъ европейскимъ *конституціонализмомъ*. Будучи облечена у насъ въ юридическія формы, въ государственный основной законъ, она глубочайшими корнями своими утверждается въ народномъ сознаниі, въ народной совѣсти, въ народной религіозной вѣрѣ. Она для русскаго народа есть своего рода абсолютная истина. К. П. Побѣдоносцевъ былъ убѣжденъ, что хотя къ вѣрованію обыкновенно примѣняется понятіе объ убѣжденіяхъ, но *убѣжденія разсудка* нельзя смѣшивать съ *убѣжденіемъ вѣры*, и сила умственная, сила интеллигенціи и мышленія, весьма ошибается, если полагаетъ въ себѣ самой все нужное для *силы духовной*, независимо отъ вѣрованія, составляющаго самую сущность духовной силы. По его глубокому убѣженію, довѣріе массы народа къ правителямъ основывается на вѣрѣ, т. е. не только на единовѣрїи народа съ правительствомъ, но и на простой увѣренности въ томъ, что правительство имѣетъ вѣру и по вѣрѣ дѣйствуетъ. Это особенно примѣнимо къ нашему народу. Съ этой точки зрѣнія еще въ 1896 г. онъ, можно сказать, прозорливо говорилъ: „Мы видимъ теперь, что каждымъ отдѣльнымъ племенемъ, принадлежащимъ къ составу разноплеменнаго государства, овладѣваетъ страстное чувство нетерпимости къ государственному учрежденію, соединяющему его въ общій строй съ другими племенами, и желаніе имѣть свое самостоятельное управленіе, со своею, не рѣдко мнимою, культурой. И это происходитъ не съ тѣми только племенами, которыя имѣли свою исторію и въ прошедшемъ своемъ, отдѣльную политическую жизнь и культуру, но и съ тѣми, которыя никогда не жили особою политическою жизнію“. И только „монархія неограниченная, по его убѣженію, успѣвала устранять или примирять всѣ подобныя

¹⁾ „Моск. Вѣдом.“ № 59 г. 1907.

требованія и порывы, и не одною только силой, а и *уравненіемъ правъ и отношеній подъ одною властію*“¹⁾. Съ этой же точки зрѣнія онъ одинаково отрицательно относился, какъ къ европейскому парламентаризму, такъ и новонарождающемуся социалистическому демократизму. Онъ возвышался надъ тѣмъ и другимъ. Парламентаризмъ онъ признавалъ только компромиссомъ буржуазіи съ верховною властію, а демократизмъ—полнѣйшимъ отрицаніемъ и парламентаризма, и верховной власти. Его идеаломъ было неограниченное Самодержавіе въ союзѣ съ народомъ, иначе говоря, живой и непосредственный союзъ Царя съ своимъ народомъ.

Ксенофонтъ, какъ историкъ, говоритъ о Сократѣ, что онъ былъ самоучкой философіи (*αυτομαθής της φιλοσοφίας*). О нашемъ же русскомъ Сократѣ никакъ нельзя сказать этого. По своимъ философскимъ или лучше религіозно-политическимъ воззрѣніямъ онъ примыкалъ къ слафянофиламъ. Но еще болѣе къ старѣйшему своему современнику, такъ же великому какъ и онъ самъ, къ Московскому митрополиту Филарету. Равно какъ и самъ м. Филаретъ былъ только выразителемъ нашей народной вѣры, нашихъ историческихъ завѣтовъ и преданій. Онъ говорилъ: „Богъ, по образу Своего небеснаго едипоначалія, устроилъ на землѣ царя; по образу своего вседержительства—царя самодержавнаго; по образу своего царства непреходящаго продолжающагося отъ вѣка и до вѣка—царя наслѣдственнаго“. По этому онъ же говорилъ: „Благо народу и государству, въ которомъ едннимъ, всеобщимъ, свѣтлымъ, всепроникающимъ, вседвижущимъ средоточіемъ, какъ солнце во вселенной стоитъ Царь свободно ограничивающій свое самодержавіе волей Царя Небеснаго, мудростію, великодушіемъ, любовію къ народу, желаніемъ общаго блага, вниманіемъ къ благому совѣту, уваженіемъ къ законамъ предшественниковъ и къ своимъ собственнымъ, и въ которомъ отношенія подданныхъ утверждаются не на спорахъ ежедневно возраждающихся, и не на спорахъ никогда неокончаемыхъ, а на безпристрастныхъ рѣшеніяхъ верховной власти и на присущихъ церкви и народу

1) „Москов. Сборн.“ стр 14, 46—47.

идеалахъ правды и любви“. Отсюда же онъ порицалъ то общественное состояніе, когда „невѣжды дѣлаютъ разборъ между людьми, въ которыхъ должно усматривать государственную мудрость, беззаконники участвуютъ въ избраніи будущихъ участниковъ законодательства, поселяне и ремесленники разсуждаютъ и подаютъ голоса не о томъ, кто могъ бы хорошо смотрѣть за порядкомъ въ деревнѣ, или въ обществѣ ремесленниковъ, но о томъ, кто способенъ управлять государствомъ“¹⁾. Очевидно, это тоже, что позже, только въ болѣе мягкой и сдержанной формѣ, говорилъ и К. П. о народовластіи: „Вмѣсто неограниченной власти монарха мы получаемъ неограниченную власть парламента, съ тою разницей, что въ лицѣ монарха можно представить себѣ единство разумной воли; а въ парламентѣ нѣтъ его, ибо здѣсь все зависитъ отъ случайности, такъ какъ воля парламента опредѣляется большинствомъ; но какъ скоро при большинствѣ, составляемомъ, при посредствѣ игры въ партіи, есть меньшинство, воля большинства не есть уже воля цѣлаго парламента; тѣмъ еще менѣе можно признать ее волею народа, здоровая масса коего не принимаетъ никакого участія въ игрѣ партій и даже уклоняется отъ нея“²⁾. Нельзя поэтому не видѣть близкаго сходства воззрѣній митрополита съ воззрѣніями К. П. Побѣдоносцева. Свою близость или даже сродство съ ними К. П. подтвердилъ и доказалъ изданіемъ „Сборника мыслей и изреченій митрополита Филарета“ (1897 г.) Во всякомъ случаѣ, міросозерцаніе этихъ двухъ великихъ мужей было конгеніально. А между тѣмъ на своемъ жизненномъ пути К. П. волею или неволею долженъ былъ встрѣчаться съ людьми иного образа мыслей, съ людьми сильными и вліятельными, съ которыми онъ не могъ согласиться. И онъ энергично отстаивалъ свое міросозерцаніе не только теоретически, но и практически. Особенно памятна въ этомъ отношеніи эпоха восьмидесятыхъ годовъ. Энергичное спасеніе Самодержавія въ 1881 году есть его историческая заслуга.

¹⁾ „Государ. ученіе Филарета митрополита Московскаго“ Москва. 1888 г. стр. 12, 22 28.

²⁾ „Моск. Сборн.“ 1896 г. стр. 48—49.

IV.

Призванный на высокій постъ Оберъ-Прокурора Св. Синода въ 1880 году, въ эпоху полной смуты,—Константинъ Петровичъ съ самаго воцарѣнія Императора Александра III занялъ мѣсто ближайшаго вѣрнаго слуги Государева, точнаго исполнителя Его Монаршей воли и усерднаго, благомыслящаго и заботливаго сына Православной Церкви. Нисколько не будетъ преувеличеніемъ сказать,—что все что сдѣлано за двадцать пять свѣше лѣтъ его пребыванія въ должности Оберъ-Прокурора (1880—1905 г.г.), такъ или иначе, носитъ печать его вліянія, его инициативы, его таланта. Всѣ свои силы, всю свою преданность Церкви, все свое уваженіе къ ней онъ посвящалъ теперь на служеніе ея благу, какъ онъ понималъ это благо, и работалъ искренне, усердно, не покладая рукъ. Такъ при немъ вызваны къ жизни и возстановлены отодвинутыя и затемненныя теченіемъ времени нѣкоторыя формы древне-русскаго церковнаго строя; заведены окружныя церковныя съѣзды и расширена миссіонерская дѣятельность въ Сибири, Японіи и Сѣверной Америкѣ. По требованію мѣстныхъ условій учреждены новыя епархіи; возстановлено и вновь открыто большое число новыхъ епархій; начата постройка новыхъ церквей въ Прибалтійскомъ краѣ и на длинномъ пути Сибирской желѣзной дороги; возникли во множествѣ женскія общины, большею частію со школами или другими благотворительными учрежденіями для окрестнаго населенія, а равно женскіе и мужскіе монастыри; при немъ же вновь пересмотрѣны уставы и штаты духовно-учебныхъ заведеній, введенію которыхъ онъ предпослалъ прекрасное свое сочиненіе подъ заглавіемъ: *Доброе слово воспитанникамъ духовныхъ семинарій и академій по поводу нынѣшнихъ страшныхъ событій* (1881 г.); его же заботами церковно-книжное издательство достигло небывалыхъ размѣровъ. Но особенно мы должны отмѣтить два факта въ его жизни высокой важности. Говоря словами „Церк. Вѣд.“, церковно-приходская школа, поставившая просвѣщеніе народа подъ сѣнь Церкви Христовой,—въ полномъ смыслѣ слова - дѣтище Константина Петровича. Онъ самъ неоднократно

заявлялъ, что устроению этихъ школъ удѣлялъ наибольшее вниманіе и считалъ самымъ важнымъ дѣломъ, такъ какъ оно дѣлалось для народа. И по его энергичнымъ стараніямъ, даны въ распоряженіе духовнаго вѣдомства большія средства для развитія церковно-приходскихъ школъ и церковнаго просвѣщенія народа. Теперь, послѣ свѣше двадцатипятилѣтнихъ усилій духовныхъ дѣятелей, дѣло это прочно-развилося по всей „Россіи“¹⁾.

Другой фактъ, который вѣнавсегда долженъ остаться въ благодарной памяти нашего духовенства,—это его заботы предъ Престоломъ объ улучшеніи положенія духовенства. Справедливо говорятъ, что при немъ и главнымъ образомъ благодаря его вліянію, изъ государственнаго казначейства стали отпускать значительныя,—скажемъ болѣе—крупныя суммы на жалованье духовенству. Благодаря его же заботливости, въ 1902 г. издавъ уставъ о пенсіяхъ духовенству. Вмѣстѣ съ этимъ Константинъ Петровичъ желалъ, чтобы духовенство вышло изъ своего приниженаго положенія и заняло въ общественномъ и государственномъ строѣ то мѣсто, которое отвѣчаетъ его дѣйствительному значенію. Поэтому при немъ, какъ никогда ранѣе, духовенство было поощряемо государственными знаками отличія, до высшихъ степеній включительно²⁾.

V.

У свѣжей могилы почившаго нѣтъ мѣста для полной и всесторонней оцѣнки благородной жизни его; тѣмъ болѣе нѣтъ мѣста для разбора какихъ либо разногласій, споровъ и прещирательствъ. Тѣмъ не менѣе и теперь уже можно находить прекрасную, объективно составленную характеристику его благородной дѣятельности въ слѣдующемъ открытомъ письмѣ къ нему, одного изъ ученѣйшихъ іерарховъ нашей Церкви, Высокопреосвященнаго Антонія, архіепископа Волынскаго. Въ 1906 г. онъ писалъ къ нему: „Вы не были продолжателемъ административной рутинны, какъ желаютъ представить ваши жалкіе,

¹⁾ „Церк. Вѣдом.“ 1907 г. № 11. Стр. 510.

²⁾ Тамъ же, стр. 511.

бездарные критики. Напротивъ, вы поднимали цѣлину жизни и быта, брались за дѣла, нужныя Россіи, но до васъ администраціи невѣдомыя. Первое—дѣло церковно-приходскихъ школъ вы такимъ образомъ подняли и вынесли на своихъ плечахъ. Вы подняли надъ грамотной Россіей свѣтъ Божественной Библии, распространили слово Божіе по дешевой цѣнѣ на всехъ нарѣчіяхъ православныхъ племенъ Россіи и иныхъ отдаленныхъ странъ. Вы украсили изданія книгъ святыхъ молитвъ и пѣснопѣній церковныхъ, и старались убѣдить духовенство и общество въ томъ, что послѣпетровская эпоха не улучшила, а понизила и исковеркала наши напѣвы и богослуженіе. Вы убѣдили лучшаго изъ покойныхъ царей нашихъ приказать строить православные храмы въ православномъ ихъ архитектурномъ благолѣпіи, а не въ безобразномъ видѣ языческихъ капищъ. Вы оцѣнили высокія качества единовѣрческихъ общинъ, поддержали и ободрили поборниковъ этого единственно надежнаго моста отъ раскола къ Церкви; вы умѣли цѣнить снѣдающую ревность о Богѣ подъ мужицкими запутами, подъ бешметами учителей изъ крещеныхъ инородцевъ. Вы отыскивали ревнителѣй вѣры и Церкви и не стыдились учиться у смиренныхъ труженниковъ провинціи—Рачинскаго и Ильминскаго въ то время, когда Царь Россіи имѣлъ васъ своимъ главнымъ совѣтникомъ, а Европа знала васъ, какъ просвѣщеннѣйшаго профессора и общественнаго дѣятеля. Восемидесятые годы прошедшаго столѣтія, столь ненавистные нынѣшнимъ либераламъ, но цѣнные въ глазахъ истинно-русскаго патріота, какъ годы реформы нравовъ, тѣ восьмидесятые годы отрезвленія русскихъ умовъ и обращенія ихъ къ родной забытой старинѣ, имѣли въ лицѣ вашемъ одного изъ главныхъ вдохновителей собранія Руси—въ области убѣжденій и нравовъ—въ области преобразованій административныхъ, законодательныхъ“.

„Я не встрѣчалъ ни одного умнаго человѣка, желающаго быть безпристрастнымъ, который бы не отдавалъ дани глубокаго уваженія вашей дѣятельности. Вы не только служили, вы подвизались добрымъ подвигомъ. Вы не были, однако, сухимъ фанатикомъ государственной или церковной идеи: вы

были человекомъ сердца добраго и снисходящаго. Быть можетъ, даже иногда погрѣшили противъ принципа, подчиняясь жалости, но не погрѣшали этимъ противъ Господа Иисуса Христа. Вопреки заявленію вашихъ презрѣнныхъ враговъ, форма и буква закона не были для васъ высшимъ доводомъ: горячая и убѣжденная просьба склоняла васъ на изъятія во имя милосердія. Особенно цѣнно въ васъ было то, что вы вѣрили въ человѣческое раскаяніе и исправленіе¹⁾. Прекрасныя, благородныя, а главное—правдивыя слова: намъ тоже извѣстны факты, когда только личное ходатайство Константина Петровича предъ Трономъ спасало или облегчало участь виновныхъ отъ строгой кары закона.

VI.

Полагаемъ, мы не исполнили бы благодарнаго долга предъ усопшимъ сановникомъ, если бы въ заключеніе изложенныхъ нами сужденій о немъ, не высказали нѣсколькихъ словъ о его отношеніи къ журналу „Вѣра и Разумъ“. Въ 1883 году, Высокопреосвященный Амвросій, глубокій аналитикъ, психологъ и мыслитель съ богословско-философскимъ направленіемъ мысли, пожелалъ основать въ Харьковѣ богословско-философскій журналъ „В. и Р.“ и о своемъ желаніи частнымъ письмомъ извѣстилъ своего друга по Москвѣ Константина Петровича. Но совершенно неожиданно онъ не встрѣтилъ въ немъ на первыхъ порахъ сочувствія. К. П. былъ убѣжденъ, что „отъ самаго начала Церкви, нетерпѣливыя сердца, ... поражааясь чудовищными противорѣчіями между ученіемъ Христа Спасителя и жизнью христіанъ, составляющихъ Церковь Христову, ... возлагаютъ вину на Церковь Христову съ ея установленіями и, приходя къ отрицанію существующей отъ начала Церкви, думаютъ утвердить вмѣсто нея свое, очищенное по ихъ мнѣнію, ученіе Христово, отрѣшенное отъ Церкви, выводимое по ихъ усмотрѣнію изъ отдѣльныхъ текстовъ Евангелія“. Или когда „богословская наука, не ограничиваясь первоначальною своею задачею—привести въ сознаніе и обнять общимъ взглядомъ

¹⁾ „Воля. еп. Вѣдом.“ 1906 г. № 21.

церковныя вѣрованія, грозитъ уже поглотить въ себѣ всякое вѣрованіе, подчинивъ его безопадному критическому анализу разума, какъ фактъ, какъ внѣшній предметъ изслѣдованія¹⁾. Все это равно касалось какъ философской, такъ и богословской дисциплины. Между тѣмъ какъ онъ самъ стоялъ за сердечную, традиціонную вѣру. Но Высокопреосвященный Амвросій разсѣялъ опасенія своего друга и самъ сталъ руководителемъ этого журнала. И К. П. переимѣнилъ свое отношеніе къ журналу, одобрялъ многія его статьи, самъ рекомендовалъ нѣкоторыя переводы съ иностранныхъ языковъ и иногда указывалъ нѣкоторыя, вольныя или невольныя журнальныя промахи, какъ это было напр., въ слѣдующемъ случаѣ: Въ срединѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, одинъ важный саповникъ римской Церкви, братъ кардинала Ванутелли, путешествовалъ по Россіи и свое путешествіе описалъ въ изданной имъ книгѣ на италіанскомъ языкѣ. Въ этой книгѣ онъ въ теплыхъ выраженіяхъ отзывался о Россіи, христіанской жизни русскаго народа и его приверженности къ Церкви. Одинъ экземпляръ своей книги, опъ, при почтительномъ письмѣ, прислалъ К. П., какъ Оберъ-Прокурору Св. Синода. К. П. отвѣчалъ ему письмомъ на латинскомъ языкѣ, неправильный переводъ котораго былъ затѣмъ помѣщенъ въ одной славянской католической газетѣ, а оттуда попалъ и въ нашъ журналъ. Неправильность касалась главнымъ образомъ того мѣста письма, въ которомъ К. П., ссылаясь на слова ап. Павла, укорявшаго коринѣскихъ христіанъ за то, что они говорили: *Я Павловъ, я Аполлосовъ, я Кифинсъ, а я Христовъ; разве раздѣлился Христосъ? разве Павелъ распялся за васъ? или во имя Павла вы крестились?* (1 Кор. 1, 12),—выражалъ глубокое сожалѣніе о раздѣленіи Церквей и несомнѣнную надежду на примиреніе ихъ. К. П. не былъ согласенъ съ тенденціозною неправильностію заграничнаго перевода, прислалъ въ нашу редакцію подлинное свое письмо и выразилъ желаніе видѣть лучшей переводъ, что, конечно, и было исполнено. Но еще большую внимательность К. П. къ нашему журналу можно видеть, между прочимъ, въ слѣдующемъ фактѣ. Въ этомъ журналѣ

1) „Моск. Сборн.“, стр. 147 и 5.

были помѣщены въ переводѣ многія статьи извѣстнаго священника при Парижской посольской Церкви, о. Владимира Гетте, бывшаго первоначально священникомъ римской Церкви, а потомъ по убѣжденію перешедшимъ въ православіе,—историка, ученаго богослова и человѣка со всестороннимъ образованіемъ. Еще въ 1873 г. за свое сочиненіе *Изложеніе православной вѣры*“, переведенное на всѣ языки православныхъ Церквей, не исключая и арабскаго, и приподнесенное имъ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, Супругѣ Императора Александра II, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны второй степени. Съ тѣхъ поръ онъ не имѣлъ никакихъ наградъ ни за свое служеніе, ни за свои ученые труды. Но продолжалъ усердно работать въ издаваемомъ имъ журналѣ: „Христіанское единеніе“ (L'unionne chretienne). Въ 1887 г. въ нашемъ журналѣ былъ помѣщенъ въ переводѣ его капитальный трудъ: „Палство, какъ причина раздѣленія Церквей или Римъ въ своихъ отношеніяхъ къ Восточной Церкви (La Papauté schismatique ou Rome dans ses rapports avec l'Eglise orientale). Это то сочиненіе, за которое онъ еще при жизни митр. Филарета удостоился степени доктора богословія русской Церкви. Высокопреосвященный Амвросій былъ такъ доволенъ этимъ сочиненіемъ, что за него, равно какъ и за другіе труды о. Владимира, сталъ хлопотать о высшей наградѣ ему. И К. П., по просьбѣ своего московскаго друга, исходатайствовалъ ему орденъ св. Владимира третьей степени. Нѣтъ сомнѣнія, что наше схематическое изложеніе частныхъ фактовъ его отношеній къ духовной литературѣ и вообще—церковно-общественной дѣятельности—можетъ и должно быть пополнено многими другими фактами, но мы ограничиваемся только этими.

VII.

За свои научные труды К. П. Побѣдоносцевъ былъ избранъ въ почетные члены Императорской Академіи Наукъ. Онъ также былъ почетнымъ членомъ университетовъ: Московскаго, Петербургскаго, Казанскаго и св. Владимира въ Кіевѣ; почетнымъ же членомъ былъ всѣхъ нашихъ Духовныхъ Академій и многихъ другихъ учебныхъ учрежденій. Кромѣ того, онъ состоялъ председа-

телемъ Николаевскаго православнаго братства.—За свою же церковно-общественную дѣятельность онъ 'Всемилоствѣйше былъ пожалованъ государственнымъ Статсъ-Секретаремъ въ день Св. Коронованія 14 мая 1896 г., ему пожалованъ орденъ св. Владиміра первой степени при Рескриптѣ, а въ 1898 г. ему пожалованъ орденъ св. Апостола Андрея Первозваннаго. Въ 1905 году онъ оставилъ постъ Оберъ-Прокурора Св. Синода и тогда же удостоился Высочайшаго Рескрипта, гдѣ были начертаны слѣдующія высоко-милостивыя слова: *„Состоя въ теченіи четверти вѣка ближайшимъ сотрудникомъ въ Бозѣ почившихъ Дѣда и Родителя Моихъ и Моимъ по дѣламъ духовнаго вѣдомства православнаго вѣроисповѣданія, Вы съюмми, совершенно выдающимися способностями и беззаветностью Престолу снискали искреннее Мое уваженіе“.*

Три дня тѣло почившаго сановника было открыто для христіанскаго молитвеннаго поминовенія и въ силу семейныхъ традицій сначала находилось въ той комнатѣ и на той постели, на которой онъ скончался, и только утромъ 12 марта кровать съ прахомъ его была перенесена на верхъ въ концертную залу, гдѣ при жизни его обычно происходили торжественныя засѣданія Братства Пр. Богородицы, и гдѣ онъ оставался до послѣдняго момента выноса его въ церковь. Панихиды по покойномъ, можно сказать, совершались непрерывно днемъ и вечеромъ. Первая панихида совершена была въ субботу въ 8½ ч. вечера, законоучителемъ женской Свято-Владимірской церковно-учительской школы, гдѣ супруга покойнаго, Е. А. Побѣдоносцева, состоитъ попечительницею, какъ состоитъ почетной же попечительницей церковно-приходскихъ учреждений и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Харьковѣ, при двухъ-классной женской церковно-приходской школѣ въ приходѣ Александро-Невской церкви. „Общественныя“ же панихиды, совершавшіяся или митрополитами или высшими іерархами, всегда привлекали многихъ посѣтителей и въ числѣ ихъ многочисленныхъ почитателей, сослуживцевъ и друзей, желавшихъ поклониться праху великаго русскаго человѣка.

Но самая торжественная панихида была совершена членами Св. Синода 12-го марта, въ 12 ч. дня. Ее совершали митрополиты—Антоній, Владиміръ, Флавіанъ; архіепископъ Сергій, еп. Иннокентій; архіепископы члены Государ. Совѣта—Николай, Арсеній и еп. Николай Вологодскій, въ сослуженіи о. протопресвитера Желобовскаго, 2 лаврскихъ архимандритовъ, 2 протоіереевъ, при пѣніи митрополитскаго хора пѣвчихъ. Во время панихиды у праха почившаго несли дежурство по 4 воспитанника Училища Правовѣдѣнія, гдѣ покойный закончилъ свое образованіе, — и занесенъ на золотую доску, какъ первый студентъ. Выносъ тѣла изъ квартиры совершенъ былъ въ домовую церковь Свято-Владимірской школы, и сопровождался многочисленными толпами народа, съ преднесеніемъ многихъ вѣнковъ въ благодарную память о немъ. Выносъ совершали митрополиты Владиміръ и Флавіанъ съ нѣкоторыми іерархами, а митрополитъ Антоній совершилъ въ той же церкви заупокойную литургію (Іоанно-Златоустаго), по окончаніи которой на отпѣваніе вышли всѣ члены Св. Синода и члены—епископы Гос. Совѣта. Погребеніе состоялось возлѣ Свято-Владимірской школы, у церкви этой же школы.

Нѣтъ сомнѣнія, что почившій К. П. глубоко любилъ Россію и желалъ ей полнѣйшаго процвѣтанія. Нѣтъ также сомнѣнія, что онъ былъ многозаботливъ и любящимъ сыномъ православной Церкви, и этимъ воздвигъ себѣ нерукотворный памятникъ въ сердцахъ всѣхъ православныхъ христіанъ. Да вознаградитъ же его Богъ за все то доброе, что онъ сдѣлалъ для Родины и для родной Церкви!

Редакція.

ОПЫТЪ ИСПРАВЛЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО ТЕКСТА ВЪ ВЕЛИКОМЪ КАНОНѢ.

(Съ чувствомъ глубокаго уваженія, признательности и благодарности посвящается Высокопреосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому).

КАНОНЪ ВЕЛИКІЙ.

Церковный текстъ *).

Исправленный текстъ.

(Овопчаніе **).

ПѢСНЬ 7. ИРМОСЬ.

Согрѣшихомъ, беззаконно-
вомъ, неправдовахомъ предъ
тобою, ниже соблюдохомъ, ниже
сотворихомъ, якоже заповѣдалъ
еси намъ: но не предаждь насъ
до конца, отцевъ боже.

Согрѣшихомъ, беззаконно-
вомъ, неправдовахомъ предъ
Тобою; не соблюдохомъ и не
сотворихомъ, якоже заповѣ-
далъ еси намъ; но не остави
насъ до конца, отцевъ Боже.

Т р о п а р и

Согрѣшихъ, беззаконновахъ,
и отвергохъ заповѣдь твою,
яко во грѣсѣхъ произведохся *),
и приложихъ язvamъ струны
себѣ: но самъ мя помилуй, яко
благоутробенъ, отцевъ боже.

Согрѣшихъ, беззаконновахъ
и отвергохъ заповѣдь Твою;
пбо во грѣсѣхъ азъ воспитанъ
быхъ, и приложихъ себѣ къ
язvamъ раны: но Ты Самъ по-
милуй мя, яко милосердый,
отцевъ Боже.

*) Произведохся—по греч. προήδην; προήτω—веду впередъ, подвигаю, у Демосе. встрѣчается съ значеніемъ воспитываю.

Тайная сердца моего испо-
вѣдахъ тебѣ суди моему, виждь
мое смиреніе, виждь и скорбь

Тайны сердца моего открыхъ
Тебѣ, Суди моему; возри на
смиреніе мое, возри и на

*) По Триодіону, изд. въ Моск. Синод. типогр. 1879 г.

***) См. журналъ «Вѣра и Разумъ» за 1907 г. № 5.

мою, и вонми суду моему нынѣ, и самъ мя помилуй, яко благоутробенъ, отцевъ боже.

Саулъ иногда яко погуби отца своего душе ослата, внезапно царство обрѣте къ прослугію *): но блюди, не забывай себе, скотскія твоя похоти произволивши **) паче царства христова.

*) *Къ прослугію*—πρός ἀνθρώπων—съ извѣстіемъ—обст. обр. дѣйствія.

**) *Произволивши*—προκρίνωσα; προκρίνω зп. *предпочитаю*.

Давидъ иногда богоотецъ, аще и согрѣши сугубо душе моя, стрѣлою убо устрѣленъ бывъ прелюбодѣйства, копіемъ же плѣненъ бывъ убійства томленіемъ *): но ты сама тяжчайшими дѣлы недугуеши, самохотными стремленми.

*) *Копіемъ же плѣненъ бывъ убійства томленіемъ* по-греч. τῷ δὲ δόρατι ἄλυσ τῆς τε φόνου ποιῆς. Τῷ δόρατι ἄλυσ (отъ ἀλίσκομαι меня берутъ) значитъ *взятый копьемъ, открытою силою, покоренный, плѣненный*; ποιῆς ἢ обыкновенно значитъ *возмездіе, пеня за пролитую кровь, месть*; если же месть изображается дѣйствующею, какъ и въ данномъ случаѣ, то словомъ ποιῆς у грековъ обозначается *духъ или боиня мести, фрурія*. Въ приведенномъ текстѣ мы счѣтаемъ удобнымъ придать слову ποιῆς послѣднее значеніе. Конструкція разсматриваемаго текста такова: ἄλυσ (плѣненный или взятый) δόρατι (копьемъ) τῆς ποιῆς τοῦ φόνου (духа убійства).

Совокупи убо Давидъ иногда беззаконію беззаконіе: убійству же любодѣйство растворивъ, покаяніе сугубое показа абіе: но сама ты лукавнѣйшая душе содѣлала еси, не покаявшись Богу.

скорбь мою; внемли суду надъ мною нынѣ, и Самъ помилуй мя, яко милосердый. отцевъ Боже.

Егда Саулъ упусти ослатицъ отца своего, внезапно съ вѣстію (о снхъ) обрѣте и царство: внимай же, душе, не забывайся, предпочитаючи своя скотскія похоти царствію Христову.

Аще Богоотецъ Давидъ древле и согрѣши сугубо, бывъ уязвленъ стрѣлою прелюбодѣйства и плѣненъ духомъ убійства: но ты, душе моя, сама недугуеши тягчайшими снхъ дѣлами,—самовольными стремленми.

Давидъ древле присовокупи беззаконіе къ беззаконію: ибо съ убійствомъ соедини прелюбодѣйство, но скоро принесе и сугубое покаяніе; ты же, душе, содѣлала еси лукавнѣйшая (дѣла), и не покаялася Богу.

Давидъ иногда вообрази, спсавъ яко на иконѣ пѣснь, еюже дѣяніе обличаетъ, еже содѣя, зовый: помилуй мя. тебѣ бо единому согрѣшихъ всѣхъ богу, самъ очисти мя.

Давидъ древле, яко на иконѣ живописуя, начерта пѣснь, въ ней же обличаетъ содѣянное имъ прегрѣшеніе, взывая: „помилуй мя, ибо согрѣшихъ предъ Тобою, единымъ Богомъ всѣхъ: Самъ очисти мя“.

* * *

Кивотъ яко пошашеся на колесницѣ, запъ оный, егда превращшуся тельцу *), точію коснуся, божіимъ искусися гнѣвомъ: но того дерзновенія убѣжавши душе, почитай божественная честнѣ.

Егда везяху кивотъ (изъ дома Аминадавля), Оза токмо коснуся его при соращеніи тельца (съ пути) и испыта гнѣвъ Божій: ты же, душе, избѣгай дерзости сего (Озы) и съ благоговѣніемъ почитай божественное.

*) Превращшуся тельцу — траπέυτος тобъ мѣсѣу — родит. самостоятельный, у насъ переведеть обстоятельнымъ словомъ — при соращеніи тельца. Егда .. точію коснуся, Божіимъ искусися гнѣвомъ — это сложное предложеніе у насъ выражено въ видѣ слитнаго; тоже самое сдѣлано и съ предложениемъ, того дерзновенія убѣжавши... почитай.

Слышала еси авессалома, како на естество воста; познала еси того скверная дѣянія, имиже оскверни ложе давида отца: но ты подражала еси того страстная и любосластная стремленія.

Ты слышала еси, како Авессаломъ воста на законы естества; ты познала еси гнусная дѣянія его, имиже оскверни опъ ложе Давида, отца своего, и сама подражала еси страстнымъ и сластолюбивымъ стремлениямъ его.

Покорила еси неработное твое достоинство тѣлу твоему: иного бо ахитофела обрѣтши врага, душе, спсизшла еси сего совѣтомъ: но сія разсыпа самъ христось, да ты всяка спасеши.

Церабское достоинство свое ты поработила еси своему тѣлу: ибо, обрѣтши инаго Ахитофела — врага, ты, душе, послѣдовала еси его совѣтомъ; но Христось Самъ разруши ихъ, дабы ты токмо спаслася.

Соломонъ чудный, благодати и премудрости исполненный, сей лукавое иногда предъ богомъ сотворивъ, отступи отъ него: емуже ты проклятымъ твоимъ житіемъ, душе уподобилася еси.

Сластьми влекомъ страстей своихъ оскверняшеся, увы мнѣ. рачитель премудрости, рачитель блудныхъ женъ, и страненъ отъ бога: егоже ты подражала еси умомъ о душе! сладострастьми скверными.

Ровоаму поревновала еси не послушавшему совѣта отча, купно же и злѣйшему рабу іеровоаму, прежнему отступнику душе; но избѣгай подражанія и зови богу: согрѣшихъ, ущедри мя.

Манассіева собрала еси *) согрѣшенія изволеніемъ, поставльши яко мерзости **) страсти, и умноживши душе негодование: но того покаянію ревнующи теплѣ, стяжи умиленіе.

*) Собрала еси по-греч. ἐκταίρεισας—букв. нагромоздила въ кучу, у насъ—отягчила еси себе.

**) Мерзости—βδέλυματα; βδέλυμα τὸ знач. мерзкое дѣло, служеніе идоламъ, у насъ—идолы.

Дивный и наполненный благодатию премудрости, Соломонъ древле, сотворивъ лукавое (дѣло) предъ Богомъ, отступи отъ Него: но сему (Соломону), душе, ты сама подражала еси достойнымъ проклятія житіемъ своимъ.

Увы! рачитель премудрости, возлюбивъ блудныхъ женъ и содѣлався чуждымъ Богу, оскверняшеся влекомый сладостию страстей своихъ: душе, ты сама подражала еси ему сердцемъ въ постыдномъ сладострастіи.

Соревновала еси, душе, Ровоаму, не послушавшему совѣта отчаго, и вкупѣ его злѣйшему рабу Іеровоаму, древнему отступнику; но избѣгай подражанія имъ и зывай къ Богу: „согрѣшихъ азъ, умилосердися надъ мною“.

* * *

Ты своею волею, душе, отягчила еси себе преступленьми Манассіи, поставивши себѣ страсти, яко идолы, и умноживши мерзости: но возревнуй усерднѣ (и) покаянію его, и стяжи себѣ сердечное сокрушеніе.

Ахаавовымъ поревновала еси сквернамъ, душе моя, увь мнѣ, была еси плотскихъ сквернъ пребывалище, и сосудъ срамленъ страстей: но изъ глубины твоя воздохни, и глаголи Богу грѣхи твоя.

Заклучися тебѣ небо душе, и гладъ божій постиже тя: егда илии ѳесвитянина якоже Ахавъ, не покорися*) словесемъ иногда. но сарафѳеи уподобися, напитай пророчу душу.

*) *Не покорися*—въ пад. Ловягина ἡπειθήσα, а въ изд. Триоди въ Аѳонахъ 1901 г. ἡπειθήσας 2-е лице аориста, а не 3-е. Если придерживаться послѣдняго пад., то переводъ слѣдуетъ исправить такъ: *гладъ отъ Бога постиже тя, егда ты не покорился еси словесемъ Илии ѳесвитянина, якоже древле Ахавъ.*

Попали илиа иногда двацц пятьдесятъ иезавелиныхъ, егда студныя пророки *) погуби, во обличеніе ахавово: но обѣгай подражанія двою душе, и укрьпляйся.

*) *Пророки*—προφῆτας въ аѳинскомъ пад. читается презβῆτας—старим, послы.

* * *

Исчезоша дніе мои, яко соніе востающаго: тѣмже яко езекиа слезю на ложи моемъ, приложитися мнѣ лѣтомъ живота. но кій исаіа предстанеть тебѣ душе, аще не всѣхъ богъ;

Припадаю ти, и приношу тебѣ, якоже слезы глаголы моя:

Возревновала еси, душе моя, Ахавовымъ мерзостемъ; увь, ты содѣлалася еси пристанищемъ плотскихъ сквернъ и постыднымъ сосудомъ страстей; но воздохни изъ глубины твоя и повѣдай Богу грѣхи твоя.

Душе! заклучися тебѣ небо, и гладъ отъ Бога постиже тя, якоже древле Ахава, егда (сей) не покорися словесемъ Илии ѳесвитянина: но ты уподобися вдовицѣ Сарептстѣй: напитай душу пророка.

Илиа древле попали дважди пятьдесятъ (слугъ) иезавели, егда истреби гнусныя пророки во обличеніе Ахава: но ты, душе, избѣгай подражанія симъ двумъ и укрьпляйся.

Преидоша дніе мои, яко сновидѣніе воставшаго (отъ сна); сего ради, яко Езекиа, плачу на ложи моемъ, дабы приложилися мнѣ лѣта жизни: но кій Исаіа предстанеть тебѣ, душе, аще не Богъ всѣхъ?;

Припадаю къ Тебѣ и приношу Ти, якоже слезы, слова-

согрѣшихъ, яко не согрѣши блудница, и беззаконновахъ, яко иныи никтоже на земли: но ущедрѣ Владыко, твореніе твое, и воззови мя.

Погребохъ образъ твой, и растлихъ заповѣдь твою, вся помрачѣша доброта, и страстьми угасѣша, спасе, свѣща: но ущедривъ воздаждь ми якоже поеть Давидъ, радованіе.

Обратѣся, покайся, открьи сокровенная, глаголи Богу вся вѣдущему: ты вѣси моя тайная, едиже спасе; но самъ мя помилуй якоже поеть Давидъ, по милости твоей.

Преподобная мати Маріе, моли Бога о насъ.

Возопивши къ пречистѣй Богоматери, первѣе отринула еси неистовство страстей, нуждно стужающихъ, и посрамила еси врага зацѣпшаго: но даждь ми помощь отъ скорби, и миѣ рабу твоему.

Егоже возлюбила еси, егоже возжелѣла еси, егоже ради плоть изнурила еси преподобная, моли нынѣ Христа о рабѣхъ: яко да милостивъ бывъ всѣмъ намъ, мирное состояніе даруетъ почитающимъ его.

са моя; согрѣшихъ азъ, яко не согрѣши блудница, и беззаконновахъ, якоже никто иныи на земли: но буди милосердъ, Владыко, къ созданію Своему и воззови мя (къ Себѣ).

Азъ затмихъ образъ Твойи преступихъ заповѣдь Твою; вся красота моя помрачѣша, и свѣтильникъ мой угашенъ есть страстьми; но умилосердѣся, Спасе, и даруй миѣ веселіе, якоже поеть Давидъ.

Обратѣся, покайся, открьи сокровенное, глаголи Богу, вся вѣдущему: „Ты, единый Спасе, вѣси моя тайны; но Самъ мя помилуй“, якоже поеть Давидъ, по милости Твоей.

Воззвавши къ пречистѣй Богоматери, ты отринула еси ярость страстей, прежде жестоко неистовствовавшихъ, и посрамила еси врага—искусителя: даруй же нынѣ помощь въ скорби и миѣ, рабу твоему.

Преподобная, помолися нынѣ о рабѣхъ Христу, Егоже возлюбила еси, Егоже возжелала еси, Его же ради изнурила еси плоть: да будетъ Онъ милостивъ ко всѣмъ намъ, и да даруетъ мирное состояніе почитающимъ Его.

Т р о и ч е н ь .

Троице простая, нераздѣльная, единосущная, и естество едино, свѣтове и свѣтъ, и свята три, и едино свято поется Богъ троица: но воспой, прослави, животъ и животы, душе, всѣхъ Бога.

„Троице простая, нераздѣльная, единосущная и единое естество, Свѣты и Свѣтъ, три Святія и единое Святое, Богъ-Троица“ воспѣвается въ пѣснѣхъ; воспой же и ты, душе, и прослави Жизнь и Жизни, Бога всѣхъ.

Б о г о р о д и ч е н ь .

Поемъ ты, благословимъ ты, поклоняемся ти богородительнице, яко неразлучныя троицы породила еси единого христа бога, и сама отверзла еси намъ, сущимъ на земли небесная.

Воспѣваемъ Тя, благословимъ Тя, поклоняемся Ти, Богородительнице; ибо родила еси единого изъ нераздѣльныя Троицы, Христа—Бога, и сама отверзла еси намъ, живущимъ на земли, (врата) небесная.

ПѢСНЬ 8. ИРМОСЬ.

Егоже воинства небесная славятъ, и трепещутъ херувими и серафими, всяко дыханіе и тварь, пойте, благословите, и превозносите во вся вѣки.

Егоже воинства небесная славятъ и трепещутъ Херувими и Серафими, всякое дыханіе и тварь, пойте, благословите и превозносите во вся вѣки.

Т р о п а р и .

Согрѣшивша спасе помилуй, воздвигни мой умъ ко обращенію, пріими мя кающагося, ущедри вопіюща: согрѣшихъ ти, спаси, беззаконновахъ, помилуй мя.

Спасе, помилуй мя согрѣшившаго, возбуди мой умъ къ обращенію, пріими мя кающагося, умилосердися ко взывающему: согрѣшихъ предъ Тобою—спаси мя; беззаконновахъ—помилуй мя.

Колесничникъ иліа, колесницею добродѣтелей вшедь*), яко на небеса, пошашеся превыше

Возница Иліа, возшедь на колесницу добродѣтелей, древле направляше путь свой пре-

иногда отъ земныхъ: сего убо выше (всего) земнаго, аки на душе моя, восходъ помышляй. небеса: помышляй же, душе моя, о его восхожденіи.

*) Колесницею добродѣтелей вшедеъ по-греч. ἄρματι ταῖς ἀρεταῖς ἐπιβάς. Придерживаясь церковно-славянскаго текста, таῖς ἀρεταῖς мы понимаемъ, какъ припожеііе къ ἄρματι, и слово ἄρμα колесница понимаемъ не въ буквальномъ, а переносномъ смыслѣ. Но таῖς ἀρεταῖς можно понимать и въ значеніи дательнаго причини при глаголѣ ἐπιβάς; въ такомъ случаѣ слово ἄρμα нужно понимать въ буквальномъ смыслѣ и всю фразу перевести такъ: *Илія, возшедеъ на колесницу (огненную) за свои добродѣтели...*

Елисей иногда приеѣмъ милоть илиину, пріятъ сугубую благодать отъ бога *): ты же о душе моя, сея не причастилася еси благодати за невоздержаніе.

*) Отъ Бога по-греч. παρὰ Κυρίου.

Иорданова струя первѣе, милотію илиною елисеемъ, ста сюду и сюду: ты же, о душе моя, сея не причастилася еси благодати за невоздержаніе.

Соманитида иногда праведнаго учреди, о душе, правомъ благимъ: ты же не ввела еси въ домъ, ни страпна, ни путника. тѣмже чертога изринешися вонъ, рыдающеи.

Гіезіевъ подражала еси окаянная разумъ скверный всегда душе, егоже сребролюбіе отложи поне на старость: бѣгай геенскаго огня, отступивши злыхъ твоихъ.

Древле Елисей, пріавшій милоть Илиину, получи и сугубую благодать отъ Господа: ты же, душе моя, не получила еси сея благодати за невоздержаніе.

Древле Елисей милотію Илиною раздѣли потокъ Иорданскій сюду и сюду: ты же, душе моя, не получила еси сея благодати за невоздержаніе.

Сонамитяна древле угости праведника съ искреннимъ усердіемъ: ты же, душе, не ввела еси въ свой домъ ни страпника, ни пришельца; сего ради изринута будеши вонъ изъ чертога, рыдающеи.

Окаянная душе! ты всегда подражала еси скверному нраву Гіезія: отрини отъ себе сребролюбіе его уже въ старости; бѣжи отъ огня геенскаго, отступивши отъ злыхъ дѣлъ (своихъ).

Ты озіи душе поревновавши, сего проказеніе въ себѣ стяжала еси сугубо: безмѣстная бо мыслиши, беззаконная же дѣши: остави яже имаши, и притецы къ покаянію.

Неневитяны душе слышала еси кающыяся богу, вретичемъ и пеломъ, сихъ не подражала еси: но явилася еси злѣйшая всѣхъ, прежде закона, и по законѣ прегрѣшившихъ.

Въ ровѣ блата слышала еси Іеремію душе, града сіоня рыданми вопіюща, и слезъ ищуща; подражай сего плачевное житіе и спасешися.

Іона въ ѳарсисъ побѣже, проразумѣвъ обращеніе неневитяновъ, разумѣ бо яко пророкъ божіе благоутробіе: тѣмъ же ревноваше пророчеству не солгаться.

Данила во ровѣ слышала еси, како загради уста, о душе, звѣрей: увѣдѣла еси, како отроцы иже о азаріи, погасиша вѣрою пещи пламень горящій.

Ветхаго завѣта вся приведохъ ти душе къ подобію*), подражай праведныхъ боголюбивая дѣянія, избѣгни же наки лукавыхъ грѣховъ.

Соревновавши Озіи, душе, ты стяжала еси себѣ сугубо проказу его: ибо ты помышляеши нечестное и содѣловаеши беззаконное: остави, еже есть у тебе, и приступи къ покаянію.

Ты слышала еси, душе, яко Неневитяне каяхуся Богу во вретичи и пелѣ: имъ ты не подражала еси, но явилася еси злѣйшею всѣхъ согрѣшившихъ до закона и послѣ него.

Ты слышала еси, душе, яко Іеремія въ нечистомъ ровѣ взываше ко граду Сіоню и искаше слезъ: подражай плачевному житію его и спасешися.

Іона побѣже въ ѳарсисъ, провидя обращеніе Неневитянь: ибо, яко пророкъ, разумѣ Божіе милосердіе: сего ради ревноваше, да не явится ложнымъ его пророчество.

Ты слышала еси, душе, како Даниилъ во ровѣ загради уста звѣрей; ты познала еси, како отроцы, бывши со Азаріею, вѣрою угасиша пыдающій пламень пещи.

Душе! азъ приведохъ ти изъ ветхаго завѣта вся, во образъ для подражанія: подражай же богоугоднымъ дѣваніямъ праведныхъ, и избѣгай грѣховъ (людей) порочныхъ.

*) Къ подобію по-греч. πρός ὁμογράμῳν — у насъ — во образъ для подражанія.

Правосуде спасе помилуй, и избави мя огня, и прещенія, еже имамъ на судѣ праведно претерпѣти: ослаби ми прежде конца, добродѣтелию и покаяніемъ *).

*) *Добродѣтелию и покаяніемъ* по-греч. δι' ἀρετῆς καὶ μετανοίας букв. за добродѣтель и покаяніе (мое).

Яко разбойникъ вопію ти: помяни мя, яко петръ плачу горцѣ: ослаби ми спасе. зову яко мытарь: слезю яко блудница. прими мое рыданіе, якоже иногда хананеино.

Гноеніе, спасе, исцѣли смиренныя моя души: едине врачу, пластырь мнѣ наложи, и елей и вино, дѣла покаянія, умиленіе со слезами.

Хананею и азъ подражая, помилуй мя, вопію, сыне давидовъ: касаюся края ризы, яко кровоточивая: плачу, яко марѳа и марія надъ лазаремъ.

* * *

Слезую спасе сткляницу, яко муро истощавая на главу, зову ти, якоже блудница, милости ищущая, мольбу приношу, и оставленіе прошу пріяти *).

*) *Прошу пріяти* по-греч. αἰτῶ λαβεῖν με букв. прошу о помилуванні мнѣ.

Аще и никтоже якоже азъ согрѣши тебѣ, но обаче прими и мене, благоутробное спасе, страхомъ кающася, и любовію

Правосудный Спасе! помилуй и избави мя отъ огня и наказанія, еже имамъ праведно претерпѣти на судѣ; прости мя прежде кончины, даровавъ мнѣ добродѣтель и покаяніе.

Яко разбойникъ вопію ти: „помяни мя“; яко Петръ плачу горцѣ; яко мытарь взываю къ Тебѣ: „прости мя, Спасе“! проливаю слезы, яко блудница; прими мое рыданіе, якоже древле отъ жены хананейскія.

Единый врачу, Спасе! исцѣли гнѣеніе смиренныя души моя; приложи мнѣ, яко пластырь, елей и вино,—дѣла покаянія, умиленіе и слезы.

Подражая женѣ Хананейскѣй, азъ вопію сыну Давидову: „помилуй мя“; касаюся края ризы (Его), яко кровоточивая; плачу, яко Марѳа и Марія надъ Лазаремъ.

Изливая на главу (Твою), Спасе, сосудъ слезъ, якоже муро, взываю къ Тебѣ яко блудница, ищущая милости; приношу (Тебѣ) моленіе и прошу подати мнѣ прощеніе.

Аще и никто не согрѣши предъ Тобою, якоже азъ, но, милосердый Спасе, прими и мене, кающагося со страхомъ

зовуща: согрѣшихъ тебѣ единому, помилуй мя милостиве.

Пощади спасетвое созданіе, и възыщи яко пастырь погибшее, предвари заблудшаго, восхити отъ волка, сотвори мя овча на паствѣ твоихъ овецъ.

Егда судіе сядеши яко благоутробенъ, и покажеши страшную славу твою спасе: о каковъ страхъ тогда! печи горящей, всѣмъ боящимся пестерпимаго судища твоего.

Преподобная мати Маріе, моли Бога о насъ.

Свѣта незаходимаго мати, ты просвѣтивши, отъ омраченія страстей разрѣши. тѣмже вшедши въ духовную благодать, просвѣти маріе, ты вѣрно восхваляющыя.

Новое чудо видѣвъ, ужасашеся божественный въ тебѣ воистинну мати зосима: ангела бо зряше во плоти, и ужасомъ весь исполняшеся, христа поя во вѣки.

Т р о и ч е н ъ.

Безначальне отче, сыне собезначальне, утѣшителю благій, душе правый: слова божія родителю, отца безначальна слове, душе живый и зиждяй, троице единице, помилуй мя.

и взывающаго съ любовію: „согрѣшихъ предъ Тобою единымъ, помилуй мя, Милостиве“.

Пощади Спасе, созданіе Свое, и, яко пастырь, възыщи (овча) погибшее; предвари заблудшаго, исхити отъ волка, и сотвори мя агнцемъ на паствѣ овецъ Твоихъ.

Егда Ты возсядеши, яко Судія милосердый, и откриеши страшную славу Свою, Спасе, о, каковъ ужасъ будетъ тогда! печь будетъ горѣти, и вси—трепетати Твоего страшнаго судилища.

Мати незаходимаго Свѣта, просвѣтившая ты, свободи отъ мрака страстей; сего ради, пріявши благодать св. Духа, просвѣти, Маріе, съ вѣрою восхваляющыя ты.

Воистинну новое чудо узрѣвъ въ тебѣ, мати, божественный Зосима изумѣваше: ибо видѣ ангела во плоти и весь бѣ преисполненъ удивленія, воспѣвая Христа во вѣки.

Безначальный Отче, Сыне собезначальный, Утѣшителю благій—Душе правый! Родителю Бога Слова, Слове безначальнаго Отца, Душе живый и созидающій, Троице—Единице, помилуй мя.

Б о г о р о д и ч е н ь .

Яко отъ обращенія червляницы пречистая, умная багряница емануилева, внутрь во чревъ твоёмъ плоть исткася. тѣмже богородицу воистинну ты почитаемъ.

Аки изъ пурпуроваго вещества, Пречистая, внутри чрева Твоего соткася разумная багряница — плоть Емануила: сего ради Тя, яко Богородицу, воистину величаемъ.

ПѢСНЬ 9. ИРМОСЬ.

Безсѣннаго зачатія рождество неслезанное, матере безмужныя нетлѣнень плоть, божіе бо рожденіе обповляетъ естество. тѣмже ты вси роди, яко богоневѣстную мать православно величаемъ.

Отъ безсѣннаго зачатія Рожденное неизслѣдимо; отъ Матере безмужныя нетлѣнень плоть; Божіе бо рожденіе обновляетъ естество; сего ради мы, вси роди, Тя, яко Богоневѣсту—Мать, православно величаемъ.

Т р о п а р и .

Умъ мой острунися, тѣло оболѣзнися, недугуетъ духъ, слово изнеможе, житіе умертвися, конецъ при дверехъ, тѣмже моя окаянная душе, что сотвориши, егда приидеть судія испытати твоя;

Моисеово приводохъ ти душе, міробытіе *), и отъ того все завѣтное писаніе, повѣдающее тебѣ праведныя и неправедныя: яже вторыя, о душе, подражала еси, а не первыя, въ бога согрѣшивши.

Умъ мой въ ранахъ, тѣло разслаблено есть, духъ недугуетъ, слово изнеможе, жизнь умертвися, конецъ при дверехъ: что же имаша творити, моя окаянная душе, егда приидеть Судія испытати твоя (дѣла)?

Азъ приводохъ ти, душе, Моисеово сказаніе о бытіи міра и все ветхозавѣтное писаніе послѣ сего, повѣствующее тебѣ о праведныхъ и неправедныхъ: изъ нихъ ты, душе, подражала еси вторымъ, а не первымъ, согрѣшивши противу Бога.

*) Міробытіе по-греч. τὴν κοσμογένεσιν, у насъ сказаніе о бытіи міра.

Законъ изнеможе, празднуетъ *) евангеліе, писаніе же все въ тебѣ небрежено бысть, пророцы изнемогоша **), и все праведное слово: струпи твои, о душе, умножишася, не сущу врачу исцѣляющему тя.

*) *Изнеможе, празднуетъ* по-греч. ἡδένυσεν, ἀρῦσι, синонимы, у насъ переведены однимъ словомъ (глаголомъ) *не имать*, а отѣнки, отличающіе эти синонимы, выражены существительными— *силы и дѣйствія*.

***) *Изнемогоша* по-греч. ἡτόνησαν (пор. отъ ἀ—τονέω—и не имѣю упругости, крѣпости, я расслабленъ, вялъ), у насъ *содѣлашася тщетни*.

Новаго привожду ти писанія указанія, вводящая тя душе, ко умиленію: праведнымъ убо поревнуй, грѣшныхъ же отвращайся, и умилостиви Христа молитвами же и пощени, и чистотою, и говѣніемъ.

Христось вочеловѣчися, призвавъ къ покаянію разбойники, и блудницы: душе покайся, дверь отверзеса царствія уже, и предвосхищаютъ е фарисее и мытари, и прелюбодѣи кающіися.

Христось вочеловѣчися, плоти приобщився ми, и вся, елика суть естества *) хотѣніемъ исполни грѣха кромѣ, подобіе тебѣ, о душе, и образъ **) предпоказуя своего списхожденія.

*) *Вся, елика суть естества*, по-греч. πάντα, ὅσα ὑπάρχει τῆς φύσεως; ὑπάρχει подобно глаголу ἔσθι съ родит. надежемъ значить *свойственно или надлежитъ кому или чему*.

**) *Подобіе... и образъ* по-греч. ὁμογραμμόν... καὶ εἰκόνα букв. *прижть и образецъ*—у насъ переведено однимъ словомъ *образъ*.

Законъ не имать силы, Евангеліе—дѣйствія, все Писаніе въ небреженіи бысть у тебе, душе; пророцы и всякое слово праведника содѣлашася тебѣ тщетни; язвы твоя умножишася, яко не бѣ врача, исцѣлителя твоего.

Изъ новозавѣтнаго писанія привожду тебѣ, душе, указанія, ведущая тя ко умиленію: соревнуй же праведнымъ, отвращайся грѣшныхъ и умилостиви Христа молитвами, постомъ, чистотою и непорочностію.

Христось вочеловѣчися и призва къ покаянію разбойники и блудницы: покайся, душе; дверь царствія уже отверзеса, и предвосхищаютъ его фарисее, и мытари, и прелюбодѣи кающіися.

Христось вочеловѣчися, приобщився мнѣ плотию, и кромѣ грѣха, Своею волею, исполни вся, яже надлежитъ (нашему) естеству, показуя тебѣ, душе, образъ Своего списхожденія.

Христось волхвы спасе, пастыри созва, младенецъ, множества показа мученики, старцы прослави, и старыя вдовицы*), ихже не поревновала еси душе, ни дѣянiемъ, ни житiю: но горе тебѣ, вегда будещи судитися.

*) *Стария вдовицы* по-греч. единственное число—*γρηλατiαν χήραν*.

Постився господь днiй четьредесять въ пустыни, послѣди взалка, показуя человѣческое: душе, да не разлѣнишися*), аще тебѣ приложится врагъ. молитвою же и постомъ отъ ногъ твоихъ да отразится**).

*) *Да не разлѣнишися* по-греч. *μη ἀφορμήσης*—у насъ не упади съ малодушiе.

***) *Да отразится* по-греч. *ἀποκρυσθήτω σοι* страдат. залогъ у насъ переведенъ въ формѣ дѣйствительнаго залога.

* * *

Христось искушашеся, диаволь искушаше, показуя каменiе, да хлѣбы будутъ: на гору возведе видѣти вся царствiя мiра во мгновенiи. убойся о душе, ловленiя*), трезвися. молися на всякiй часъ богу.

*) *Ловленiи* по-греч. *τὸ δράρα*—дѣйствiя, драмы, у насъ сего (диавольскаго) дѣйствiя.

Горлица пустыннолюбная, гласъ вопiющаго возгласи, христовъ свѣтильникъ, проповѣдуяй покаянiе; иродъ беззаконова съ иродiадою. зри душе

Христось спасе волхвы; призва къ себѣ пастыри; множество младенецъ яви мученики; старца и старую вдовицу прослави; душе, ты не соревновала еси ихъ дѣянiямъ и жизни: горе тебѣ, егда будещи судитися.

Господь, постившiйся четьредесять днiй въ пустыни, на послѣдокъ взалка, показуя (симъ) человѣческое естество: душе, не упади въ малодушiе, егда врагъ попадетъ на тя, но молитвою и постомъ отрази его отъ ногъ твоихъ.

Христось искушашеся баше; диаволь искушаше Его, показуя каменiе, дабы они содѣлалися хлѣбы; на гору возведе, дабы въ едино мгновенiе увидѣлъ вся царства мiра: душе, убойся сего (диавольскаго) дѣйствiя, бодрствуй и молися всякiй часъ Богу.

Горлица пустыннолюбивая, гласъ вопiющаго, Христовъ свѣтильникъ, взываше проповѣдуя покаянiе: Иродъ же беззаконноваше со Иродiадою;

моя, да не увязнешь *) въ немли, душе моя: не увязни беззаконныя сѣти, но облобызай въ сѣти беззаконниковъ, но покаяніе. возлюби покаяніе.

*) *Да не увязнешь* по-греч. *μὴ παύῃς* (аор. сосл. отъ *πάυωμι*) мы понимаемъ, какъ сосл. наклоненіе, вмѣсто повелительнаго аориста въ отрицательномъ предложеніи, и переводимъ: *не увязни*.

Въ пустыню вселися благодати предтеча, и іудея вся и самарія слышавше течаху *), и исповѣдаху грѣхи своя, крещающесе усердно; ихже ты не подражала еси душе.

Предтеча благодати вселися въ пустыню, и вси Іудеи и Самаряне устремляхуся слушати его и исповѣдаху грѣхи своя, крещающесе усердно: душе, ты не подражала еси имъ.

*) *Слышавше течаху* по-греч. *ἀκούοντες ἑστρέχου*; причастіе *ἀκούοντες*; мы переводимъ неопредѣленнымъ наклон. цѣлп при глаголѣ, означаящемъ движеніе; впрочемъ на него можно смотрѣть и какъ на сокращенное предложеніе времени; въ такомъ случаѣ переводъ долженъ быть такой: всѣ Іудеи и Самаряне, *слышавше* (сіе), устремляхуся (къ нему).

Бракъ убо честный, и ложе нескверно: обоя бо христось прежде благослови, плотію ядый, и въ канѣ же на брацѣ воду въ вино совершая, и показуя первое чудо: да ты измѣнишися о душе.

Бракъ честенъ и ложе нескверно; ибо Христось благословилъ ихъ въ Канѣ на брацѣ, вкушая пищу и претворяя вино въ воду, явивъ (тогда) первое чудо, дабы ты, душе, измѣнилася.

Разслабленнаго стягну христось, одръ взявша, и юношу умерша воздвиже, вдовиче рожденіе, и сотника отрока, и самарянынѣ явися *), въ дусѣ службу тебѣ душе предживописа.

Христось укрѣпи ослабленнаго, взявшаго свой одръ; воскреси умершаго юношу, сына вдовицы; исцѣли отрока сотникова и, открывся Самарянынѣ, яви тебѣ, душе, служеніе Богу духомъ.

*) *Явися* по-греч. *φανεῖς*—причастіе, а не изъявительное наклоненіе.

Кровоточивую исцѣли прикосновеніемъ края риза господь, прокаженныя очисти: слѣпныя и хромыя просвѣтивъ, исправи: глухія же и нѣмыя,

Господь исцѣли кровоточивую, прикоснувшуюся къ краю одежды его; прокаженныя очисти; отверзая очи слѣпымъ, исправляше и хромыя; Своимъ

и начающую низу исцѣли словомъ: да ты спасешися окаянная душе.

* *
* *
*

Недуги исцѣляя, нищимъ благовѣствоваше, христосъ слово, вредныя уврачева, съ мытари ядѣше, со грѣшники бесѣдоваше, іаировы дщере душу предумершую возврати осязаніемъ руки.

Мытарь спасашеся, и блудница цѣломудрствоваше, и фарисей хваляся осуждашеся: овъ убо, очисти мя, ова же, помилуй мя: сей же величашеся вопія: боже, благодарю тя, и прочыя безумныя глаголы.

Закхей мытарь бѣ, но обаче спасашеся, и фарисей симонъ соблажняшеся, и блудница приимаше оставительная разрѣшенія, отъ имущаго крѣпость оставлять грѣхи: юже душе потщися подражати.

Блудницѣ, о окаянная душе моя, не поревновала еси, яже приимши мѹра алавастръ, со слезами мазаше нозѣ спасовѣ, отре же власы древнихъ согрѣшеній рукописаніе раздирающаго ея.

Грады, имже даде христосъ благовѣстіе, душе моя, увѣдала

словомъ врачева глухія, нѣмыя и согбенную,—дабы ты, окаянная душе, спаслася.

Исцѣляя недуги, Христосъ Слово благовѣствоваше нищимъ, исцѣляше увѣчныя, ядѣше съ мытари, со грѣшники бесѣдоваше, прикоснове-ніемъ руки возврати исшедшую уже душу дочери Іаировой.

Мытарь спасеся, и блудница содѣлася цѣломудренною; превозносивый же себе фарисей осужденъ бысть: ибо первый (взываше): „очисти мя“, другая—: „помилуй мя“, сей же величашеся взывая: „Боже, благодаря Тя“ и прочыя безумныя глаголы.

Закхей мытарь бѣ, но спасашеся; фарисей Симонъ соблажняшеся, блудница же приять спасительное разрѣшеніе отъ имущаго власть отпустить грѣхи: душе, потщися подражати ей.

Окаянная душе моя, ты не соревновала еси блудницѣ, яже, взявши сосудъ мѹра, со слезами мазаше и власы своими отираше ноги Спасителя, раздравшаго рукописаніе прежнихъ ея согрѣшеній.

Ты вѣдаешы, душе моя, како прокляти быша грады, имже

еси, како прокляти быша. убойся указанія, да не будещи якоже оны, ихже содомлянѡмъ владыка уподобивъ, даже до ада осуди.

Да не горшая о душе: моя, явишися отчаяніемъ, хананей вѣру слышавшая *), еяже **) дщи словомъ божіимъ исцѣлися: сыне давидовъ, спаси и мене, воззови изъ глубины сердца, якоже она христу.

*) *Слышавшая*—*ἀκούσασα* причастіе причиннымъ предложеніемъ.

**) *Еяже* по-греч. *δι' ἧς*—*еяже ради*.

* * *

Умилосердися спаси мя, сыне давидовъ помилуй, бѣснующыся словомъ исцѣливый, гласъ же благоутробный яко разбойнику мнѣ рцы: аминь глаголю тебѣ, со мною будещи въ рай, егда прииду во славѣ моей.

Разбойникъ оглаговаше тя, разбойникъ богословяше тя, оба бо на крестѣ свисяста: но, о благоутробне, яко вѣрному разбойнику твоему, познавшему тя бога, и мнѣ отверзи дверь славнаго царствія твоего.

Тварь содрогашеся распинаема ты видящи, горы и ка-

Христось благовѣствова евангеліе; бойся сего указанія, да не будещи такова, якоже сѣмъ: ибо Владыка, уподобивъ ихъ Сodomлянѡмъ, осуди (ихъ) даже до ада.

Душе моя, отъ отчаянія не явися худшею жены Хананейскія: ибо ты слышала еси о вѣрѣ ея, еяже ради словомъ Божіимъ исцѣлена бѣ дщи ея; „Сыне Давидовъ, спаси и мене“! воззови ты изъ глубины сердца, якоже (и) она Христу.

переведено у насъ полнымъ при-

Умилосердися, спаси мене, помилуй, сыне Давидовъ, исцѣлявшій (Своимъ) словомъ бѣснующыся; рцы мнѣ, яко и разбойнику, милостивое слово: „аминь глаголю тебѣ: ты будещи со Мною въ рай, егда прииду во славѣ Моей“.

Разбойникъ поношаше Тя, разбойникъ (же) исповѣдаше Тя и Богомъ, (егда) они оба висяху (съ Тобою) на крестѣ: но, Многомилостиве, яко увѣровавшему разбойнику и познавшему въ Тебѣ Бога, отверзи и мнѣ дверь славнаго Твоего царствія.

Тварь содрогашеся, видящи Тя распинаемымъ; горы и ка-

меня страхомъ распадохся, и земля сотрясашеся, и адъ обнажашеся, и сообрачашеся свѣтъ во дни, зря тебе іисусе пригвождена плотію.

Достойныхъ покаянія плодовъ не истяжи отъ мене: ибо крѣпость моя во мнѣ оскудѣ; сердце мнѣ даруй присно сокрушенное, нищету же духовную, да сія тебѣ принесу, яко пріятную жертву, едине Спасе.

Судіе мой и вѣдче мой, хотяй паки пріити со ангелы, судити міру всему, милостивнымъ твоимъ окомъ тогда видѣвъ мя, пощади и ущедри мя іисусе, паче всякаго естества человѣча согрѣшивша.

Преподобная мати Маріе, моли Бога о насъ.

Удивила еси всѣхъ страннымъ житіемъ твоимъ, ангеловъ чины, и человѣковъ соборы, невещественно поживши, и естество прешедши: имже, яко невещественными погама вшедши маріе, іоданъ пришла еси.

Умилостиви создателя о хвалящихъ тя, преподобная мати, избавитися озлобленій и скорбей, окрестъ нападающихъ: да избавившеся отъ напастей, воз-

меня отъ ужаса распадохся; земля колебашеся; адъ обнажашеся, и свѣтъ дневный омрачашеся, видя Тебе, Іисусе. пригвожденнаго (ко кресту) плотію.

Достойныхъ покаянія плодовъ не требуй отъ мене; ибо крѣпость моя оскудѣ во мнѣ; даруй мнѣ сердце, всегда сокрушенное, и нищету духовную, дабы азъ принеслъ Тебѣ сія, яко жертву пріятную, единый Спасе.

Судіе мой и Всевѣдче мой, имѣющій паки пріити со ангелы судити весь міръ! Возрѣвъ тогда на мя милостивымъ Твоимъ окомъ, пощади и помилуй мя, согрѣшившаго паче всего естества человѣческаго.

Дивною своею жизнью изумила еси вся,—и чины ангельскія и сонмы человѣческія,—поживши невещественно и препобѣдивши естество: сего ради ты, Маріе, яко безплотная, шествовала чрезъ Іорданъ своими стопами.

Преподобная мати, содѣлай Создателя милостивымъ къ хвалящимъ тя, да избавитъ Онъ насъ отъ бѣдъ и скорбей, окрестъ нападающихъ на насъ,

величимъ непрестанно прославльшаго тя господя.

дабы мы, избавившеся отъ искушеній, непрестанно величали прославившаго тя Господя.

Т р о и ц е н ь .

Отца прославимъ, сына превознесемъ, божественному духу вѣрно поклонимся, троицѣ нераздѣльнѣй, единицѣ по существу, яко свѣту и свѣтомъ, и животу и животомъ, животворящему и просвѣщающему концы.

Прославимъ Отца, превознесемъ Сына, съ вѣрою поклонимся Божественному Духу, Троицѣ нераздѣльнѣй, Единицѣ по существу, яко свѣтомъ и свѣту, живнемъ и жизни, животворящей и просвѣщающей концы земли.

Б о г о р о д и ч е н ь .

Градъ твой сохраняй богородительнице пречистая: въ тебѣ бо сей вѣрно царствуяй, въ тебѣ и утверждается: и тобою побѣждаяй, побѣждаетъ всякое искушеніе, и плѣпляетъ ратники, и проходитъ послушаніе.

Сохраняй градъ Твой, Богородительнице пречистая; ибо Тобою онъ вѣрно царствуетъ, Тобою и укрѣпляется; Тобою побѣдопосно одолѣваетъ всякое искушеніе, плѣпляетъ враги и приводитъ (ихъ) въ послушаніе.

Преподобне отче Андрее, моли Бога о насъ.

Андрее честный, и отче преблаженнѣйшій, пастырю критскій, не престаи моляся о воспѣвающихъ тя: да избавимся вси гнѣва и скорби, и тлѣнія, и прегрѣшеній безмѣрныхъ, чтущіи твою память вѣрно.

Андрсе честный, отче преблаженнѣйшій, пастырю Критскій! непрестанно молися о воспѣвающихъ тя, да избавимся отъ гнѣва, скорби, растлѣнія и безмѣрныхъ прегрѣшеній вси, вѣрно чтущіи память твою.

М. Добронравовъ.

Союзъ между церковію земною и небесною.

(ДОГМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Почитаніе святыхъ.

Угодившіе Богу на землѣ и удостоенные Имъ Самимъ прославленія на небѣ праведники не только должны быть призываемы въ молитвахъ членами церкви земной, но и достойно чествуемы или прославляемы церковію земною. Къ этому православная церковь и призываетъ своихъ членовъ. Почитаніе святыхъ выражается въ православной церкви въ благоговѣйномъ воспоминаніи ихъ подвиговъ и дѣлъ, съ цѣлію подражанія имъ, въ прославленіи ихъ святости, въ празднествахъ въ честь ихъ, въ сооруженіи храмовъ во имя святыхъ, возженіи свѣтильниковъ и кажденіемъ ѳиміама предъ ихъ изображеніями и пр. Призывая къ такому почитанію, церковь научаетъ почитать святыхъ не какъ боговъ какихъ, но лишь какъ вѣрныхъ рабовъ и друзей Божіихъ, ставшихъ святыми при помощи благодати Божіей, почему это почитаніе является, съ одной стороны, прославленіемъ *Бога, единаго во святыхъ Своихъ* (Пс. 67, 36), а съ другой—прославленіемъ и самихъ святыхъ, какъ „живыхъ образовъ Божіихъ“. Выше всѣхъ почитается православною церковію Приснодѣва Марія. „Матерь Бога Слова“, исповѣдуютъ восточные патріархи, „чтимъ болѣе, нежели рабу Божію; поелику Богородица хотя есть воистину раба единаго Бога, но Она есть и мать, родившая плотски единаго отъ Троицы. Посему и величаемъ Ее высшею, безъ сравненія, всѣхъ ангеловъ и святыхъ, и воздаемъ поклоненіе большее, нежели какое прилично рабѣ Божіей. Другого рода поклоненіе,

приличное рабамъ Божиимъ, относится къ святымъ ангеламъ, апостоламъ, пророкамъ, мученикамъ, и вообще ко всѣмъ святымъ ¹⁾. „Такое почитаніе святыхъ хотя имѣеть и религіозный характеръ, но, очевидно, не тождественно съ поклоненіемъ и служеніемъ, какое подобаетъ воздавать единому Творцу и Господу. Это различіе въ греческомъ языкѣ выражается и въ самихъ названіяхъ того и другого почитанія: служеніе, приличествующее только божественному существу, обозначается словомъ λατρεία—богопоклоненіе, почитаніе боголѣпное, а почитаніе святыхъ называется „почитательнымъ поклоненіемъ“ (τιμητική προσκύνησις—въ вѣроопредѣленіи VII вселен. собора; см. Евр. 11, 21), служеніемъ (δουλεία) ²⁾.

I. Почитаніе святыхъ предполагается общимъ смысломъ и духомъ откровенія Божія, хотя въ немъ и нѣтъ буквально выраженной заповѣди о почитаніи святыхъ. Святые суть „живые образы Бога“,—Его святости и другихъ совершенствъ, къ каковому уподобленію Богу должны стремиться и всѣ люди. Велѣдствіе этого они особенно угодны Богу (Притч. 11, 20); они—друзья Божіи (Пс. 138, 17), друзья Христовы (Іоан. 15, 14), сонаслѣдники Христу (Рим. 8, 17), близкіе и родные Ему (Марк. 3, 35), молитвенники и заступники за насъ предъ Богомъ, ради которыхъ Богъ щадилъ цѣлые незаконные города (Быт. 18, 23—32), сохранилъ и бытіе рода человѣческаго ради праведнаго Ноя и его семейства. И если естественно человѣку высоко цѣнить доброе и святое, то понятно, что высшіе и совершенные носители и образцы святости и добра, удостоиваемые прославленія и Самимъ Богомъ, должны быть почитаемы тѣми, которые принадлежатъ къ тому же тѣлу церкви Христовой, что и прославленные Богомъ угодники.

1) Посл. вост. патриарховъ. Приложение, отвѣтъ на вопросъ 3-й.

2) Слово λατρεία въ св. Писаніи употребляется, какъ особый терминъ, лишь для обозначенія служенія, подобающаго Богу, напр. Рим. 1, 9; Евр. 9, 16 и др. На этомъ основаніи язычники, воздававшіе различнымъ сотвореннымъ предметамъ боголѣпное почитаніе, назывались въ древности ειδωολάτραι—идолослужители. Слово же δουλεία—служеніе употребляется въ Писаніи для обозначенія служенія вообще, Богу ли оно оказывается (Рим. 7, 6; 12, 11, 14, 18; Кол. 3, 24), или человѣку (Гал. 5, 13; Еф. 6, 5—7), или еще чему либуду, напр. грѣху (Рим. 6, 6), чреву (Рим. 16, 18). Δουλεία подобаетъ и Богу, но λατρεία—только и подобаетъ Богу.

Даются въ откровеніи и положительныя внушенія о томъ, что святыя достойны нашего почитанія, равно указываются и примѣры почитанія ихъ.

Во времена ветхозавѣтныя, люди благочестивыя чтили праведныхъ не только во время ихъ земной жизни, напр. пр. Нафанъ почиталъ Давида (3 Цар. 1, 23), Авдій поклонялся прор. Іліи (18, 17), сыны пророческіе поклонилися до земли вѣрному рабу и другу Божію Елисею (4 Цар. 2, 15), но и послѣ—ихъ кончины. *Въ памяти вѣчной будетъ праведникъ* (Пс. 111, 6), воспѣвалъ Давидъ. *Память праведника пребудетъ благословенна, а имя нечестивыхъ омерзѣетъ* (Притч. 10, 7). И іудеи свято сохраняли память о своихъ праведникахъ, какъ видно изъ того, что они съ особеннымъ тщаніемъ созидали гробы пророковъ и украшали памятники праведниковъ (Мѡ. 23, 29).

Въ новомъ завѣтѣ о почитаніи святыхъ говорится въ томъ же смыслѣ. Спаситель говорилъ апостоломъ: *вы друзи Мои есте... вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ* (Іоан. 15, 14—15). *Иже всѣхъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ; иже пріемлетъ Мене, пріемлетъ посланнаго Мя* (Мѡ. 10, 40); *отмѣтайся всѣхъ, Мене отмѣтается; отмѣтайся же Мене, отмѣтается посланнаго Мя* (Лук. 10, 16). По словамъ Спасителя, почитаніе и непочитаніе апостоловъ, какъ друзей Христо-выхъ, Его посланниковъ, есть почитаніе или непочитаніе и Его Самого, а чрезъ Него и посланнаго Его Отца. О чествованіи пророковъ и праведниковъ Онъ говорилъ: *пріемляи пророки во имя пророче, мзду пророчу пріемлетъ; и пріемляи праведники во имя праведниче, мзду праведничу пріемлетъ* (Мѡ. 10, 41).

Ап. Павелъ учитъ: *слав. и миръ всякому дѣлющему благое* (Рим. 2, 10; см. 12, 9—10; Тим. 5, 17) и потому заповѣдуетъ: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, и яже озирающе на кончину ихъ жителства* (и взирая на кончину ихъ жизни) *подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. 13, 7). Живой примѣръ тому, какъ слѣдуетъ чтить и сохранять память праведныхъ, онъ далъ въ изображеніи великой вѣры и подвиговъ благочестія ветхозавѣтныхъ праведниковъ,

которые, по его словамъ, такъ высоки были, что ихъ не бы достоинъ весь міръ (Евр. 11, 38).

Преблагословенная Дѣва Марія сама изрекла о будущемъ прославленіи Ея родомъ христіанскимъ: *се, отнынѣ ублажатъ Ми вси роди* (Лук. 1, 48). А о добромъ дѣлѣ Маріи Магдалины, возліяніемъ мѳра приготовившей тѣло Господа Иисуса къ погребенію, Онъ сказалъ: *идѣже ище проповѣдано Судетъ евангеліе сіе во всемъ міръ, речетъся и еже сотвори сія, въ память ея* (Мѳ. 26, 12—13).

Почитать святыхъ, хотя бы и отшедшихъ изъ настоящей жизни, но которые *жили суть*, и прославлены Богомъ, по смыслу и духу отроченнаго ученія, такимъ образомъ, составляетъ священный долгъ вѣрующихъ, живущихъ на землѣ.

Ц. Въ церкви христіанской почитаніе святыхъ, какъ исполненіе этого священнаго долга, вошло въ обычай съ самыхъ первыхъ дней ея существованія. По словамъ ап. Павла, новозавѣтная церковь, начиная свое существованіе, имѣла небесными своими членами вмѣстѣ съ ангелами и безчисленный сонмъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, достигшихъ совершенства (Евр. 12, 22—24), освобожденныхъ Искупителемъ отъ узъ адовыхъ и введенныхъ Имъ въ Іерусалимъ небесный (Еф. 4, 8). Во главѣ этого торжествующаго собора стоялъ, такъ памятный, первымъ членамъ церкви великій Іоаннъ, Предтеча Господень. Выше и свѣтлѣе всѣхъ святыхъ и ангеловъ и челоуѣковъ возсіяла въ церкви слава Преблагословенной Дѣвы Маріи. За ветхозавѣтными праведниками, патріархами и пророками явились первенцы новозавѣтной церкви, имена которыхъ записаны на небесахъ (Лук. 10, 20),—св. апостолы. Они предназначали собою многочисленный сонмъ св. мучениковъ и мученицъ. Тайновидецъ Іоаннъ, писавшій книгу откровенія послѣ того, какъ другіе одиннадцать апостоловъ уже приняли мученическую кончину, видѣлъ *предъ престоломъ и предъ Лицемъ великое множество людей въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, которые омыли одежды свои и убѣли ихъ кровію Лица* (Апок. 7, 9, 13—15), т. е. облеклись ангельскою свѣтлостію.

Всѣ эти святые первенцы новозавѣтной церкви—апостолы и

мученики, вмѣстѣ съ ветхозавѣтными праведниками, Матерію Господа и великимъ Предтечею, согласно были признаваемы святыми и удостоенными на небѣ вѣнца славы, а потому и прославленіе и почитаніе ихъ въ церкви земной началось очень рано. Прославленіе Божіей Матери неразрывно соединялось съ прославленіемъ Самаго Иисуса Христа. Вмѣстѣ съ особеннымъ воспоминаніемъ Ея въ древнѣйшихъ литургіяхъ находится также благоговѣйное воспоминаніе Предтечи, патриарховъ, пророковъ и мучениковъ.

Въ частности, почитаніе мучениковъ въ первой четверти второго вѣка было уже дѣломъ принятымъ. Спутники священно-мученика *Игнатія Богоносца*, пострадавшаго въ Римѣ въ началѣ II-го вѣка, въ заключеніе своего описанія мученической кончины его говорятъ: восхваливъ Бога, Подателя благи, и ублаживъ святого, мы замѣтили день и годъ кончины (20-го декабря при консулахъ Сурѣ и Седекіи), чтобы собираясь во время мученія его, мы могли имѣть общеніе съ подвижникомъ и доблестнымъ мученикомъ Христовымъ¹⁾. Замѣчая дни кончины св. мучениковъ (называвшіеся „днями рожденія“ ихъ для будущей жизни), въ эти дни древніе христіане собирались при гробахъ ихъ, или въ храмѣ для богослуженія, совершались въ память ихъ бдѣнія и литургіи. Христіане смирнскіе, сохранившіе останки своего пастыря, св. *Поликарпа*, въ своемъ окружномъ посланіи о его мученической кончинѣ говорятъ: „туда“, т. е. гдѣ положены его останки, „какъ можно только будетъ, мы станемъ собираться съ веселіемъ и радостію,—и Господь соизволитъ намъ праздновать день его мученическаго рожденія, какъ въ память уже совершившихъ свой подвигъ; такъ въ наученіе и утвержденіе новыхъ подвижниковъ“²⁾. *Тертуліанъ* говорилъ: „мы совершаемъ приношенія за усопшихъ и

1) *Серія* архіеп. Полный мѣсяцесловъ Востока 1 т. 8—9 стр. На основаніи свидѣтельства о мученіи Игнатія, который пострадалъ при императорѣ Траянѣ, въ 107 или 115—116 году, начало почитанія мучениковъ „со всею вѣроуверностію“, говоритъ проф. *Е. Голубинскій*, должно быть отнесено къ послѣдней четверти I вѣка или ко времени, непосредственно слѣдовавшему за первымъ гоненіемъ на христіанъ Нероновыхъ. *Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви*. Москва 1903 г. Изд. 2, 13—14 стр.

2) *Евсев.* Церк. истор. V, 15.

торжества въ честь святыхъ¹⁾; Свѣ Григорій Нюксарійскій, по свидѣтельству жизнеописателя его; свѣ Григорія Нисскаго, совершалъ торжественное богослужіе въ дни памяти мучениковъ, собирая въ сіи дни вѣрующіихъ, на гробахъ ихъ²⁾. Съ IV вѣка, когда христіанство получило право свободнаго совершенія своихъ священнодѣйствій, во имя мучениковъ стали воздвигать храмы³⁾, совершать особенно торжественныя празднества, а надъ ихъ гробницами вносились похвальные слова (наприм. Григоріемъ Бог., Ефремомъ Сиринемъ, Василиемъ Великимъ, Иоанномъ Златоустомъ и др.). Такое празднованіе памяти святыхъ мучениковъ было подтверждено соборными постановленіями: „аще кто, пришедши въ надменное расположеніе, гнушаясь, осуждаетъ собранія въ честь мучениковъ и совершаемыя въ оныхъ служенія и памяти ихъ, да будетъ подъ клятвою“⁴⁾.

Прославленіе свѣ апостоловъ, высоко почитавшихся и во время земной ихъ жизни (Гал. 4; 14), также должно было начаться очень рано. Такъ какъ изъ двѣнадцати апостоловъ одиннадцать, за исключеніемъ свѣ. Иоанна Богослова, скончались мученически, они и предначали сонмъ мучениковъ, то во всякомъ случаѣ они не могли не быть тотчасъ по смерти почитаемы, какъ мученики. Свѣ апостольскій Иоаннъ скончался естественною смертію около 110 года и со всею вѣроятностію нужно думать, что онъ началъ быть почитаемъ святымъ тотчасъ же послѣ своей кончины, такъ что почитаніе апостоловъ, какъ таковыхъ, если не началось ранѣе, началось съ установленіемъ его почитанія⁵⁾.

1) Терт. Де согопа миліт; с. 8.

2) Григ. Нис. Слово о жизни свѣ Григорія чуд. (VIII ч. 181 стр. въ рус. пер.).

3) Евсевій свидѣтельствуетъ, что равноапостольный Константинъ „желалъ отличить сомнительный себѣ городъ, украсилъ его весьма многими молебными, величольными храмами: мученикамъ; и вѣнчалъ память мучениковъ, высьтъ посвятить Богу ихъ и самый свой городъ“. Церк. ист. VIII, 48.

4) Галггг. соб. прав. 20; Правил. это направлено противъ евстафіанъ (а также мапхѣевъ), отвергавшихъ почитаніе святыхъ. Сл. Лаод. соб. прав. 51, относительно порядка празднованія дней кончины мучениковъ въ случаѣ совпаденія ихъ съ днями четырехдесятницы.

5) По древнему сказанію (первой половин. III в.) изъ гроба его исходилъ тонкій прахъ, служившій доврачеланію душъ и выздоровленію тѣлъ. Въ память сего

Рано началось въ церкви и почитаніе ветхозавѣтныхъ *патріарховъ* и *пророковъ*, ибо воспоминаніе о нихъ находится въ древнѣйшихъ литургіяхъ. Въ IV вѣкѣ на востокѣ оно было общепринятымъ и уже существовали храмы въ честь ихъ и праздники ¹⁾.

Къ подвигу мучениковъ древніе христіане приравнивали подвигъ *исповѣдниковъ*, которые претерпѣли за вѣру истязанія и заточеніе, но не до смерти, впрочемъ, съ различіемъ въ чествованіи тѣхъ и другихъ. Претерпѣніе страданій до конца и смерть за Господа Спасителя, согласно Его наставленіямъ (Іоан. 15, 12—13), почитались высшимъ выраженіемъ вѣры и любви, и посему мученики сразу и безъ колебаній вѣнчались въ церкви подобавшими ему славою и честію. Для неполучившихъ крещенія, мученическая кончина замѣняла это таинство. Исповѣдники пользовались особеннымъ уваженіемъ въ церкви, по ихъ ходатайству сокращались сроки испытаній для оглашенныхъ и оказывалось снисхожденіе къ кающимся, падшимъ во время гоненій, но не всѣ они были причисляемы къ мученикамъ и святымъ. Удостоивались по смерти славы и чести лишь тѣ изъ нихъ, которые умирали вскорости и вслѣдствіе перенесенныхъ мученій, или до конца жизни соблюли вѣру и любовь ко Христу и чистоту жизни христіанской ²⁾. „Замѣчайте дни, въ которыя они умираютъ, чтобы мы могли совер-

устроить праздникъ въ честь св. Іоанна 8 мая, кромѣ праздника въ день его кончины (26 сент.). См. у *Сергія* арх. Полн. мѣсяцесловъ Востока. II т. 2 ч. 171 стр.

¹⁾ Въ житіи муч. *Теодорита* анкійскаго (ск. 304 г.), писанномъ современникомъ, говорится о храмѣ святыхъ патріарховъ и другомъ храмѣ св. отцевъ (Чет.—Мил. 18 мал). *Сергія* Полн. мѣснц. Востока I т. II стр.

Ветхозавѣтнымъ святымъ празднуется въ церкви двояко: во первыхъ, всѣмъ имъ совершается общее правднованіе въ цѣдѣли праотцевъ и отцевъ предъ Рождествомъ Христовымъ; во вторыхъ, нѣкоторымъ изъ нихъ положены особые дни правднованій. Дѣлаютъ догадку, что такъ какъ дни ихъ кончины неизвѣстны, то положены правднованія въ дни обрѣтенія мощей. См. у *Голубинскаго*. Исторія канонизаціи и пр. 14—15 стр.

Западною церковію совсѣмъ не были приняты правднованія ветхозавѣтными праведниками. *Серединскаго* Т. прот. О богослуженіи зап. церкви. II ст., стр. 65.

²⁾ Не всѣ изъ исповѣдниковъ оставались таковыми. Иные поддавали духу превозношенія, вѣшивались въ дѣла церковнаго управленія, заводили въ церквахъ смуты, впадали и въ другіе слабости и пороки. См. письма св. *Кипріана* каре. „Къ Рогоціану“, „Къ пресвитерамъ и діаконамъ“ и др.

шить воспоминаніе въ дни памяти мучениковъ“, говорилъ о нихъ св. Кипріанъ ¹⁾.

Съ глубокой же древности, съ почитаніемъ апостоловъ, мучениковъ и исповѣдниковъ вошло въ обычай почитаніе и другихъ усопшихъ святыхъ мужей и женъ—іерарховъ или святителей, жизнь которыхъ, особенно въ первые вѣка, была преисполнена особыхъ трудовъ и опасностей, подвижниковъ, благочестивыхъ царей и царицъ и вообще всѣхъ усопшихъ, которыхъ церковь признавала святыми.

Само собою понятно, что признаніе изъ этихъ классовъ усопшихъ христіанъ извѣстныхъ лицъ святыми (причтеніе ихъ къ лику святыхъ, или, что тоже, канонизація) совершалось въ церкви земной не по произволу отдѣльныхъ лицъ, власть имѣющихъ въ церкви, или не по безпричинному соглашенію цѣлой помѣстной христіанской общины (церкви), а на достаточныхъ основаніяхъ, и именно на основаніи сверхъ-естественнаго свидѣтельства о нихъ Самаго Бога, Который тѣхъ или другихъ между ними удостоивалъ дара чудотвореній или еще при жизни или же по смерти. Даръ чудотвореній, въ связи, конечно, съ православіемъ и добродѣтельною жизнію до готовности положить душу свою за Христа, признавался въ православной церкви и во всѣ послѣдующія времена, необходимымъ условіемъ для причтенія кого либо изъ усопшихъ къ лику святыхъ ²⁾.

Что касается порядка причисленія къ лику святыхъ прославляемыхъ Самимъ Богомъ усопшихъ христіанъ, то въ православной восточной церкви нѣтъ и не было какого нибудь чина причтенія къ лику святыхъ, или канонизаціи, подобнаго чину латинской церкви. Въ этой послѣдней прежде т. н. ка-

1) Кипр. каре. Уписьмо „Къ клиру кареагенскому“.

2) „Три вещи признаются свидѣтельствующими объ истинной святости въ людяхъ, говоритъ іерусалимскій патріархъ Нектарій (ск 1680 г.): 1) православие безукоризненное, 2) совершеніе всѣхъ добродѣтелей, за которыми слѣдуетъ противостояніе за вѣру даже до крови, и наконецъ, 3) проявленіе Богомъ сверхъ-естественныхъ знаменій и чудесъ“, въ частности—петленіе тѣлъ или же благоуханный запахъ отъ костей. Послѣднее (петленіе тѣлъ) указывается впрочемъ не какъ общее непремѣнное требованіе для признанія святости усопшаго, но какъ такое знаменіе святости, которое на самомъ дѣлѣ часто бывало. См. у проф. Толубинскаго. Исторія канонизаціи и пр, 28 стр.

нонизации святого совершается разборъ его жизни и дѣятельности, напоминающій приемы не только суда, но и суда гражданскаго ¹⁾ и по признаніи на этомъ судѣ извѣстнаго блаженнаго или блаженной достойными причтенія къ лику святыхъ²⁾, папою таковой провозглашается святымъ ³⁾. Въ древней греческой церкви причтеніе къ лику святыхъ или т. н. канонизация по отношенію къ каждому новопризнаваемому святому состояла въ томъ, что назначалось было ежегодное празднованіе его памяти въ день его кончины (или въ другой, имѣющій для него особое значеніе, день), для каковой цѣли имя его вносилось въ мѣсяцесловъ или календарь епархіи и было присоединяемо къ именамъ прочихъ святыхъ епархіи для ежедневнаго возглашенія на литургіи до совершенія таинства евхаристіи, для каковой цѣли выписывалось въ т. н. диптихъ церковный ⁴⁾. Таковъ же порядокъ сохранился и въ позднѣй-

1) Недавно объявлялось тамъ о канонизации Орлеанской дѣвы Іоанны д'Аркъ, при чемъ описанъ былъ судъ надъ ея личностію и жизнью. Здѣсь, на подобіе гражданскаго суда, были и прокуроръ и адвокаты, былъ даже адвокат отъ діавола, якобы протѣвляющагося ея прославленію. Очевидна неумѣстность каковаго либо суда церкви надъ святыми предъ прославленіемъ ихъ, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ практикуется въ римской церкви. Самимъ святымъ дано право суда не только надъ нами, но и надъ всѣмъ міромъ (1 Кор. 1, 2). Знаменія и чудеса, являемыя отъ чтимаго угольника Божія, обыкновенно предваряющія его прославленіе и служащія основаніемъ прославленія его въ церкви земной, исключаютъ мысль о судѣ церкви надъ святыми предъ ихъ прославленіемъ.

2) Въ латинской церкви два разряда святыхъ: блаженные, чтимые обязательнымъ образомъ лишь мѣстно въ какой либо странѣ или области (причтеніе къ лику блаженныхъ—*beatificatio*) и въ собственномъ смыслѣ *святые*, канонизуемые изъ областей и чтимые обязательнымъ образомъ повсемѣстно во всей церкви. О латинскихъ чинахъ причтенія къ лику блаженныхъ и къ лику святыхъ см. у о. Т. Серединскаго. О богослуженіи Западной Церкви. II ст.

3) Провозглашеніе это торжественно произносится папою съ трона въ слѣдующей формулѣ: „поставляемъ и определяемъ, что блаженный Nъ есть святой (*beatum N sanctum esse*) и вписываемъ его въ каталогъ святыхъ, дабы въ день своего представленія усердно былъ прославляемъ всею церковію“...

4) Голубинскаго. Исторія канонизации и пр. 23 стр. Здѣсь же объясняется, что греческое названіе „диптихъ“ (отъ *δίσ*—дважды и *πιττουή*—дощечка, дощечка для письма), которое по русски можетъ переведено словомъ: складень или складни, представлялъ собою особаго рода книжку, которая въ общемъ дохристіанскомъ употребленіи соответствовала нашимъ записнымъ книжкамъ, а въ христіанскомъ богослуженіи стала быть употребляема какъ памятникъ, въ которомъ записывались имена святыхъ и имена живыхъ и умершихъ для поминовенія пер-

шей греческой церкви: „совершается торжественная служба въ честь новоприваннаго святого, и это составляет его канонизацію, за которую слѣдуетъ ежегодное въ положенный день или положенные дни совершеніе его памяти“¹⁾. Канонизацію совершали къ мѣстному празднованію въ епархіяхъ—мѣстные епископы, безъ сомнѣнія, съ согласія митрополитовъ и собора епископовъ митрополіи, къ празднованію во всей митрополіи—митрополиты съ соборомъ епископовъ, къ празднованію во всей греческой церкви—патріархъ константинопольскій съ находящимся при немъ соборомъ архіереевъ²⁾.

Правила и порядки восточной греческой церкви при причисленіи извѣстныхъ усопшихъ христіанъ къ лику святыхъ соблюдаются и въ нашей православно-русской церкви. Единственнымъ общимъ основаніемъ для причтенія усопшихъ подвижниковъ благочестія къ лику святыхъ, иначе для ихъ канонизаціи, служило въ нашей церкви прославленіе подвижниковъ даромъ чудотвореній или еще при жизни, примѣры чего извѣстны (наприм. Θεодосій Печерскій, Сергій Радонежскій, Кирилль Бѣлозерскій), или, какъ это было наибольшею частію, по смерти, причемъ чудотворенія наибольшею частію совершались у ихъ гробовъ и отъ ихъ мощей. „Помимо сего условія или иначе, какъ не подь этимъ условіемъ, говоритъ проф. Голубинскій, усопшіе подвижники благочестія не были причисляемы въ нашей церкви къ лику святыхъ“³⁾ Само собою понятно, что чудеса признавались дающими основанія для причтенія извѣстнаго подвижника къ лику святыхъ только послѣ достовѣрнаго о нихъ дознанія⁴⁾. Причтеніе како-

выхъ и вторыхъ съ третьими на литургіи по совершеніи евхаристіи. Въ древнее время, пока число святыхъ каждой частной церкви было не велико, святые были помятаемы не безъимянно, но классамъ только, какъ теперь, а всѣ по именамъ. 24—25 стр.

1) Тамъ же, 31 стр.

2) Тамъ же 29 стр.

3) Тамъ же, 270 стр. „Но съ другой стороны, кромѣ или сверхъ сего условія, не требовалось еще второго условія, чтобы были обрѣтены нетлѣнными мощи подвижниковъ. Онѣ не составляли необходимаго условія, чтобы подвижникъ былъ причисленъ къ лику святыхъ: въ случаѣ наличности чудотвореній подвижникъ могъ быть причисленъ къ лику святыхъ и безъ ихъ (мощей) наличности; наоборотъ, при наличности ихъ, но безъ наличности чудотвореній, подвижникъ вовсе не могъ быть причисленъ къ лику святыхъ“.

4) Для несомнѣннаго удостовѣренія въ томъ что чудеса сѣв суть по всей истинѣ явленія и дѣйствія божественной силы, въ древности для прославленія

либо подвижника благочестія къ лику святыхъ обычно соединялось у насъ съ составленіемъ службы ему и написаніемъ житія его. Служба была нужна для того, чтобы по ней совершаемо было празднованіе святому, а что касается до житія, то оно нужно было какъ оправдательный документъ относительно того, что канонизованный святой былъ истинный святой, а также и для чтенія на службахъ въ день празднованія его памяти къ общему утѣшенію и назиданію. Особеннаго значенія канонизаціи святыхъ, подобнаго римско-католическому, не было и нѣтъ въ русской церкви, какъ нѣтъ такового и въ церкви греческой. Представителями церковной власти, которая совершаетъ причтеніе къ лику святыхъ или канонизацію (мѣстныхъ святыхъ, епархіальный архіерей съ благословенія митрополита, патріарха, общихъ святыхъ—митрополитъ, патріархъ съ соборомъ епископовъ, позднѣе Св. Синодъ) издается опредѣленіе и указъ (какъ это въ настоящее время) о прославленіи новаго угодника Божія и на мѣстѣ положенія гроба съ тѣлесными останками канонизованнаго святого, совершается возможно свѣтло обставленное, праздничное служеніе новому святому и устанавливается день ежегоднаго празднованія святому (обычнѣе,—день кончины, иногда день рожденія, день ангела, день обрѣтенія мощей, если таковое имѣло мѣсто).

III. Противники молитвеннаго призванія святыхъ отвергаютъ и религіозное почитаніе святыхъ ¹⁾. Протестанты въ частности вмѣсто религіознаго почитанія святыхъ оставили у себя, какъ полезное, т. н. гражданское чествованіе (*cultus civilis*) святыхъ, какъ замѣчательныхъ историческихъ лицъ и дѣятелей. О святыхъ, утверждаютъ они, слѣдуетъ говорить съ уваженіемъ и благоговѣніемъ, подвиги и заслуги ихъ нужно съ признательностію вспоминать, чтобы подражать имъ, но не должно быть религіознаго чествованія ихъ, церковныхъ въ честь ихъ празднествъ, построенія ихъ имени храмовъ и

угодника Божія требовались у насъ такіа три чула: когда глухой сталъ бы слышать, слѣпой говорить, слѣпой видѣть.

¹⁾ Въ древности отвергали религіозное почитаніе святыхъ манихеи, евноміане, Вигиланцій съ послѣдователями, иконоборцы, въ средніе вѣка—алъбигенсы, вальденсы, виллефиты, паванкіане и под., въ новѣйшее время—протестанство и разнаго рода сектанты.

т. п. ¹⁾). Такое, т. е. религиозное почитаніе святыхъ, обличается ими и даже прямо называется идолопоклонствомъ. Въ оправданіе такого взгляда представляются различные доводы, на самомъ дѣлѣ однако не оправдывающіе его.

Религиозное почитаніе святыхъ, говорятъ, прямо исключается и воспрещается заповѣдію: *да не будутъ тебѣ бози инии, развѣ Мене* (Исх. 20, 3). *Господи Бога твоего да убоишися, и Тому Единому послужиши* (Втор. 6, 13; см. у Ис. 42, 8—славы Моя иному не дамъ, въ 1 Тим. 1, 17—единому премудрому Богу, честь, слава). Но заповѣдь Божія дана была евреямъ, бывшимъ уже и имѣвшимъ быть въ сношеніяхъ съ язычниками боготворившими разные предметы. Заповѣдію Богъ внушалъ евреямъ, чтобы они Его одного исповѣдали Богомъ, чтобы въ сотворенной области предметовъ не имѣли ни одного такого, который признавали бы за Бога и почитали, какъ Бога (во Втор. 5, 7—*да не будутъ тебѣ бози инии предъ лицемъ Моимъ*). Признающіе, подобно язычникамъ, многихъ боговъ и воздающіе имъ славу и поклоненіе, подобающія истинному Богу, грѣшатъ противъ первой заповѣди. Но святымъ воздается поклоненіе не божеское, а только какъ достойнѣйшимъ слугамъ Божиимъ.

Указываютъ еще напримѣръ апостола Петра, отклонившаго отъ себя обращенное къ нему Корниліево поклоненіе словами: *возстани, и азъ самъ человекъ есмь* (Дѣян. 10, 25—26), и на случай, описанный въ Апокалипсисѣ. Ев. Іоаннъ упалъ къ ногамъ ангела, показавшаго ему будущее, но ангель сказалъ: *смотри, не дѣлай сего; ибо я сослуживалъ тебѣ и братьямъ твоимъ, имѣющимъ свидѣтельство Іисусово; Богу поклонись* (19, 10; 22, 8—9). Но ни тотъ, ни другой случай не доказываютъ, что религиозное почитаніе святыхъ противно Богу. Апостольскій Петръ отклонилъ поклоненіе Корниліево потому, что Корнилій язычникъ палъ къ ногамъ его, считая его за высшее существо, т. е. хотѣлъ воздать богодѣльное поклоненіе. И св. апостолы Павелъ и Варнава не приняли божественной чести, которую хотѣли воздать имъ язычники въ Листрѣ, послѣ исцѣленія ими хромого; принявъ ихъ за боговъ (Дѣян. 14), но сыны пророческіе, увидѣвъ, что духъ Іліи почилъ на

¹⁾ Аусб. исп. ч. I, чл. 21. Апокл. Аусб. исповѣд. гл. 9.

Елисеѣ, вышли ему на встрѣчу и поклонились до земли. И это было еще при жизни пророка на землѣ (4 Цар. 2, 15), и пророкъ не воспретилъ имъ сего. Отклоненіе ангеломъ поклоненія Іоанна, объясняется смиреніемъ ангела; или, какъ другіе думаютъ, тѣмъ, что Іоаннъ, принявъ ангела за Господа Іисуса и хотѣлъ воздать ему божеское поклоненіе. Напротивъ, вождь воинства Господня, явившійся Іисусу Навину близъ Іерихона, не только не воспретилъ ему поклоненіе до земли, но велѣлъ ему снять обувь съ ногъ; ибо мѣсто это было освящено присутствіемъ посланника Божія (Нав. 5, 14—15).

Наконецъ, что касается вообще отождествленія или сближенія религіознаго почитанія святыхъ съ идолопоклонствомъ, то такая хула и клевета изобличена была еще въ древности, можно сказать—со дня установленія почитанія первыхъ христіанскихъ святыхъ-мучениковъ. Такъ, при страдальческой за вѣру Христову кончинѣ св. Поликарпа смирнскаго, произошло слѣдующее. Смирнскіе христіане, свидѣтели его мученической смерти, которая производилась при посредствѣ зажженнаго костра, увидѣвъ, какъ дивно сохранилось цѣлымъ отъ огня тѣло мученика, заливъ кровію своею весь пламень, стали утѣшать себя тѣмъ, что по крайней мѣрѣ могутъ взять и свято сохранить его тѣло. Но враги Христовы, преимущественно іудеи, постарались воспрепятствовать этому; они убѣдили проконсула сдѣлать распоряженіе о совершенномъ сожженіи тѣла мученика, а не отдавать тѣла христіанамъ, на томъ измышленномъ основаніи, что если имъ будетъ отдано тѣло св. Поликарпа, они станутъ поклоняться ему, оставивъ Распятаго. Христіане смирнскіе отвѣтили на это такъ: „они (т. е. измыслившіе сію ложь) не понимали, что мы никогда не можемъ ни оставить Христа, Который пострадалъ для спасенія всего міра спасаемыхъ, ни поклоняться кому либо другому; потому что Ему поклоняемся, какъ Сыну Божію, а мучениковъ любимъ, какъ учениковъ и подражателей Господа,—любимъ за ихъ неизмѣнную приверженность къ своему Царю и Учителю, да сподобимся и мы быть ихъ общниками и соучастниками“¹⁾. Вотъ отвѣтъ, показывающій совмѣстимость достодожднаго чествова-

¹⁾ Ессв. Церк. ист. IV, 15.

нія святыхъ съ истиннымъ почитаніемъ Бога. Подробнѣе же это было раскрыто древними учителями церкви.

Такъ, блаж. *Иеронимъ* въ обличеніе *Вигиланція* писалъ: „Кто, о безумная голова, когда нибудь поклонялся мученикамъ, какъ Богу (*martiricem adoravit*), кто человѣка считалъ Богомъ? Когда *Павель* и *Барнава*, *ликаонцами* были признаны за *Юпитера* и *Меркурія* (*Дѣян. 14 гл.*), и когда имъ хотѣли принести жертву, не растерзали ли они одежды свои и не сказали ли, что они люди?—не потому, что они не были лучше давно умершихъ людей *Юпитера* и *Меркурія*, но для того, чтобы по языческому заблужденію не была воздана имъ честь, принадлежащая Богу. Это читаемъ и о *Петрѣ* (*Дѣян. 10, 25*)... Мы воздаемъ честь рабамъ, чтобы эту честь распространить на Господа, Который говоритъ: *уже васъ приемлетъ, Мене приемлетъ* (*Мѡ. 10, 40*).¹⁾

Блаженный *Августинъ*, отождествлявшихъ (манихесвъ и евноміанъ) почитаніе мучениковъ и другихъ святыхъ съ идолопоклонствомъ, вразумляетъ: „мученикамъ мы не воздвигаемъ храмовъ, не устанавливаемъ священствъ, богослуженій и жертвоприношеній (какъ дѣлаютъ это язычники по отношенію къ своимъ богамъ), потому что не ихъ самихъ, а Бога ихъ считаемъ своимъ Богомъ. Чтимъ, дѣйствительно, память ихъ, какъ святыхъ Божіихъ людей, которые сражались за истину до смерти тѣлесной... Но слышалъ ли кто нибудь изъ вѣрныхъ когда либо, чтобы священникъ, стоя предъ алтаремъ, построеннымъ даже въ честь и почитаніе Божіе, надъ святымъ тѣломъ мученика, говорилъ въ своихъ молитвахъ: „Тебѣ, *Павель*, или *Петръ*, или *Кипріанъ*, приношу жертву?“... Мучениковъ „мы богами не считаемъ“, какъ не устанавливаемъ имъ священствъ и не совершаемъ имъ жертвоприношеній, потому что это—дѣло неприличное, недолжное и недозволенное, и обязательное только въ отношеніи къ единому Богу“²⁾. „Мы своимъ мученикамъ, какъ богамъ, храмовъ не воздвигаемъ, а устроаемъ надгробные памятники, какъ умершимъ людямъ, души которыхъ живутъ у Бога; и воздвигаемъ тамъ алтари, на ко-

¹⁾ *Иерон. Прот. Вигиланція* (IV ч. 298 стр. въ рус. пер.)—Письмо къ *Рипарію* (II ч. 59 стр. въ рус. пер.).

²⁾ *Август. О градѣ Бож. VIII кн. 27 гл.*

торыхъ приносимъ жертвы не мученикамъ, а единому, ихъ и нашему, Богу. При жертвѣ этой,—въ своемъ мѣстѣ и по чину, воспоминаются и они, какъ люди Божіе, въ исповѣданіи Бога міръ побѣдившіе,—воспоминаются, но священникомъ, совершающимъ жертву, не призываются. Жертву священникъ приноситъ Богу, а не имъ, хотя приноситъ ее при ихъ гробницѣ, потому что онъ священникъ Бога, а не ихъ.¹⁾ „Онъ же, опредѣляя различіе между почитаніемъ Бога и почитаніемъ мучениковъ и вообще святыхъ говоритъ: „мы почитаемъ (colimus) мучениковъ тѣмъ почитаніемъ (cultu) любви и общенія, которымъ и въ настоящей жизни почитаютъ (colunt) человекъ Божіихъ, уготовавшихъ сердца свои къ толикому страданію за истину евангельскую, только гораздо набожнѣе, какъ торжествующихъ уже въ жизни блаженной, а не воинствующихъ еще въ настоящей. Но тѣмъ почитаніемъ (cultu), которое по гречески называется *latreia*, а по латини не можетъ быть обозначено однимъ словомъ, и есть собственно Божеству подобающее служеніе (*servitus*), мы и сами не почитаемъ, и другихъ не учимъ почитать никого, кромѣ Бога“²⁾.

Правда, возможны, а въ древности и бывали случаи, что по неразумію нѣкоторые воздавали святымъ не подобающее, боголѣзное служеніе. Такъ во времена св. Епифанія, были заблуждающіеся, которые стали чествовать Приснодѣву Марію не только, какъ святѣйшую всѣхъ святыхъ, но и воздавать Ей божескія почести, поклоняться и служить Ей наравнѣ съ Богомъ. Но такія крайности всегда были осуждаемы церковію. Св. Епифаній такъ писалъ по поводу современнаго ему заблужденія касательно почитанія Богоматери: „нѣкоторые безумствующие въ мнѣніи о святой Приснодѣвѣ старались и стараются ставить Ее вмѣсто Бога... и во имя Ее совершаютъ жертвоприношенія“³⁾. Но не святые виновники соблазна, а

¹⁾ Тамъ же, XXII кн. 10 гл.

²⁾ Contr. Faust. Lib. XX, c. 21.

³⁾ Подобную же крайность представляетъ собою почитаніе Пресвятой Дѣвы и въ современной римско-католической церковн. Св. Дѣва со времени объявленія римскою церковію догмата о непорочномъ Ея зачатіи, перѣдко римскими писателями изображается обоготвореннымъ существомъ, приравнивается къ Св. Троицѣ, именуется четвертымъ лицемъ въ Троицѣ, „богоскуительницею“ рода человеческого, олицетвореніемъ божественнаго милосердія и пр. См. О Богъ Искупитель. Догм. оч. Кам. Под. 1906 г. 179—180 стр.

самъ разумъ человѣческій, непокойливый и обращающійся на лукавое... Святыхъ не должно почитать сверхъ должнаго, но чтить въ (нихъ) Владыку ихъ. Посему да престанетъ заблужденіе обольщенныхъ! Ибо Марія не Богъ, и не съ неба получила тѣло... Да не господствуетъ надъ нами древнее заблужденіе—оставлять живого и поклоняться созданному отъ Него!... Не должна (поэтому) Дѣва служить предметомъ поклоненія (т. е. боголѣпнаго), не должно дѣлать Ея Богомъ, не должно приносить жертвъ во имя Ея... Пусть чествуется Марія; но поклоняться надобно Отцу, и Сыну, и Св. Духу“ ¹⁾.

Въ заключеніе, по поводу отождествленія чествованія святыхъ съ идолопоклонствомъ, приведемъ опредѣленіе истиннаго смысла этого чествованія, сдѣланное св. *І. Дамаскинскимъ*. „Поклоняемся мы, говоритъ онъ, тѣмъ, въ которыхъ почиваетъ Богъ, единый Святый, и во Святыхъ почивающій, какъ то святой Богородицѣ и всѣмъ святымъ. Ибо они всевозможно уподобились Богу, и по дѣйствию собственной своей воли, и по обитанію въ нихъ Бога, и по его содѣйствію“... „Достопокланяемы (они) не по естеству своему, но потому, что имѣютъ въ себѣ Того, Который по естеству Своему достопоклоняемъ“, подобно тому, какъ раскаленное желѣзо не по природѣ своей неприкосновенно и жжетъ, но потому, что приняло въ себя огонь, коего естественное свойство есть—жечь. И такъ мы поклоняемся имъ потому, что Богъ ихъ прославилъ, и содѣлалъ страшными для враговъ, и благодѣтелями для приходящихъ къ нимъ съ вѣрою; поклоняемся имъ мы не какъ богамъ и благодѣтелямъ по естеству своему, но какъ рабамъ и служителямъ Божиимъ, имѣющимъ дерзновеніе къ Богу, по любви свей къ Нему: поклоняемся имъ, потому, что самъ царь относитъ къ себѣ почтеніе, когда видитъ, что почитаютъ любимаго имъ человѣка, не какъ царя, но какъ послушнаго слугу и благорасположеннаго къ нему друга“ ²⁾.

Протоіерей Н. Малиновскій.

¹⁾ *Епиф.* Ер. LXXVIII, 23 и 24; ер. LXXIX, 4, 5 и 7.

²⁾ *Дамаск.* Сл. 3 объ иконахъ. См. Препблв. къ Православ. исповѣд. Св. Точное изложен. прав. вѣры, IV, 15.

Теорія боговдохновенности Библии въ александрійской школѣ.

ТЕОРИЯ ОРИГЕНА

(Продолженіе *)

IV.

Изложенное нами ученіе Оригена о боговдохновенности, цѣли и свойствахъ св. Писанія вообще, во всемъ его объемѣ имѣетъ значеніе и по отношенію къ *отдѣльнымъ ея частямъ*. Но такъ какъ ученіе о боговдохновенности раскрывается александрійскимъ богословомъ почти всегда въ связи съ понятіемъ объ Откровеніи, то и различіе между первоисточниками Откровенія естественно возвращается къ тому же самому понятію. Существенное раздѣленіе св. писаній Ветхаго и Новаго Заветовъ на двѣ группы является безспорнымъ предположеніемъ, лежащимъ въ основѣ всякаго вообще употребленія Слова Божія. Вопросъ о взаимномъ отношеніи частей св. Писанія почитался однимъ изъ важнѣйшихъ богословами всехъ временъ. Собственно даже по этому вопросу Оригенъ не высказалъ своихъ взглядовъ въ опредѣленной, строго законченной системѣ, хотя въ своихъ твореніяхъ онъ неоднократно рассуждаетъ о немъ, побуждаемый различными поводами. Свои мысли о достоинствѣ закона и пророковъ, о значеніи преобразованій Ветхаго Завета въ домостроительствѣ спасенія человечества Оригенъ развиваетъ, въ противоположность двумъ крайнимъ направленіямъ. Съ одной стороны, стоятъ іудеи, которые съ упорнымъ упрямствомъ искали спасенія въ буквѣ закона и чрезъ это стояли въ рѣзкомъ противорѣчій съ александрійскимъ идеализмомъ. Съ другой стороны, Цельсъ, представитель языческаго невѣрія, во всеоружіи утонченной софистики, нападалъ на первые бастионы христіанства, ветхозавѣтныя книги ¹⁾, чтобы умалить или даже совсѣмъ подорвать историческую достовѣрность, зна-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 5 за 1907 г.

¹⁾ Contra Celsum. Lib. I. cap. 16 (M. XI 689).

ченіе моисеева законодательства и важность пророчествъ ¹⁾. Какъ апологетъ христіанства, Оригенъ, естественно, долженъ былъ раввинскому культу буквы, противопоставить относительное значеніе моисеева закона, а противъ языческихъ нападеній защитить важность ветхозавѣтныхъ писаній. Противъ Цельса, помѣщавшаго ветхозавѣтную исторію въ область басень, Оригенъ доказываетъ достовѣрность, древность и независимость Ветхаго Завѣта отъ родственнаго ему по содержанію языческихъ сочиненій ²⁾. Въ то же время имъ опровергаются изъ внутреннихъ основаній аргументы Цельса, направленные противъ божественнаго происхожденія ветхозавѣтныхъ книгъ ³⁾. Горячая защита Ветхаго Завѣта со стороны Оригена находится въ полномъ согласіи съ тѣми обстоятельствомъ, что его время было еще не далеко отъ эпохи исключительнаго значенія ветхозавѣтныхъ писаній. Поэтому, въ системѣ Оригена, направленіе, возвышавшее непосредственное значеніе первоисточниковъ Ветхаго Завѣта, нашло для себя чолный отголосокъ. Относительный характеръ ветхозавѣтнаго Откровенія, сравнительно съ новозавѣтнымъ, строго утверждался еще не всегда, такъ какъ нерѣдко ихъ ставили на одной и той же ступени. Въ твореніяхъ Оригена фактически есть мѣста, гдѣ Моисею и пророкамъ приписывается одинаковое значеніе, какъ и апостоламъ ⁴⁾; или же обозначается важность пророческихъ писаній, какъ таковыхъ ⁵⁾. Но въ существѣ понятіе Оригена о различіи и взаимоотношеніи обоихъ завѣтовъ довольно правильное. Ветхій Завѣтъ, учить александриецъ, — не совершенное Откровеніе; весь свѣтъ, отъ него истекающій,

¹⁾ Нападенія Цельса на ветхозавѣтныя писанія изложены въ системѣ у Герреда въ его монографіи „Origène. Paris. 1888. Par. 2. pag. 278—298.“

²⁾ Contra Celsum Lib. III, 5 (M. XI, 925); IV, 31, (M. XI, 1076); Ibidem, IV, 21 (M. XI, 1053); VI, 19 (M. XI 1320). Оригенъ въ своемъ опроверженіи не шелъ такъ далеко, какъ Іустинъ и Климентъ, когда они доказывали, что изъ св. Писаній взято все то, что есть общаго у язычниковъ и іудеевъ. Іустинъ, Apol. 1, 11; Климентъ александр. Strom. I, 6.

³⁾ Contra Celsum. I, 17 (M. XI. 668).

⁴⁾ Comm. in Iohann. XIII, 46 (M. XIV. 481); VII, 2 (M. XVI. 201).

⁵⁾ Comm. in epist. ad Rom. (XIV 1291). Срав. даже слѣдующія нареченія Оригена. Si oportet instrumenta distinguere, audacter profecto dicam, multo majorem in veteri testamento ostendi humanitatem, quam in novo. In Ezech. homil. 9. (M. XIII. col. 675).

принадлежитъ собственно евангелію. Свѣтъ лампы и блистаніе солнца—таковы образы взаимоотношенія двухъ завѣтовъ. Христосъ составляетъ какъ бы центральную точку для боговдохновенныхъ писаній обоихъ завѣтовъ. Слабый, мерцающій свѣтъ древнѣйшихъ памятниковъ св. письменности былъ благотворнымъ, воспитательнымъ приготовленіемъ, введеніемъ (*εἰσαγωγή*) къ немеркнущему свѣту познанія Христа. Правда, и сами по себѣ ветхозавѣтныя писанія имѣютъ значеніе, но главная ихъ роль, съ появленіемъ евангелія, уже исполнена, какъ удобренія для смоковницы, послѣ того какъ она принесла плодъ свой ¹⁾. Такой взглядъ проводитъ александрійскій богословъ всюду въ своихъ твореніяхъ: изложенныя въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ Духомъ Божіимъ истины оставались сокровенными для людей до пришествія Христа, который именно и претворилъ воду (т. е. ветхозавѣтныя писанія) въ вино полнаго познанія ²⁾. Конечно, и Ветхій Завѣтъ предлагаетъ намъ ученіе о Богѣ, но собственно Бога, какъ Отца, явилъ человечеству только Христосъ ³⁾. Оригенъ, стало быть, дѣлаетъ различіе между двумя завѣтами именно въ пользу Новаго, но преимущество свѣта, принесеннаго съ явленіемъ Христа, онъ видитъ не въ расширеніи объективнаго содержанія Откровенія, а собственно въ обобщеніи субъективнаго сознанія его. Если Моисею и пророкамъ у Оригена приписывается то же самое познаніе, какъ и апостоламъ, то это происходитъ болѣе изъ противо-дѣйствія монтанистическому экстазу, чѣмъ означаетъ дѣйствительное равенство ихъ. Слѣдовательно, новозавѣтныя писанія представляютъ изъ себя, сравнительно съ ветхозавѣтными, не столько экстенсивный, сколько интенсивный успѣхъ знанія. И послѣ того, какъ Христосъ принесъ истинный свѣтъ, изъ новозавѣтныхъ книгъ можно точно такъ же почерпать спасительную истину, какъ и изъ ветхозавѣтныхъ. Такое возышенное мнѣніе о Ветхомъ Завѣтѣ александрійскаго учителя является вполне естественнымъ послѣдствіемъ его ученія о томъ,

¹⁾ Comment. in Matth. 11, 9 (XIII. 838).

²⁾ Comm. in Ioh. 13, 6 (XIV. 408).

³⁾ Ibidem. XIX, 1 (M. XIV. 525). Срвв. Bigg. The christian Platonist of Alexandria. Oxford. 1886, pag. 303 Last and highest among. their merits we must place their preaching of Father hood of God.

что Богъ точно такъ же говоритъ въ новозавѣтныхъ писаніяхъ, какъ ранѣе въ ветхозавѣтныхъ. Эта божественная рѣчь содержитъ въ себѣ безкопечное богатство божественнаго содержанія. Задача человѣческаго изслѣдованія—усвоить его именно съ помощью Духа Святаго. Различная степень полноты Духа обуславливаетъ степень познанія св. Писанія. Великое преимущество временъ новозавѣтныхъ и заключается въ томъ, что духовные дары теперь содѣлались общимъ достояніемъ благочестивыхъ людей, тогда какъ въ Ветхомъ Заветѣ они сообщались только немногимъ. Такъ какъ, при относительно малой оцѣнкѣ буквы, Оригенъ ставитъ въ зависимость практическое значеніе зачатій боговдохновенными писаніями отъ содѣйствія Духа божественнаго, то и дѣйствительное различіе внутренняго достоинства частей св. Писанія онъ долженъ былъ основывать на различіи способовъ этой второй откровенной дѣятельности. Буква же, которую онъ цѣнилъ довольно низко, предлагала для этого мало основаній. Впрочемъ, въ предѣлахъ своей системы Оригенъ ни въ какомъ случаѣ не разсматриваетъ неравенство обоихъ заветовъ, какъ только случайное, но наоборотъ, какъ существенное. Это вполнѣ понятно, при большомъ значеніи, какое онъ приписываетъ познанію спасительныхъ истинъ Божественнаго Откровенія, изъ развитія которыхъ онъ выводитъ и ученіе о самомъ искупленіи. Практическія послѣдствія такой теоріи высказывались тогда, когда великій экзегетъ начиналъ безразлично пользоваться изреченіями Ветхаго и Новаго Завета, какъ происшедшими одинаково изъ божественнаго вдохновенія.

Печать вышеизложенныхъ взглядовъ носятъ на себѣ особенно, сужденія александрійскаго богослова о двухъ главныхъ частяхъ ветхозавѣтныхъ писаній: законѣ и пророкахъ.

Подъ именемъ закона—νόμος въ широкомъ смыслѣ разумѣются историческая часть книгъ Моисея и пророчества его ¹⁾, но особенно постановленія законодательнаго характера. Безраздѣльное уваженіе и глубокое удивленіе Оригена къ Моисею, какъ законодателю ²⁾, не мѣшаютъ ему однако видѣть въ за-

¹⁾ Comment. in Johann XIX. I (M. XIV col. 529) Comment. in epist. ad Roman 4, Фрагментъ изъ Филокалій сар. IX (M. XIV. 1077).

²⁾ Даже самое имя Моисея Оригенъ отождествляетъ съ закономъ, сар. Comm.

конахъ его относительно низшія ступени Откровенія. Хотя Моисей писалъ подѣ вліаніемъ и по вдохновенію Духа Святаго ¹⁾, хотя Господь пользовался имъ, какъ орудіемъ при законодательствѣ ²⁾, все же законы его имѣютъ только относительное значеніе. Боговдохновенныя книги пророка Моисея имѣютъ своею задачею расширить, подготовить пониманіе евангелія и дать ключъ къ разумѣнію дѣлъ и ученія Іисуса ³⁾. Онѣ содержатъ, какъ и пророческія писанія, *первоначальное знаніе* и основныя начала христіанства ⁴⁾, *первыя ступени* къ совершенному познанію откровеній божественнаго Логоса. Если въ своихъ сужденіяхъ о законѣ, какъ относительно несовершенномъ учрежденіи, Оригенъ держится правильной точки зрѣнія, то при ближайшемъ опредѣленіи характера закона онъ не всегда сохраняетъ границы умѣренности. Не столько разясняя подготовительное значеніе Моисеева закона для христіанства, сколько настаивая на многостороннихъ его несовершенствахъ, онъ умалчиваетъ о томъ, что для своего времени, для непосредственныхъ адресатовъ, т. е. народа еврейскаго, законъ этотъ былъ весьма совершеннымъ. Впрочемъ ни къ какой области св. Писанія онъ не даетъ столь широкаго простора аллегорическому изъясненію, какъ въ области истолкованія Пятокнижія. Тамъ гдѣ точный текстъ книгъ Моисея кажется ему непристойнымъ, онъ открываетъ широкія ворота для таинственнаго духовнаго смысла, вложеннаго въ эти книги по сокровеннымъ намѣреніямъ Божественнаго Промысла.

Въ боговдохновенныхъ книгахъ Моисея предлагались людямъ Ветхаго Завѣта необходимая помощь противъ ихъ слабости и грѣховности ⁵⁾. Но по буквѣ, по тѣлесному смыслу онѣ часто заключаютъ въ себѣ несовершенства и противорѣчія. ⁶⁾ Многія кажушіяся по буквальному значенію непристойности ставили

in ad. Roman. V. (M. XIV. 1080); in Numer. hom. II, 1. (M. XII. 834); in Gen. homil. I, 7 XII 151 Moyses est in nobis stella.

1) In. Numer. hom. 26, 3 (XII. 771).

2) Comm. in. Ioh. 6, 3 (XIV 209)

3) Comm. in. Matth. X 10 (M. XII 857).

4) Contra Celsum. Lib. II. 4 (M. XI. 801).

5) Comm. in Matth. XIX 23 (M. XIII 1214)

6) De princ. IV. 17 (XI. 880). Срав. Lev. hom. VII. 16 (M. XII 489)

въ затрудненія даже іудейскихъ книжниковъ. Чтобы не подвергнуть опасности буквальный, собственный смыслъ они, прибѣгали къ многочисленнымъ баснямъ, изворотамъ и несообразностямъ въ толкованіи Пятикнижія ¹⁾. Въ дѣйствительности даже неандитическое, буквальное пониманіе книгъ Моисея служило для Провиденія средствомъ, чтобы дать іудеямъ вѣрный переходъ къ ученію Христа ²⁾. А что іудеямъ была представлена возможность проникать въ глубокій смыслъ изложенныхъ по божественному вдохновенію постановленій Моисея, касательно ритуала и обыденной жизни, это доказываетъ изреченіе, что буква убиваетъ, а духъ животворитъ ³⁾,

По ученію Оригена, однако, законодательныя постановленія Моисея, если ихъ разсматривать по буквѣ, несовершенны не только по отношенію къ своему практичечкому исполненію, но и по существу ⁴⁾. Это доказываетъ безусловную необходимость духовнаго истолкованія, которое эти несовершенства и устраняетъ. Аллегорическое истолкованіе наиболѣе трудныхъ мѣстъ Пятикнижія и служитъ для Оригена переходнымъ мостомъ чрезъ пропасть противорѣчій и несообразностей по буквѣ. Именно превосходство христіанскаго пониманія предъ іудейскимъ Оригенъ видитъ въ томъ, что христіане, соглашаясь съ іудеями касательно факта боговдохновенности, постигаютъ духъ моисеевыхъ законовъ не чрезъ букву, но чрезъ высшій духовный смыслъ, открываемый только Христомъ ⁵⁾. Буквальное пониманіе закона, предъ этимъ духовнымъ смысломъ, должно отступить на задній планъ и часто даже теряетъ самое право на существованіе. Такъ заповѣди о пищѣ содержатъ въ себѣ по тѣлесному смыслу такія несообразности, что не могутъ быть понимаемы дословно ⁶⁾. Подобнымъ масштабомъ Оригенъ измѣряетъ и многіе другіе законы, непосредственное

¹⁾ In Lev. ibidem.

²⁾ Contra Celsum. VII 26 (VI. 1382).

³⁾ In Lev. hom. I, 1 (XII 404).

⁴⁾ Ibidem. VII, 5 (XII 489) Откуда Оригенъ однако исключаетъ заповѣди о любви. Comment. in Matth. ser. I (M. XII 1602) и декалогъ (In Numer hom. XI, 1 (M. XII 642).

⁵⁾ Contra Celsum. V, 60 (M. XI, 1276) и VII, 20 (M. XI 1449), гдѣ законъ раздѣляется на буквальный и духовный.

⁶⁾ In. Lev. hom. VII. 6 (XII. 489). Срав. Тертул. Adv. Marc. lib. 5, 5.

значеніе которыхъ не легко бросается въ глаза ¹⁾. Кромѣ того многія постановленія ветхозавѣтнаго закона не согласны съ основоположеніями христіанства, какъ напримѣръ заповѣдь убивать враговъ, побивать камнями нарушителей закона и пр. ²⁾. Впрочемъ хотя многое въ книгахъ Моисея должно быть объясняемо духовно, однако и буква не всюду потеряла свое значеніе. Тамъ, гдѣ буква не носитъ на себѣ никакого изъ названныхъ несовершенствъ, истолкованіе ея не должно выходить изъ границъ дословнаго смысла. Многія изъ ветхозавѣтныхъ заповѣдей, какъ при Моисеѣ, такъ и теперь еще сохраняютъ свое дословное значеніе, хотя типическое значеніе закона должно всегда стоять на переднемъ планѣ ³⁾. При этомъ каждую отдѣльную заповѣдь закона, Оригенъ разсматриваетъ въ отдѣльности, саму по себѣ, давая ей гдѣ это возможно, типическо-аллегорическое объясненіе, вмѣсто того, чтобы все устройство Моисеева закона, особенно въ его обрядовыхъ и богослужебныхъ постановленіяхъ, понимать, какъ общій типъ будущаго евангельскаго закона. Съ этой точки зрѣнія педагогическое достоинство Моисеева закона и его внутреннее, значеніе для іудейскаго народа, почти совершенно теряется.

Взглядъ Оригена на мозаизмъ, Впрочемъ, представляетъ, несомнѣнно, значительный шагъ впередъ, если сравнить его, напр. съ идеями, развиваемыми въ посланіи ап. Варнавы. Оригенъ смотритъ на мозаизмъ только, какъ на несовершенную ступень, богопочтенія и ставитъ его наряду съ вѣрою простаго христіанина.

Болѣе высшую ступень религіознаго знанія во времена ветхозавѣтныя содержали книги *пророческія*. Та высокая оцѣнка, которую первые христіанскіе апологеты выражали по отноше-

¹⁾ Comment. in epist. ad Rom. II, 12 (XIV 898).

²⁾ Contra Cels. VII, 26 (M. XI 1457)

³⁾ In Numer. hom. XI, 1 (M. XII 642), Comment. in epist. ad Rom. V, 1 (M. XIV 1007); Comm. in Joh. 1, 8 (M. XIV 33). Срав. comment. in epist. ad Rom. 8, 2 (XIV 1161). Comm. in Matth. XII, 3 (XIV 981) Здѣсь Оригенъ называетъ законъ „духовнымъ человекомъ“ (πνευματικὸς ἀνθρώπος) души. Подобныя мысли онъ проводитъ въ Comment. in epist. ad Rom. 1, 2 3 и Comment. in Matth. XII 4 (XIII 981).

нію къ пророческимъ писаніямъ. объясняется между прочимъ тѣмъ, что область эта давала имъ богатый матеріалъ для доказательствъ. Если понятіе „пророчество“, обыкновенно отождествляется съ предсказаніемъ, то у Оригена для боговдохновенности пророковъ указана болѣе широкая задача. Ветхозавѣтные пророки были представителями современной имъ теологіи ¹⁾. Выраженія, въ которыхъ онъ восхваляетъ пророковъ, бросаютъ яркій свѣтъ на его высокое мнѣніе о самомъ пророческомъ вдохновеніи. Даже въ Моисеѣ Оригенъ восхваляетъ болѣе пророка, чѣмъ законодателя. Въ жизненныхъ краскахъ изображаетъ онъ преимущество, силу и дѣятельность вдохновенныхъ пророковъ, въ противоположность жрецамъ языческихъ оракуловъ ²⁾. Совершенство ихъ жизни и поведенія даже трудно себѣ представить ³⁾. Оригенъ сравниваетъ пророковъ Ветхаго Завѣта съ драгоценными камнями ⁴⁾, а слова ихъ съ воплощеніями ангеловъ ⁵⁾. Въ пророкахъ обиталъ Духъ Христовъ ⁶⁾. Это были орудія, чрезъ посредство которыхъ Христосъ открывалъ Себя древнимъ временамъ. Поэтому, многія изъ пророчествъ Ветхаго Завѣта имѣли значеніе, какъ собственныя слова Христа ⁷⁾. Какъ бы въ зеркалѣ созерцали пророки будущую жизнь Господа на землѣ. При божественномъ вдохновеніи, для нихъ была полная возможность описывать эту жизнь даже въ мельчайшихъ подробностяхъ, излагать ученіе христіанское даже въ отдѣльныхъ частяхъ ⁸⁾. Все это начертано въ боговдохновенныхъ пророчествахъ, которыя изложены не только въ книгахъ собственно пророческихъ, но также въ Пятокнижій, во псалмахъ и всемъ св. Писаній ⁹⁾. Должно, впрочемъ, различать между пророчествами, которыя совершенно ясно и непосредственно относятся ко Христу, и такими, которыя говорятъ о Немъ сокровенно, въ образахъ и

1) *Comment. in Johann. I, 28 (XIV. 87).*

2) *Contra Celsum. VIII, 6 (M. XI. 1328).*

3) *Ibidem VII, 6 (M. XI. 1430).*

4) *Comment. in Matth. X, 8 (XIII. 853).*

5) *Ibidem. XII, 30 (XIII. 1050).*

6) *De princ. Lib. I, 1 (XI. 115).*

7) *Comment. in Iob. VI, 28 (XIV. 265).*

8) *Comment. in Iob. II, 28 (XIV. 173).*

9) *Comment. in Matth. X (XIII. 858).*

притчахъ ¹⁾). Къ первому классу въ Пятокнижии принадлежатъ только три мѣста: благословеніе Іакова, прорицаніе Валаама и благословеніе Моисея. Остальныя, говорятъ о Христѣ только типически ²⁾). Христосъ, слѣдовательно, есть центральная точка всѣхъ боговдохновенныхъ пророческихъ книгъ. О Немъ говоритъ пророчество, при самомъ своемъ появленіи. Іоаннъ Креститель былъ послѣднимъ пророкомъ. Въ немъ выразилась самая сущность пророческаго вдохновенія. Съ нимъ прекратило свое существованіе учрежденіе ветхозавѣтнаго пророчества, которое главнымъ образомъ содѣйствовало спасенію людей въ древнее время, т. е. до пришествія Христа—Спасителя ³⁾). Наряду съ весьма высокою миссіей готовить человѣчество къ принятію Мессіи, боговдохновенныя пророческія книги должны были для іудейскаго народа замѣнять языческіе оракулы, которые неоднократно предлагались ему окружающими народами ⁴⁾). Отсюда Оригенъ выводитъ и различіе между пророчествомъ и предсказаніемъ. Первое имѣетъ предметомъ своимъ Логоса и Его царство ⁵⁾). Послѣднее же предлагаетъ второстепенныя вещи и служитъ средствомъ удержатъ народъ отъ языческихъ оракуловъ.

При истолкованіи пророческихъ книгъ, Оригенъ не идетъ такъ далеко по пути аллегорій, какъ это онъ дѣлаетъ съ Пятокнижіемъ Моисея. Но такъ какъ и въ пророческихъ книгахъ темнота имѣетъ немалое значеніе, то средствомъ для избѣжанія непростойности для него служитъ то же самое аллегорическое истолкованіе. Именно чрезъ буквальное пониманіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ, іудеи пришли къ рѣшенію убить истиннаго Мессію, такъ какъ они не нашли пути, какого нужно держаться, при чтеніи св. Писанія. Жестокосердые и неопытные, они не увѣровали въ Господа—Спасителя, считали пужнымъ слѣдовать буквѣ пророчествъ о Немъ. Между тѣмъ чувственно они не видѣли, чтобы Онъ проповѣдывалъ отпущеніе плѣннымъ, чтобы дѣйствительно устроилъ такое царство Божіе, которое они представляли себѣ по буквѣ св. книгъ, чтобы Онъ истребилъ колесницы у Ефрема и ко-

¹⁾ Contra Cels. I, 50 (M. XI. 753).   ²⁾ Ibidem I, 51 (M. XI. 756).

³⁾ Comment. in Iohann. XIII, 54 (XIV. 501).

⁴⁾ Contra Cels. I, 36 (M. XI. 729).   ⁵⁾ Ibidem. 7, 17 (M. XI. 1445).

ней во Иерусалимѣ (Зах. IX, 10), ѣлъ масло и медъ, узналъ и избралъ добро прежде, нежели зло (Ис. VII, 15) и т. д.¹⁾. Хотя относительный характеръ Ветхаго Заветъ давалъ Оригену полную возможность расширить границы типологiи, однако онъ проводитъ обыкновенно такой взглядъ, что все вообще домостроительство спасенiя на землѣ есть только отображенiе совершеннѣйшей жизни будущаго вѣка. Познанiе чисто духовнаго евангелiя образуетъ вѣнецъ нашего сверхъестественнаго предназначенiя. Въ этомъ заключается конечная цѣль всѣхъ избранныхъ. Такого познанiя намъ не могутъ предложить ни законъ, ни пророки, ни даже писанное евангелiе. Причина—въ томъ, что подъ покрываломъ чувственной рѣчи они изображаютъ высшiя духовныя идеи, только примѣнительно къ несовершенному состоянiю облеченной въ тѣло души человѣческой. Но Оригену, типы, т. е. изреченiя и мѣста св. книгъ, указывающiя на гайны будущаго вѣка, не ограничиваются Ветхимъ Заветомъ, но простираются и на Новый. Большая часть фактовъ, описанныхъ въ боговдохновенныхъ книгахъ Ветхаго Заветъ, конечно, предъказуютъ событiя новозавѣтныя. Но ограничиваться только этимъ значитъ останавливаться на полпути²⁾. Исполненiе ветхозавѣтныхъ прообразованiй въ Новомъ Заветѣ только открываетъ входъ для вступленiя въ царство чисто духовнаго знанiя, гдѣ человѣкъ освобождается отъ всякихъ покрывалъ. Здѣсь истинно-духовные поклонники Бога, какъ они изображаются въ евангелiи, стоятъ выше людей, приверженныхъ къ внѣшнимъ формамъ, и вполне могутъ осуществить свои возвышенныя задачи, потому что они восприняли въ себя всю полноту Духа. Такъ типическое значенiе iудейскаго праздника Пасхи не исчерпывается только евхаристической вечерей Христа, но указываетъ на третiй праздникъ Пасхи, въ общенiи съ сонмомъ ангеловъ, при блаженномъ исходѣ изъ сей жизни³⁾. Iудейскiй храмъ не только есть прообразъ тѣла Христа, но символическое значенiе его чрезъ этотъ новозавѣтнiй анти-типъ, идетъ далѣе къ духовному обществу вѣрующихъ⁴⁾. Чув-

1) De princ. IV, 8 (M. XI. 357).

2) Comment. in Ioh. X, 18 (XIV. 357).

3) Comment. in Ioh. X, 18 (XIV. 357).

4) Срал. ibidem VI, 33 (XIV. 289); in Numer. hom. V, 3 (XII. 602). Сужденiе Оригена о ветхозавѣтномъ священствѣ.

ство нѣкоторой нетвердости такого догматическаго основоположенія, съ одной стороны, и непосредственная практическая цѣль изслѣдованія св. книгъ, съ другой ¹⁾, препятствовали, однако, Оригену дѣлать широкое употребленіе изъ этого двойного типическаго смысла боговдохновенныхъ писаній. Между тѣмъ общеповенное типическое значеніе ветхозавѣтныхъ лицъ и событій по отношенію къ лицамъ и событіямъ Новаго Завета объясняется имъ весьма часто ²⁾.

Неоспоримо, что ветхозавѣтныя книги содержатъ въ себѣ много типовъ и прообразовъ Новаго Завета, такъ что въ болѣе или менѣе ясныхъ формахъ представляютъ намъ будущее царство Христа. Нельзя отрицать и того, что значеніе многихъ типовъ возвышается надъ Новымъ Заветомъ и простирается на жизнь будущаго вѣка. Однако, этотъ типическій характеръ нельзя простираť на всѣ подробности, на каждое мѣсто, на каждую форму, на каждое событіе. Невозможно даже въ малѣйшихъ, мелочныхъ сообщеніяхъ боговдохновенныхъ писателей видѣть образы будущихъ вещей и произвольно втискивать типическое значеніе даже тамъ, гдѣ оно не совсѣмъ ясно и очевидно. Такой экзегесисъ, необходимо, приводитъ къ крайностямъ. Именно такое разъединеніе частей св. Писанія, такое раздробленіе цѣлостнаго организма Библии, которое самъ же Оригенъ осуждалъ въ острыхъ выраженіяхъ ³⁾, непредвидѣнно сдѣлалось его же собственнымъ заблужденіемъ. Несомнѣнно, причиною этого послужило слишкомъ большое возвышеніе идеи боговдохновенности и Откровенія, по которой божественная рѣчь св. Писанія необходимо содержитъ въ себѣ глубочайшія тайны, и чѣмъ проще и понятнѣе, тѣмъ очевиднѣе предполагается наличность сокровенныхъ тайнъ.

Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ.)

¹⁾ Изъ такихъ экзегетическихъ трудовъ на ветхозавѣтныя книги сохранился собственно только гошпаллѣ.

²⁾ Изъ многихъ мѣстъ срав. In Gen. 3 и Sel in Numer. (XII. 14. и 576); Comm in Io. I, 28 (XIV. 64); in Luc. hom. 28 (XIII. 1873); in Numer hom. X (XI. 616) и др. Здѣсь Иисусъ Навинъ, Давидъ, Иосифъ изображаются, какъ прообразы Христа—Спасителя. Въ послѣднемъ мѣстѣ, т. е. въ книгѣ Чисель, устройство снѣговъ завета объясняется въ примѣненіи къ христіанской Церкви.

³⁾ Срав. Р. Д. Puet. Origeniana. Lib. II. q. 3. p. 23, 24. Comm. in Ioh. IX, 12 (XIV. 337).

ЗА ПРАВА ЖИЗНИ И ЛИЧНОСТИ *).

(Учение Фр. Ницше и моральная оцѣнка этого ученія.)

Въ бурную эпоху переживаемую нами и всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, эпоху коренныхъ измѣненій условій общественно-соціальной жизни, стихійной ломки старыхъ формъ жизни и пламенныхъ исканій новыхъ,—вопросъ о личности, ея цѣнности, и ея правахъ становится передовымъ, выставляется лозунгомъ науки и общественныхъ движеній и полагается въ основу намѣчаемыхъ общественно-государственныхъ реформъ. Гражданской свободы, свободы совѣсти, свободы слова, неприкосновенности личности,—всѣхъ этихъ благъ стремятся достигнуть во имя единой, высокой идеи человѣческой личности. Признаніе за нею безусловной цѣнности и признаніе святости и неприкосновенности правъ ея полагается въ основу общественно-соціального и государственнаго блага. Борьба и борьба пламенная за права личности—давняя въ исторіи человѣчества, или даже борьба исконная, ибо начало ея кроется въ прирожденномъ самосознаніи каждаго, въ глубинѣ своей духовной природы ощущающаго личное и самоцѣнное бытіе и стремящагося къ свободному и широкому раскрытію во внѣ своего внутренняго „я“. Но никогда эта борьба за права личности не обострялась такъ, какъ нынѣ. никогда въ защиту ея не поднимались такія широкія, грозныя и стихійныя движенія, какъ въ переживаемое нами время, особенно у насъ въ Россіи, а вмѣстѣ съ этимъ никогда такъ и не извращались, не преувеличивались понятія о ней и ея правахъ.

*) Произнесено какъ публичное чтеніе въ залѣ Думскихъ Засѣданій 11 февраля 1907 года.

какъ въ наши дни, и никогда не появлялось столько фантастическихъ до безумія пророковъ и поборниковъ необузданной и ничѣмъ не сдерживаемой свободы личности, какъ теперь на нашихъ глазахъ. Едва-ли было когда въ культурной исторіи человѣчества время, подобное нашему, когда рядомъ съ самою пламенною проповѣдію о высшихъ и священныхъ правахъ личности такъ опоплялась идея личности, такъ унижалась она и такъ топтались въ грязь ея элементарныя достоинства!..

Мы поэтому имѣемъ основанія въ живой дѣйствительности, въ явленіяхъ наглядныхъ, остановить свое вниманіе именно на этой идеѣ человѣческой личности, нынѣ столь пламенно защищаемой, но и столь ужасно попираемой и поругаемой. Для уясненія этого явленія—современной борьбы за права личности, необходимо оглянуться на недавнее прошлое: тамъ мы увидимъ ближайшіе причины столь бурнаго возбужденія за права личности, тамъ-же мы усмотримъ и тѣ главные ученія, изъ которыхъ сложилось распространившееся у насъ ницшеанское ученіе о личности.

Канувшій въ вѣчность XIX вѣкъ представляетъ поистинѣ удивительное и исключительное зрѣлище въ культурно-историческомъ отношеніи. Кажется, что небыло еще въ исторіи человѣчества столь блестящаго вѣка подвиговъ и изумительныхъ результатовъ человѣческаго генія,—генія ума, искусства, изобрѣтательности и прозорливости. Чудесныя открытія науки въ области природы, изумительныя изобрѣтенія техники и индустріи, исполинское развитіе добывающей и обрабатывающей промышленности, развитіе міровой торговли, грандіозное расширеніе путей сообщенія,—все это слагается въ картину кипучей, разнообразной, безконечно усложнившейся жизни блестящей, гордой, могучей и полной всѣхъ удобствъ и виѣшнихъ благъ. Казалось-бы, что немного уже недостаетъ для совершеннаго счастья людей... А между тѣмъ въ этой жизни европейскаго человѣчества таилась глубокій трагизмъ. Среди ошеломляющаго шума и ослѣпительнаго блеска этой жизни слышались звуки безысходной скорби и смертельной тоски; чувствовались во всей этой блестящей музыкѣ европейской жизни стоны мучающейся души, стоны, скорби о чемъ-то безвозвратно

потерянномъ, о чемъ-то безнадежномъ... Этотъ трагизмъ жизни заключался въ упадкѣ духовной жизни человѣчества, въ потерѣ людьми святыхъ идеаловъ души и въ безсиліи ихъ создать новыя, въ безсиліи возвратить себѣ духъ животворящій и обновить имъ свою человѣческую жизнь. XIX вѣкъ—это разцвѣтъ матеріальной культуры, расцвѣтъ матеріалистической и атеистической науки, углубившей человѣка въ нѣдра физической природы, но оторвавшей его отъ неба, заплотившей его неотразимыми кумирами земли, но разбившей въ немъ прежніе святые идеалы вѣры и загасившей въ немъ живую и свободную духовную жизнь. Европейская культура съ своимъ колоссальнымъ раздѣленіемъ труда низвела жизнь личности до нуля, до нуля понизила и пульсацію этой жизни. Личность и ея индивидуальная жизнь исчезли, сдѣлавшись микроскопической функціей чего то другого, въ огромномъ большинствѣ случаевъ чуждаго, извнѣ навязаннаго, не имѣющаго никакого отношенія къ ея собственному индивидуальному призванію. Но такъ какъ духовная личная жизнь неистребима въ человѣкѣ, такъ какъ она рвется при всякихъ условіяхъ къ своему проявленію, то отсюда живыя души людей среди такого захвата жизни мощною матеріальною культурою бились въ мучительной тоскѣ, какъ узники въ тѣсной тюрьмѣ, какъ слабыя птицы въ блестящихъ и нарядныхъ клѣткахъ. Скрытая тоска и глубокая ноющая скорбь налегала на души людей, они превращались въ автоматовъ жизни, и руки опускались у нихъ для творчества духовной жизни. Нагляднымъ и яркимъ отраженіемъ такого внутренняго настроенія европейца XIX вѣка служитъ философія Шопенгауэра (1788—1860), широко царившая надъ умами и настроеніемъ европейскаго общества въ теченіи всей первой половины этого вѣка. Глубокимъ и мертвящимъ пессимизмомъ вѣетъ отъ его философіи. Всякій добрый и жизнерадостный оптимизмъ онъ называетъ, „преступнымъ образомъ мысленій“. Міръ, по его мнѣнію, есть продуктъ слѣпой воли: онъ есть зло, недолжное; небытіе его предпочтательнѣе, чѣмъ бытіе. Міръ—худшій изъ всѣхъ возможныхъ; хуже онъ не можетъ быть, ибо если-бы онъ былъ еще немного хуже, то вовсе не могъ-бы существовать. Счастье есть нѣчто отрицательное—от-

существованіе страданій, въ то время, какъ несчастье есть нѣчто положительное; дѣятельность человѣка вытекаетъ изъ неудовлетвореннаго стремленія; всякое стремленіе возникаетъ изъ недостатка и неудовольствія; удовлетвореніе стремленія весьма кратковременно и представляетъ лишь точку отправления для новаго стремленія; посему стремленіе безконечно, а слѣдовательно нѣтъ конца и страданія. Вся жизнь человѣка есть или страданіе или скука. Спасеніе изъ такого положенія—познаніе единства всѣхъ существъ и отсюда отрицаніе личной своей воли: самоубійство не ведетъ къ цѣли, ибо уничтожаетъ лишь единичное проявленіе воли, но не всеобщую волю. Основою нравственности можетъ быть только жалость къ ближнему, который несчастливъ какъ и всѣ, и который есть проявленіе той-же безконечной воли. Но съ еще большей силой этотъ трагизмъ духовной жизни европейскаго общества XIX вѣка отпечатлѣнъ въ тогдашней художественной литературѣ, какъ это мастерски рисуетъ А. Гиляровъ въ соч. „Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи“¹⁾. По изображенію его, въ началѣ XIX вѣка царила горячая вѣра въ просвѣтительную силу разума и благородство человѣческаго духа, а между тѣмъ этотъ вѣкъ къ концу своему уже утратилъ всякую вѣру, жаждетъ ея, ищетъ и нигдѣ не находитъ. Это ясно и отчетливо звучитъ основной нотой въ произведеніяхъ наиболѣе популярныхъ европейскихъ писателей. Э. Золя, этотъ протоколистъ современной жизни, какъ онъ самъ себя величаетъ, отмѣчая новое общественное движеніе, заставляетъ своихъ героев искать смысла и значенія жизни въ мірѣ чувства, признаетъ общественное банкротство раціонализма, позитивизма и самой науки, подчеркиваетъ всеобщую утрату идеала („Лурдъ“ и „Римъ“). П. Бурже выводитъ печальные типы современныхъ молодыхъ людей: циничнаго, грубаго позитивиста въ 20 лѣтъ; утонченно—развратнаго эпикурейца мысли—„тонкаго нигилиста“ („Disciple“). А. Доде говоритъ устами одного изъ своихъ героев, что всѣ мы, люди послѣдняго чекана, поражены скукой и истощеніемъ, побѣждены, даже не успѣвъ сразиться. у всѣхъ насъ души анархистовъ, которымъ не хватаетъ храб-

¹⁾ „Вопросы философіи и психологіи“ 1897 г.

рости дѣйствоваль („Petite Paroisse“). Мопассанъ, Боделаръ, Лагоръ ярко рясують эту муку пресыщенія и скуки; одно средство нѣсколько умѣрить ея остроту—„любить и мечтать“. Но и мечты въ концѣ концовъ также надоѣдаютъ и пріѣдаются, какъ все остальное. Остается только умереть, „утолить навсегда жестокою скуку жизни“. А такой выводъ неминуемо приводитъ къ злѣйшему пессимизму. Однако-же изъ мрачнаго скептицизма и пессимизма французское сознание не видитъ выхода ни въ чемъ: ни въ чувствѣ, ни въ разумѣ, ни въ наукѣ, ни въ философіи, ни въ искусствѣ, ни въ политическихъ и социальныхъ идеалахъ, ни въ религіи. И упомянутый нами Гиляровъ широкимъ размахомъ рисуешь, переходя къ религіознымъ вопросамъ, полную картину духовнаго голода, жажды вѣры, исканія „утраченнаго Отца Небснаго“, обуявшихъ французское общество второй половины XIX вѣка. Французскій и нѣмецкій рационализмъ въ лицѣ Ренана, Леконта де-Лиля и цѣлая Ново-Тюбингенская школа ученаго атеизма подорвали религіозное чувство. Но оно возстало съ новой силой, кидаясь отъ обновленнаго католичества къ брамаизму и буддизму, создавая въ центрѣ культуры, въ Парижѣ, десятки странныхъ и дикихъ культовъ, въ родѣ „сатанинскаго“. Подобный духовный кризисъ не есть только явленіе французской жизни, но онъ представляетъ собою явленіе общеевропейское. Упадокъ духа, духовная немочь, моральное измельчаніе, безличіе, безволіе, моральное вырожденіе—все это признаки одного и того же кризиса въ общеевропейской жизни. Въ произведеніяхъ великаго нѣмецкаго драматурга Гауптмана художественно воспроизводится все та же жизнь духовнаго упадка, въ нихъ выведена цѣлая галлерей типовъ слабыхъ, безхарактерныхъ, пассивныхъ людей: здѣсь передъ нами, точно рой тоскующихъ тѣней Дантова ада, проносятся грустныя, безотрадныя мысли, звучать унылыя пѣсни, слышатся тяжелыя стоны...

Общій тонъ европейской жизни, очерченный нами, отразился не менѣе глубоко, а пожалуй еще даже мучительнѣе, и на нашей русской жизни во второй половинѣ XIX вѣка. Уже въ великихъ произведеніяхъ Гоголя, Гончарова и Некрасова зву-

читать глубокая скорбь о нашемъ духовномъ и моральномъ обнищаніи. Но съ особенною силою въ нашей позднѣйшей художественной литературѣ сказалось та полоса мрачнаго отчаянія и безнадежной тоски, которая съ 80 годовъ охватила наиболѣе чуткіе элементы русскаго общества. Это время характеризуется сознаниемъ русской интеллигенціи, что она совершенно безсильна побороть косность окружающей среды, что безмѣрно разстояніе между ея идеалами, переросшими даже высшій расцвѣтъ европейской цивилизаціи, и мрачно-сѣрымъ, безпросвѣтнымъ фономъ живой русской дѣйствительности. Отсюда нарожденіе цѣлаго поколѣнія, часть котораго утратила самое стремленіе къ идеалу и слилась съ окружающею пошлостію, а часть дала рядъ невротениковъ, „нытиковъ“, безвольныхъ, безцвѣтныхъ, проникнутыхъ сознаниемъ, что плетью обоха не перешибешь, силу косности не сломишь и способныхъ только всѣмъ падождать жалобами на свою безпомощность и нецужность. Этотъ періодъ невротенической ослабленности русскаго общества нашелъ своего художественнаго историка въ лицѣ А. П. Чехова. Художественный анализъ Чехова какъ-то весь сосредоточился на изображеніи бездарности и пошлости человѣка и безпросвѣтнаго погрязанія его въ тинѣ ежедневной жизни. Чехову ничего не стоитъ увѣрять насъ въ „Трехъ сестрахъ“, что въ стотысячномъ городѣ не съ кѣмъ сказать человѣческаго слова, и что даже уходъ изъ него офицеровъ кавалерійскаго полка оставляетъ какую-то зіяющую пустоту. Безтрепетно заявляетъ Чеховъ въ „Моей жизни“ устами своего героя: „во всемъ городѣ я не зналъ честнаго человѣка“. Двойной ужасъ испытываешь при чтеніи психологически-психіатрическаго откуда „Палата № 6-й“:—сначала при видѣ тѣхъ чудовищныхъ безпорядковъ, которые въ земской больницѣ допускаетъ герой разсказа, безспорно лучшій человѣкъ во всемъ городѣ, весь погруженный въ чтеніе, докторъ Андрей Ефимовичъ, а затѣмъ когда оказывается, что единственный человѣкъ съ ясно сознанными общественными идеалами это содержащійся въ палатѣ № 6-й сумасшедшій Иванъ Дмитріевичъ. А какое чувство безпросвѣтной тоски должно насъ охватить, когда мы знакомимся съ интимною жизнію знаменитаго про-

фессора, составляющей содержание „Скучной исторіи“! Какъ заманчива эта жизнь снаружи! Знаменитый медикъ съ европейскимъ именемъ, прекрасный профессоръ, не только сообщающій своимъ слушателямъ спеціальныя свѣдѣнія, но и расширяющій ихъ умственный горизонтъ широкими философскими обобщеніями; человѣкъ чутко относящійся къ задачамъ общественно-политической жизни, другъ Кавелина и Некрасова, наконецъ, человѣкъ идеально безкорыстный и самоотверженный въ сношеніяхъ со всѣми, кому приходится имѣть съ нимъ дѣло. Но за внѣшнею заманчивостью кроется страшная внутренняя драма.—„Скучная исторія“,—въ томъ, что знаменитый профессоръ пришелъ къ сознанію, что жизнь его дала въ результатѣ нуль. Въ семейной жизни его заѣла пошлость и мѣщанство жены и дочери, а въ своей духовной жизни онъ съ ужасомъ открываетъ полное отсутствіе „общей идеи“. И выходитъ, такимъ образомъ, что если вполнѣ порядочный человѣкъ, то либо сумасшедшій, либо сознающій безцѣльность своей жизни. А рядомъ торжествуютъ хищники и себялюбцы, какая нибудь мѣщанка въ „Трехъ сестрахъ“, жена, дочь и зять профессора въ „Скучной исторіи“, злая Аксинья въ „Врагѣ“, профессорская чета въ „Дядѣ Ванѣ“, Треплевъ и его возлюбленная въ „Чайкѣ“ и множество другихъ имъ подобныхъ. И даже не однѣ хищники и себялюбцы, а просто люди со сколько нибудь опредѣленными стремленіями, какъ на примѣръ: превосходнѣйшій типъ „Человѣка въ футлярѣ“, учитель гимназіи. Бѣликовъ, который весь городъ заставлялъ дѣлать разныя общественныя мерзости только потому, что опредѣленно ставилъ свои требованія. А брезгливые „порядочные“ люди подчинялись, потому что не хватало силъ характера сопротивляться. Такимъ образомъ, Чеховъ, проходя мимо сѣрыхъ людей съ придушеною мыслию и памятою жизнью, заглядывая въ сѣрые дома, наполненные монотоннымъ гуломъ скучныхъ повтореній однихъ однихъ и тѣмъ-же повседневныхъ движеній и дѣлъ, Чеховъ говорилъ въ своихъ произведеніяхъ: „Стыдно такъ жить“, и тихая печаль сквозила въ его словахъ,—тихая скорбь отзывчиваго и чуткаго сердца. Это были слова—стоны, которыми плакала сама жизнь. Это были слова—стоны упав-

шихъ духомъ людей, слова—стоны, сопровождаемыя скучнымъ аккомпаниментомъ сторожевыхъ трещетокъ, осипшаго лая захолустныхъ собакъ, картъ, водки, женщинъ, грязныхъ дѣлишекъ и самодурства, не сознающихъ сами себя... Грустный тонъ такой жизни мощно звучитъ и въ нашей изящной поэзіи.

Съ болью сердца Надсонъ говоритъ;

„Наше поколѣнье юности не знаетъ,
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ;
Рано въ наши годы думы отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ расцвѣтъ.
Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая?
Кто не отрекался отъ своихъ боговъ?
Кто не падалъ духомъ, рабски унывая?
Не бросалъ щита передъ лицомъ враговъ?
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ,
Насъ томить безвѣрье, насъ грызетъ тоска,
Даже пожеласть мы страсто не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы исподтишка!...
О, проклятье сну, убившему въ насъ силы!...

Такимъ образомъ, въ творествѣ лучшихъ писателей звучитъ непрестанно все та же тоска по идеалу, тоска предъ унылою и безличною дѣйствительностью, которую мы слышимъ и въ художественномъ творествѣ европейскихъ писателей.

Упадокъ жизни, банкротство духа, ослабленіе жизненной силы, крайняя усталость, нравственное вырожденіе, безличіе и безволіе, измельчаніе и опошленіе личности человѣческой,— вотъ что скрывалось и мучительно ощущалось за блестящею и селѣпительною внѣшностію жизни европейскаго общества XIX вѣка, вотъ о чемъ тоскуютъ и плачутъ лучшіе европейскіе люди искусства и художественнаго творчества!

Уже въ самой тоскѣ о такомъ упадкѣ духа жизни таился огонь протеста и порывъ на борьбу за права личной духовной жизни. Достаточно было громче обшкповеннаго зазвучать голосу негодованія, ужаса и протеста противъ жизненнаго малодушія, достаточно было раздаться призыву къ отстаиванію правъ жизни, чтобы и протестъ и призывъ нашли самый горячій и глубокій откликъ въ душахъ милліоновъ людей, рву-

щихся къ оживленію и поднятію жизни. Почва для этого была такъ подготовлена, упадокъ жизни былъ уже такъ выстраданъ и жажда идеала такъ горѣла въ сердцахъ...

Среди такихъ-то условій выступаетъ обличителемъ упадка жизни и всеобщаго унынія и борцомъ за права жизни и индивидуальной личности—мыслитель необычайный, въ высшей степени своеобразный, ошеломившій Европейскій мыслящій міръ силою своего таланта и взявшій на себя миссію открыть человечеству новыя пути и горизонты жизни,—нѣмецкій философъ Фридрихъ Ницше (1844—1900). Онъ выступилъ глашатаемъ правъ жизни со всею безграничною любовью къ ней и со всѣмъ пыломъ негодованія и презрѣнія къ жизни слабой, пощдой и безвольной. Фанатикъ своихъ идей, онъ не зналъ середины и мѣры ни въ своей любви, ни въ ненависти. Но вмѣстѣ съ этимъ Ницше, на развалинахъ прежнихъ идеаловъ, „проклявшій вѣру въ Бога“, и по его словамъ „раздавившій совѣсть людей съ ея моралью“,—даетъ попытку героическую, и въ то же время глубоко трагическую, создать самобытно „изъ дукъ своего сердца“ новый идеаль жизни, новый типъ человѣка. Весь продуктъ европейскаго матеріализма и невѣрія, врагъ и ненавистникъ христіанства, онъ сочеталъ въ себѣ самомъ и въ своемъ ученіи черты самыхъ поразительныхъ противорѣчій. Философъ и поэтъ, гений и въ то же время всегда близкій къ безумію и умершій въ безуміи, горѣвшій любовью и самою злою ненавистью, призывавшій къ идеаламъ жизни и въ то же время разбивавшій ихъ, Ницше является мыслителемъ и притягательнымъ и отталкивающимъ, великимъ и жалкимъ, достойнымъ удивленія и глубокой жалости. Горѣвшій огнемъ титанической силы, Ницше выковывалъ идеаль новой жизни и новаго человѣка не цѣпью логическихъ обсужденій, не кропотливымъ и тщательнымъ анализомъ, не стройной системой, а категорическими императивами, пророческими откровеніями, муками собственнаго сердца и внезапными вдохновеніями своего творческаго духа. Его литературныя произведенія принимали образъ блестящихъ афоризмовъ, вспыхивающихъ и потухающихъ огоньковъ, быстро и рѣзко очерченныхъ выразительныхъ изреченій и картинъ. Понятно, что уче-

ніе этого мыслителя, органически связанное съ характеромъ общеевропейской жизни, и своеобразныя свойства его творчества произвели на весь мыслящій европейскій міръ глубокое впечатлѣніе, создали ему необычайную живучую популярность, цѣлую школу его страстныхъ послѣдователей, даже въ отдаленной Японіи, и оказали значительное вліяніе на характеръ и направленіе современной жизни...

Философія Фр. Ницше представляетъ изъ себя прежде всего повѣсть о собственномъ пережитомъ, отзвуки его собственныхъ внутреннихъ бореній, душевной драмы и трагедіи. Правда, его мысли и чувства проходятъ въ его сочиненіяхъ подъ маской, наряженныя въ символы и образы. Но изъ подъ этой маски смотрятъ живые страстные, безумные глаза жизни, полныя отчаянія и отваги, мрака и блеска. Его философія складывалась подъ грозными ударами его собственной несчастной судьбы—периодическаго душевнаго заболѣванія, въ ней слышатся то вопли тоски, то крики злобной радости, то нѣжные звуки свирѣли, которые не въ силахъ заглушить общаго трагическаго тона его субъективной жизни. вмѣстѣ съ этимъ его ученіе есть продуктъ страстной борьбы съ господствовавшими вокругъ него въ обществѣ пошлыми взглядами и тенденціями и раскрылось это ученіе всецѣло подъ вліяніемъ безграничнаго антагонизма къ окружающей средѣ. Вокругъ себя Ницше видѣлъ рутину, пошлость, видѣлъ людей слабыхъ, безвольныхъ, сердца которыхъ стужились отъ пошлой ограниченности, отъ погруженія въ мелкіе житейскіе интересы. Въ такой средѣ всѣ высокія идеи вырождаются въ низменныя стремленія, благородныя движенія души размѣниваются на мелкія чувства; по его словамъ, „здѣсь великія мысли заживо варятся до того, что стаиваются мелкими. Здѣсь истлѣваютъ всѣ великія чувства: здѣсь могутъ трещать лишь сухія чувствованія!.. Здѣсь вся кровь течетъ по жиламъ лѣнливо, равнодушно“. Самая наука здѣсь опошляется. Современные мудрецы подслуживаются толпѣ. „Ихъ мудрости присущъ запахъ, какъ-будто она вышла изъ болота“. Здѣсь нравственность низводится на степень чисто виѣшняго механическаго дѣланія, вырождается въ лицемеріе и ханжество. „Существуютъ такіе, добродѣтель которыхъ

называется корчей подъ кнутомъ. Есть и другіе, которые называютъ добродѣтелью лѣнивое состояніе ихъ порока. Существуютъ и другіе, которые давно уподобляются обыкновеннымъ часамъ.... а иные тѣ, которые сидятъ въ своемъ болотѣ и говорятъ: добродѣтель значитъ тихо сидѣть въ болотѣ. И существуютъ такіе, которые любятъ тѣлодвиженія и думаютъ: добродѣтель есть родъ тѣлодвиженія, а иные считаютъ добродѣтелью только говорить, что добродѣтель необходима, но въ сущности они вѣрятъ, лишь въ то, что необходима полиція“¹⁾. Для такихъ добродѣтельныхъ не существуетъ, ни сильныхъ чувствъ ни рѣшительныхъ стремленій. Они даже боятся подумать о какомъ нибудь поступкѣ, выходящемъ изъ рамокъ ихъ житейской морали и въ самой нравственности ищутъ для себя только „хорошаго сна и покоя“²⁾. Его гордо самостоятельному духу были противны оппортунизмъ и стадность общества, слѣдовавшаго по избитымъ тропинкамъ мысли и жизни. Ставши бурнымъ протестантомъ окружающей его жизни, Ницше со всею энергіею своего пламеннаго негодованія обрушился на современныхъ культурныхъ людей. „При помощи грома и небеснаго огня нужно говорить съ дряблымъ, спящимъ чувствомъ“. „Вы всё мельчаете, вы, маленькіе люди! Вы, пигмеи!“ „Развѣ ваша душа не есть нищета и грязь?“ Возглашая горе большому городу, гдѣ люди растериваютъ душу, гдѣ царствуетъ худосочное прозябаніе, онъ совѣтуетъ бѣжать оттуда въ уединеніе, которое освѣжаетъ и собираетъ душу, освобождаетъ ее отъ грязной паутины пошлости... „Чужды и презрѣнны мнѣ люди настоящаго, къ которымъ еще такъ недавно влекло меня мое сердце: изгнанъ я изъ страны отцовъ и матерей моихъ. Такъ остался мнѣ любить лишь страну дѣтей моихъ, неоткрытую въ дальнемъ морѣ; къ ней направляются мои паруса, ее ищу и ищу безъ конца“³⁾.

Священникъ П. Томинъ.

(Продолженіе будетъ)

¹⁾ Фр Ницше. Такъ говорилъ Заратустра. Москва пер. подъ ред. Введенскаго 97—98.

²⁾ Ibid. 24, 25.

³⁾ Ibid. 193.

Нравственныя начала (принципы) новѣйшей русской художественной литературы.

(Продолженіе *).

Самый первый по времени и наименѣе совершенный, хотя, кажется, очень симпатичный Горькому идеаль жизни, это — бродяжничество. Оно представляет, повидимому, неизбежный выходъ для Горьковскаго сильнаго челоуѣка. Если общество не вмѣщаетъ его, если онъ выше и шире его, если оно только тормозитъ развитіе и проявленіе его необыкновенной природы, если считаться съ условіями его жизни онъ не можетъ и не желаетъ, то ему остается одно изъ двухъ: или прекратить свое существованіе, или выйти изъ него (общ.); герои Горькаго (первой половины литературной дѣятельности: Коваловъ, Промтовъ и др.) предпочитаютъ второе — бросаютъ города, работу, идутъ на просторъ полей, лѣсовъ и луговъ, странствуютъ изъ одного мѣста въ другое, нигдѣ не останавливаясь, ни къ чему не привязываясь. Такая жизнь, какъ нельзя болѣе по ихъ свободолюбивой душѣ: „здѣсь нѣтъ обязанностей, нѣтъ законовъ, кромѣ законовъ природы“, а этого только прежде всего имъ и нужно.

Но остановиться на ней, рекомендовать ее, какъ нормальную, для того идеальнаго общества, которое составляютъ сильные люди, не могъ не только Горькій, который при всѣхъ нападкахъ на культуру, врядъ ли согласится, конечно, на ея совершенное уничтоженіе и возвращеніе челоуѣка въ первобытное состояніе эпохи золотого вѣка, но даже его герои, такъ какъ они достаточно умны для того, чтобы видѣть фактическую ея

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 5 за 1907 г.

невозможность. Бродяжничество может процветать при непре-
мѣнномъ условіи существованія „питательнаго матеріала“,
разнаго рода „свѣдобрныхъ животныхъ“ въ родѣ напри-
мѣръ „мужика“ (герой разск. „Проходимецъ“). Ну, а если и мужики
почувствуютъ вдругъ въ себѣ силу, сознаютъ, что будничная
работа имъ тоже не по плечу, пожелаютъ испытать прелести
свободной жизни и тоже пойдутъ въ бродяги?

Кто въ такомъ случаѣ будетъ питать эту армию праздныхъ
людей?—значить эта форма жизни не годится, значить бродяги
не имѣютъ права существовать. Это понимаютъ и сами герои
Горькаго. Коповаловъ, напри-
мѣръ, сознавая, что такіе люди,
какъ онъ—люди осббѣнные, не вмѣщающіеся ни въ какой
порядокъ жизни, требуетъ для нихъ „особыхъ, очень строгихъ
законовъ, чтобы искоренять ихъ изъ жизни. Потому пользы
отъ насъ нѣтъ, а мѣсто мы въ ней занимаемъ и у другихъ на
тропѣ стоимъ“. Такимъ образомъ бродяжничество, какъ оно
ни пріятно и какъ ни необходимо логически для свободолюбивыхъ
и сильныхъ людей, можетъ фактически существовать только,
какъ временная форма жизни, или если и постоянная, то лишь
для избранныхъ изъ самихъ избранныхъ.

Нельзя ли найти такую, которая была бы болѣе достижимою,
болѣе практической пригодною, для осуществленія которой не
нужно было бы уходить изъ общества, отказываться отъ куль-
туры и условій культурной жизни, а можно бы, напротивъ,
использовать и первое и вторую въ ея интересахъ?—Горькій
пробуетъ указать такую форму жизни. Проповѣдниками ея
являются герои послѣднихъ его произведеній (каковы „Мѣщане“,
„На днѣ“, „Дачники“, „Варвары“, „Враги“ и др.)—Первый по
времени, между ними Нилъ изъ „Мѣщанъ“ (и близкіе ему по духу:
Шишкинъ, Цвѣтаевъ, Поля, Елена Кравцова). Нилъ уже
перешелъ отъ отрицанія къ созиданію. Онъ знаетъ, что ему
нужно дѣлать, онъ нашелъ свое мѣсто въ жизни и желаетъ
во чтобы то ни стало занять его. Ему чужды сомнѣнія, онъ
не знаетъ колебаній, прямо, настойчиво и упорно идетъ къ
своей цѣли, всегда доволенъ, всегда веселъ, трудъ самый тя-
желый, доставляетъ ему одно наслажденіе („кто работаетъ,
тотъ не скучаетъ“ с. 42).

Онъ увѣренъ въ томъ, что своего добьется, дѣйствуетъ энергично, смѣло, беретъ жизнь силою „за горло“, не ждетъ, чтобы ему дали права, а старается самъ ихъ взять (с. 140). Онъ самонадѣянъ и гордъ („я все не дурно дѣлаю“); къ тѣмъ, которые ему мѣшаютъ жить по своему, которые даже, только расходятся съ нимъ въ пониманіи жизни, онъ рѣзокъ, грубъ и жестокъ, для нихъ у него нѣтъ ни жалости, ни состраданія, ни даже умѣнья и желанія понимать ихъ. Что же онъ дѣлаетъ? Къ чему стремится? Въ чемъ видитъ цѣль жизни? Судя по той увѣренности съ какой онъ дѣйствуетъ, по тому презрѣнію, съ какимъ онъ ко всѣмъ иначе мыслящимъ и живущимъ относится, можно бы предположить, что онъ дастъ совершенно ясные отвѣты на эти вопросы.—Ничуть не бывало. Даже Поля, самое близкое ему существо, лучше всѣхъ его понимающее, утверждая въ одномъ мѣстѣ, что онъ (Ниль), „знаетъ, что ему нужно дѣлать въ жизни“, никакъ объяснить не можетъ, что именно онъ знаетъ о жизни! Еще труднѣе сдѣлать это намъ. Но попробуемъ.—Во всѣхъ рѣчахъ и поступкахъ Нила сквозитъ желаніе, прежде всего, самому добиться хорошаго положенія въ жизни, добиться вполне честнымъ путемъ: неослабнымъ трудомъ; не прочь онъ иногда помочь и меньшей братіи-рабочимъ (принимаетъ участіе въ спектакляхъ и чтеніяхъ для рабочихъ), но это между прочимъ, а главное—собственное благополучіе, личная жизнь, личное счастье. Въ чемъ же оно?—Въ плодотворномъ трудѣ; можетъ отвѣтить намъ Ниль. Но такой отвѣтъ слишкомъ общій и неопредѣленный, мы вправѣ желать болѣе конкретнаго. Онъ есть въ пьесѣ. Ниль желаетъ имѣть мѣсто въ желѣзнодорожномъ депо, т. е. желаетъ труда не какъ содержанія и цѣли своей жизни, труда не на пользу общую, а труда, какъ средства для собственнаго матеріальнаго благополучія. Больше намъ ничего не скажутъ ни Ниль, ни его единомышленники, къ иному пониманію жизни они не расположены; другихъ стремленій болѣе высокаго порядка они не понимаютъ; къ чистому и высокому идеализму, тѣмъ болѣе, подвижничеству на пользу жизни и людей, они не способны. Ихъ жизненный идеалъ, слѣдовательно, мы можемъ формулировать, какъ стремленіе къ труду (главнымъ образомъ физи-

ческому) для достиженія собственнаго матеріальнаго благополучія, признающее интересы другихъ постольку, поскольку они не расходятся съ ихъ собственными, стремленіе, въ концѣ концовъ не очень рѣзко отличающееся отъ того „мѣщанскаго“, „безсѣменовскаго“, которое такъ немилосердно и съ такимъ высокомеріемъ бичуетъ Нилъ. Способы тамъ и здѣсь разные (скопидомство, надувательство—съ одной стороны, честный трудъ—съ другой), нѣсколько различны формы искомаго благополучія, но основной характеръ одинаковъ, одинъ и конечный результатъ: сытость, довольство и благополучіе матеріальное для себя прежде всего. Подъ другими именами и въ нѣсколько иномъ видѣ выступаетъ Нилъ и въ послѣдующихъ произведеніяхъ Горькаго. Не трудно угадать его въ инженерахъ изъ „Варваровъ“, особенно въ Черкунѣ. Этотъ, какъ и Нилъ, повидимому, ясно смотритъ въ будущее, безостановочно идетъ къ намѣченной цѣли, любитъ жизнь и трудъ, презираетъ неспособныхъ къ жизненной борьбѣ, не умѣетъ жалѣть и любить слабыхъ и беспомощныхъ, крѣпко надѣется на себя, вѣритъ въ матеріальную культуру („надо строить повья дороги. Желѣзо-сила, которая разрушитъ эту глущую деревянную жизнь“), преклоняется только предъ знаніемъ („знаніе цѣнише нравственности“). Однако Горькій, кажется самъ, усумнился въ томъ, чтобы будущее принадлежало такимъ черствымъ эгсистамъ, какъ Нилъ, Черкунъ и т. п.

Если еще можно допустить, что онъ возлагалъ на нихъ надежды въ ту пору, когда писалъ „Мѣщанъ“ (тамъ Нилъ покидаетъ сцену съ гордымъ видомъ будущаго побѣдителя и оставляетъ въ зрителѣ такое впечатлѣніе, что авторъ ему больше всѣхъ симпатизируетъ и отъ него больше всѣхъ ждетъ), то послѣ онъ, повидимому, совсѣмъ не расположенъ ввѣрять имъ судьбу человѣчества: Черкунъ уходитъ (со сцены) развѣнчаннымъ, приниженнымъ, съ поникшей головой, не оправдавшимъ надеждъ, которыя возлагались на него, какъ на человека сильнаго, способнаго дѣлать жизнь и вести за собой другихъ, „человѣка героя, человѣка жреца, для котораго жизнь была бы великой творческой работой“..., „стойкаго, твердаго, котораго можно бы уважать“. Когда ему пришлось на дѣлѣ

(а не на словахъ) показать себя, онъ оказался такимъ же жалкимъ, слабымъ, малодушнымъ, какъ и всѣ прочіе.

Горькій рисуеъ образы и другого характера, строителей жизни—альтруистовъ, у которыхъ личная жизнь отступаетъ на задній планъ, которые отдають себя исключительно на служеніе обществу. Это: Марья Львовна, Соня, Студентъ, Власъ изъ „Дачниковъ“. Марья Львовна (самый здоровый типъ въ пьесѣ) не считаетъ для себя возможнымъ жить личною жизнью, ей удастся убѣдить миллионера Двоеточіе употребить свои капиталы на дѣла общественныя, подвинуть къ общественной дѣятельности Власа, она желаетъ „расширить, перестроить, освѣтить жизнь“ простого народа и т. д. Но удастся ли ей и воодушевленнымъ ею лицамъ, сдѣлать что нибудь въ этомъ направленіи, или имъ „суждены лишь благіе порывы“—это совершенно неизвѣстно. Мы знаемъ только, что Двоеточіе рѣшаетъ открыть двѣ гимназіи въ своемъ городкѣ. Есть одна черточка, общая у этихъ героевъ со всѣми горьковскими. дающая основаніе предполагать, что облагодѣтельствовать человечество и имъ, какъ и прочимъ, рассмотрѣннымъ нами не удастся: они не способны любить и жалѣть людей,—умѣютъ только осуждать ихъ, бичевать, презирать и ненавидѣть, а съ такимъ настроеніемъ трудно созидать.

Больше, повидимому, надеждъ возбуждаетъ въ этомъ отношеніи, очень любопытный и при первомъ знакомствѣ нѣсколько загадочный типъ Луки въ „На днѣ“ и его предтеча Еремѣй въ рассказѣ „Трое“. Лука замѣтно отличается отъ другихъ типовъ Горькаго. Во многомъ онъ напоминаетъ героевъ первой половины литературной дѣятельности. Какъ и тѣ онъ человѣкъ сильный духомъ, какъ и тѣ—бродяга, исколесившій всю Россію, побывавшій и въ Сибири,—безпокойная, ищущая душа, но—совершенно особаго характера. Отъ всего его образа вѣетъ какой то кротостью и примиреніемъ съ жизнью человѣка, познавшаго жизнь и опредѣлившаго свое мѣсто въ ней. Къ сожалѣнію онъ не раскрываетъ намъ съ достаточной ясностью своего идеала жизни. Онъ говоритъ, что всѣ люди равны, что всѣ они добрые и хорошіе, что ихъ нужно любить, уважать и жалѣть; онъ вѣритъ, что человѣкъ, если захочетъ все можетъ

сдѣлать, въ немъ полагаетъ центръ всей жизни („Все въ человѣкѣ, все для человѣка. Существуетъ только человѣкъ... Человѣкъ! Это звучитъ гордо“—резюмируетъ мысль Луки Сатинъ); вѣрить, что „люди живутъ для лучшаго“ и что къ достиженію этого „лучшаго“ все идетъ; совѣтуетъ почаще напоминать человѣку обо всемъ этомъ, пробуждать въ немъ сознаніе своего достоинства и стремленіе къ „лучшему“. Но въ чемъ же состоитъ, это „лучшее“? „Лучшій человѣкъ“ въ устахъ Луки довольно понятенъ: это—тотъ же сильный человѣкъ, только его сила нѣсколько иная—болѣе одухотворенная, нравственная, а не физическая, матеріальная; но „лучшая жизнь“, „лучшее будущее“ совершенно неясны и, кажется, не только для читателя, а и для самаго Луки. Можно, даже, усумниться—вѣрить ли онъ самъ въ осуществимость этого туманнаго „лучшаго“ будущаго. Онъ жалѣетъ и любитъ людей и изъ жалости къ нимъ тѣшитъ ихъ сладкой мечтой—вотъ что можно сказать съ несомнѣнностью. Такъ понялъ его и одинъ изъ самыхъ умныхъ обитателей дна—Сатинъ, который прямо заявляетъ, что Лука „вралъ“ „изъ жалости къ вамъ (обитателямъ дна). Есть не мало людей,—говоритъ онъ,—которые лгутъ изъ жалости... Есть ложь утѣшительная, примиряющая“ и т. д. И дѣйствительность, какъ нельзя болѣе подтвердила, что Лука „вралъ“, что его „лучшій человѣкъ“ и „лучшее будущее“—иллюзія, греза, красивый вымыселъ, необходимый для поддержанія слабаго человѣка въ борьбѣ съ жизнью, пріятный, „насъ возвышающій“, но все таки—„обманъ“. Имѣемъ въ виду окончаніе пьесы. Къ чему привели всѣ сладкія рѣчи Луки? Обитатели „дна“ на время просвѣтлѣли, почувствовали облегченіе, подъемъ жизненной энергіи, приливъ силъ; но тѣмъ горше было ихъ возвращеніе въ первобытное состояніе. Лука ушелъ тѣшить иллюзіями другихъ, такихъ же, какъ они, разбитыхъ жизнью, отщепенцевъ человѣческаго общества, а на днѣ все осталось по старому и скорбная пѣсня, звучавшая въ началѣ пьесы, такъ же уныло, съ еще болѣею безнадежностью и грустью звучитъ въ концѣ ея. Какъ было въ „тюрьмѣ темно“, такъ и осталось, какъ рвалось сердце на волю, такъ и не вырвалось, а у нѣкоторыхъ не выдержало и перестало совсѣмъ биться (актеръ повѣсился). Появились на днѣ новыя

жертвы, новые отбросы жизни, а старые еще глубже ушли на дно (Клещъ, вѣрившій въ работу и гордившійся тѣмъ, что онъ работаетъ, потерялъ ее). Всколыхнулось болото и снова заснуло... Иллюзія не помогла. Прекрасно дополняетъ пьесу „На двѣ“ рассказъ „О чижѣ, который лгалъ и о дятлѣ—любителѣ истины“. Чижъ, не менѣе красиво и увлекательно, чѣмъ Лука, описываетъ своимъ слушателямъ хорошую жизнь, къ которой они должны стремиться, но ясности и опредѣленности въ его описаніи такъ же мало, какъ и у Луки и слушатели его должны были составить о ней весьма смутное понятіе. И результаты его рѣчей тѣ-же, что и рѣчей Луки: слушатели воспрянули было духомъ, въ нихъ проснулось сознаніе своихъ силъ, чувство гордости и желаніе лучшей жизни, но... явился дятель и съ фактами въ рукахъ разбилъ иллюзіи чижа. Слушатели бросили его, чтобы жить по прежнему, а онъ, оставшись наединѣ, сознается, что дѣйствительно лгалъ съ начала и до конца,—что онъ слишкомъ мало знаетъ, не знаетъ, даже, „что тамъ за рощей“; хотя лгалъ изъ добрыхъ побужденій: потому, что „вѣрить и надѣяться такъ хорошо“, а правда такъ тяжела,—правда, понижающая, подрѣзывающая крылья, не позволяющая высоко взлетать къ небесамъ. Если бы мы могли увидѣть Луку послѣ того, какъ онъ ушелъ со сцены, мы, навѣрное, нашли бы его въ положеніи чижа, избличеннаго дятломъ.

Такимъ образомъ попытки Горькаго дать идеалъ лучшей жизни, лучшихъ людей оказались пока неудачными. Горькій остался до сихъ поръ безпокойнымъ искателемъ правды жизни — „внутренняго пути“ по выраженію его героевъ.

Въ настоящее время Горькій, кажется, всѣ свои упованія возложилъ на выдвинутый послѣдними событіями освободительной эпохи, классъ рабочихъ, отъ нихъ ждетъ обновленія жизни и водворенія на землѣ всеобщаго счастья. Объ этомъ свидѣтельствуетъ послѣдняя его пьеса „Враги“ (соціалисты: Овцовъ, Лѣвшинъ, Грековъ и др.). Мы считаемъ, однако, сужденіе объ этомъ идеалѣ нашего писателя преждевременнымъ, такъ какъ означенная пьеса даетъ очень мало нужнаго матеріала. Къ тому же мы думаемъ, что и здѣсь Горькій врядъ ли на-

всегда остановится: и какъ художникъ, и какъ человекъ онъ не можетъ этого сдѣлать. Художникъ, пока онъ останется художникомъ и видитъ только то, что даетъ ему его художественный геній никогда не можетъ, не смотря на свое превосходство предъ другими людьми, найти абсолютный идеалъ: это выше человѣческихъ, хотя-бы и исключительныхъ, силъ. Удѣлъ художника, какъ и всякаго смертнаго—стремиться и только болѣе или менѣе приближаться къ идеальнымъ нормамъ, отражая ихъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. Онъ достоинъ памяти и благодарности человѣчества, если хоть немного *приближается* самъ и другихъ *приближаетъ* къ абсолютному идеалу; напротивъ, и современники, и потомство вправѣ осудить его, если онъ и самъ отдаляется, и другихъ отдаляетъ отъ этого идеала. Немалую заслугу составляетъ для него самый фактъ исканія, постепеннаго перехода отъ одного къ другому, онъ говоритъ о томъ, что внутренней огонь въ душѣ писателя не угасаетъ. Самъ Горькій, какъ будто, склоненъ къ такому пониманію задачъ своего художественнаго творчества. Онъ говоритъ, что своими картинами новыхъ людей и новой жизни онъ хочетъ только „вызвать въ человекѣ метильный стыдъ и жгучее желаніе создать иныя формы бытія“, —помочь человекѣ „подняться надъ землей и снова высмотрѣть на ней свое мѣсто, потерянное имъ“, —возбудить въ немъ любовь и жажду къ жизни (см. рассказъ „Читатель“).

Если мы прислушаемся къ настроенію, представленной нами части художественной литературы, если всмотримся въ физиономіи литературныхъ героевъ нашего времени, то увидимъ, что при всемъ равнообразіи художественныхъ образовъ, при всемъ ихъ различіи, при всей ихъ, даже, скажемъ, противоположности,—они имѣютъ между собою нѣчто родственное; это—ихъ, въ общемъ, страдальческій обликъ. И чеховскіе—поющіе, неспособные къ жизненной борьбѣ, покорные рабы судьбы—скучные люди; и андреевскіе—отчаявшіеся, извѣрившіеся, проклятые Богомъ, отверженные людьми—жертвы жизни; и горьковскіе сильные, но не умѣющіе, не знающіе, къ чему приложить свою силу и отъ того постоянно мучающіеся—безпокойные люди; и даже, его—борющіеся, волнующіеся, воз-

буждающіе противъ себя почти со всѣхъ сторонъ вражду, мало къмъ понимаемые, рѣдко встрѣчающіе сочувствіе и поддержку, часто жестокіе,—трезвые дѣльцы (за исключеннымъ, пожалуй, отчасти, доволныхъ собою и жизнью, веселыхъ эгоистовъ типа Няла),—всѣ они отъ разныхъ причинъ, въ разной степени и въ различныхъ формахъ страдаютъ, всѣ они, каждый по своему, болѣютъ человѣческимъ горемъ, желаютъ лучшей жизни для себя и для другихъ. Намъ можетъ не нравиться ихъ нравственная фізіономія, мы можемъ не согласиться съ ихъ взглядами, но ихъ страданіе въ борьбѣ или хотя бы только въ стремленіи къ лучшей жизни—своей и общей,—располагаетъ насъ къ нимъ, дѣлаетъ ихъ намъ близкими и родными, мы видимъ въ нихъ людей, которымъ дорого человѣчество, интересно его настоящее и важно будущее.

Есть въ русской художественной литературѣ писатели—поэты иного рода—самодовольные, мнящіе себя обладающими всякимъ вѣдѣніемъ и мудростью и блаженствующіе отъ избытка этого вѣдѣнія, презирающіе все, чѣмъ человѣчество живетъ, чему вѣрить, предъ чѣмъ преклоняется, отрицающіе его святыни, его идеалы и только двумъ кумирамъ служащіе—красотѣ и своему я. Имѣемъ въ виду, такъ много напумѣвшее при своемъ появленіи, не перестающее вызывать жаркіе споры и въ настоящее время—декаденство. Вмѣшиваться въ эти споры мы не будемъ, не будемъ касаться и художественной стороны произведеній этой школы; наша задача обязываетъ насъ только—освѣтить ихъ содержаніе съ той общей точки вѣдѣнія, какую мы до сихъ поръ прилагали къ художественнымъ произведеніямъ, попытаться разсмотрѣть и опредѣлить нравственную фізіономію этого направленія.

Можно открыть и въ произведеніяхъ декадентовъ мотивы, настроенія, мысли и взгляды, родящіе ихъ, какъ будто, съ разсмотрѣнными нами художественными произведеніями современной русской литературы. Слышится въ нихъ и тоска, и недовольство жизнью, и стремленіе къ другой жизни. Но и тоска, и недовольство, и стремленіе къ иной жизни декадентовъ значительно отличаются отъ тоски, недовольства и стремленій, не только героев чеховскихъ повѣстей; но, даже, и

горьковскихъ. Угнетаемые жизнью, заѣдаемые ея пошлостью, тоскующіе—чеховскіе герои покорно страдаютъ и своими страданіями влекутъ наши сердца къ себѣ; горьковскіе протестуютъ, борются за лучшую жизнь, зовутъ къ борьбѣ другихъ, говорятъ объ общемъ счастьи, ищутъ, страдаютъ, часто гибнутъ въ своемъ исканіи и, хотя не даютъ, большей частью, положительныхъ идеаловъ, не указываютъ прямого пути къ лучшей жизни, даже, часто предлагаютъ пути ложные, но, все-таки, будятъ людей, возбуждаютъ ихъ энергію, подогрѣваютъ ихъ стремленіе къ лучшей жизни. Совсѣмъ не то декаденты. Страдая, какъ и все современное поколѣніе, они слишкомъ самонадѣяны и высокомерны для того, чтобы безропотно подчиниться судьбѣ, подобно чеховскимъ героямъ, но въ то же время слишкомъ дѣти своего времени—бессильны, инертны, робки, чтобы вступить въ борьбу съ нею, подобно горьковскимъ. Бессильные и гордые, они нашли выходъ въ кажущемся отрѣшеніи отъ жизни, которой живутъ обыкновенныя смертныя, вообразили себя людьми высшей породы—дѣтьми неба и солнца, воздушными, крылатыми, почти безтѣлесными, полубогами, измыслили для себя особый чудесный міръ альфовъ, грезъ и видѣній „за предѣлами предѣльнаго, въ безднахъ свѣтлой безбрежности“ (Бальмонтъ), куда и совершаютъ полеты на крыльяхъ своей необузданной фантазіи, пребывая въ отнoшеніи къ дѣйствительности въ постоянномъ и ненарушимомъ бездѣйствіи, и со своей высоты глубоко прозирая „людшекъ“, интересующихся такими „ничтожными“ предметами, какъ обыкновенная дѣйствительность и обыкновенный человекъ,—мечтающихъ о такихъ „пустякахъ“, какъ общее благополучіе,—способныхъ отдаваться такимъ „мелкимъ“ чувствамъ, какъ любовь къ людямъ,—способныхъ вѣрить, надѣяться, страдать,—обладающихъ такимъ ненужнымъ аппаратомъ, какъ здравый смыслъ и незнакомыхъ съ такими—известными только имъ декадентамъ—вещами, какъ: „немыслимое знаніе“, „несозданныя созданія“, „высоко-звучная тишина“ и т. под.

Признаніе своей исключительности, своего одиночества среди людей—первая яркая черта въ нравственной фізіономіи поэта декадента:

„Высшимъ знакомъ я отмѣченъ“ (Ст. „Воля“)

„Я избранный, я мудрый, посвященный

Сынъ Солнца я—поэтъ, сынъ Разума; я—царь“ (Ст. „Избранный“)

„Я жизнь, я солнце, красота

Я время сказкой зачарую

Я въ страсти звѣзды создаю“ и т. д.

— говоритъ одинъ изъ корифеевъ нашего декаденства (—Бальмонтъ)

„Мы, какъ священнослужители,

Творимъ обрядъ...

Ангелы ницъ преклоненные

Поютъ тропарь“...

— пишетъ другой (—В. Брюсовъ ст. „Въ Дамаскъ“ изъ *Urbis et Orbis*).

Въ своемъ стремленіи къ одиночеству они доходятъ до курьезовъ: чувствуютъ потребность въ разъединеніи съ собой:

„Хотѣлъ бы я не быть Валерій Брюсовъ“ (*L'ennui de vivre*, изъ *Urbis et Orbis*).

Люди для декадента не существуютъ, ему чужды ихъ радости и горе, ихъ страданія, ихъ надежды, ихъ стремленія, ихъ прошлое, ихъ будущее—вся ихъ жизнь; для него безслѣдно проходить то, что волнуетъ и тревожитъ весь культурный міръ, что заставляетъ биться сердца десятковъ тысячъ людей

„Что намъ этотъ блѣдный міръ!

... что мнѣ люди?

Мы отъ Духа и Огня“—воскликаетъ поэтъ (Бальмонтъ „Примѣта“)

„Мнѣ людское незнакомо“—говоритъ онъ же (т. II. с. 228).

Имъ совершенно непонятенъ, чуждъ тотъ идеаль поэта—борца за правду и счастье людей, который воодушевлялъ лучшихъ поэтовъ всѣхъ странъ и который такъ хорошо выраженъ однимъ изъ нашихъ:

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,

Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,

Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ“.

(„Памятникъ“ Пушкина. Изд. Поливанова).

Люди пошлы, ничтожны, грязны, соприкосновеніе съ ними
можетъ только осквернить поэта

„Гдѣ люди, тамъ поруганы видѣнья высшихъ грезъ ..

Тамъ тѣніе, скрипящее назойливыхъ колесъ“ (Бальмонтъ).

Онъ можетъ чувствовать себя хорошо вездѣ, но только не
среди людей, ему близки стихія, вѣтеръ, огонь, вода, пустыня,
лѣсъ, звѣри, но отъ людей онъ далекъ

„Пришелъ я въ крайнія пустыни,

Брожу въ лѣсахъ, гдѣ нѣтъ путей,

И долго мнѣ не быть отнынѣ

Среди ликующихъ „людей“ (Брюсовъ „Искатель“; у

Бальмонта рядъ гимновъ: огню, вѣтру и т. д.).

Ихъ онъ можетъ презирать, можетъ проклипать и ненави-
дѣть, но любить—никогда: выражая глубочайшее презрѣніе къ
людямъ, Бальмонтъ сравниваетъ ихъ со звѣрями, но тутъ же
спѣшитъ оговориться:

„Сказавъ—какъ звѣри, я унижилъ звѣрей, конечно, не
людей

Лишь межъ звѣрей еще возможна—жизнь, яркость жизни,
безъ тѣней...

О человѣки дней послѣднихъ, вы надѣли мнѣ въ конецъ“!
(„Проклятіе человѣкамъ“; срав. „Человѣчки“ и др.).

„Я въ мѣръ всѣмъ невольный врагъ

Всей жизнию своею,

И не могу не быть—никакъ

Вплоть до исхода дней“ (Его же)

„Я ненавижу; человѣчество

Я отъ него бѣгу спѣша

Мое единое отечество

Моя пустынная душа“.

Ему необходимо отрѣшиться отъ людей для того, чтобы
стоять на той головокружительной „высотѣ“, на которую
взобравшимся онъ себя считаетъ: „какъ взойдешь на вершину
горы, когда жаль расстаться съ сельскимъ домикомъ. Ничего

не возьму я съ собой, ни о комъ я не буду жалѣть. Я долженъ стремиться все выше и выше, туда, гдѣ лазурь незапятнанна, гдѣ вѣтеръ свободенъ. Такъ высоко хочу я взойти, чтобы даже туча небесная была по-до мной“ (Бальмонтъ). Было у поэта время, время юности—„дней невинности воздушной“, когда ему не былъ „такъ отвратителенъ образъ человѣка“, но, достигши зрѣлаго возраста, онъ „проклялъ невинность первыхъ дней“ и возненавидѣлъ человѣка навсегда:

„Я болѣе не полюблю людей,
Хотя бы прожилъ вѣкъ Мелхиседека“ („Вечерній часъ“).

Презрѣнные, ничтожные и пошлые, они годны только для забавы и утѣхи „сверхъ-поэта“.

„Людишки—мошки, славный пестрый рой,
Лови себѣ свѣтлянокъ для забавы,

На ладъ себя возвышенный настрой“ (Бальмонтъ „Художникъ“).

Такимъ отчужденіемъ отъ людей, такимъ острымъ сознаниемъ своей обособленности, своей исключительности, своего одиночества проникнуты стихотворенія всѣхъ нашихъ декадентствующихъ писателей. Гиппиусъ называетъ свои стихи „обособленными, своеструнными, для другихъ ненужными“; Бунинъ хотѣлъ бы начертать свои на глыбѣ швейцарскаго глетчера, гдѣ бы ихъ могъ прочитать только такой поэтъ, какъ онъ; Мережковский говорить, что онъ „людямъ чуждъ“ и мрачно зываетъ:

„О страшный Ангелъ одиночества
Послѣдній другъ“!...

Но угѣшаетъ себя тѣмъ, что „есть радость и въ томъ, чтобъ вѣчно быть, какъ туча въ небѣ одинокимъ странникомъ и не имѣть друзей“. Тоже настроеніе и у прочихъ: Мисскаго, Соллогуба, Добролюбова, Андрея Бѣлаго, Балтрушайтиса, Ремезова, Блока и др. ¹⁾ Въ этомъ пунктѣ, какъ и въ прочихъ наши декаденты—вѣрные сыны своихъ заграничныхъ учителей: Эдгара По, Бодлера и др.

Считая всѣхъ людей ничтожными, пошлыми, мелкими, достойными ненависти и презрѣнія, декаденты признаютъ только

¹⁾ Аничковъ. Литературные образы и мѣтніа. 1903, с. 147 148.

себя достойными любви. Эгоизмъ, или, какъ теперь выражаются, эготизмъ, культъ личности, культъ своего я проникаетъ всѣ ихъ произведенія. Единственный кумиръ, которому они служатъ, предъ которымъ преклоняются—ихъ собственная персона. Самообоженіе у нихъ достигаетъ крайней степени. Они постоянно говорятъ только о себѣ, о своихъ настроеніяхъ, считаютъ достойными общаго вниманія всѣ свои мысли, всѣ свои экскурсіи въ область „немыслимаго знанія“ (Брюсовъ „Послѣднее желаніе“ изъ *Urbi et Orbi*), всѣ свои чувства—маленкія и часто грязныя, всѣ событія, иногда очень ничтожныя, своей жизни, всѣ похождения, иногда очень сомнительныя, весь бредъ своего больного воображенія, вродѣ: „тѣней несозданныхъ созданій“, „фіолетовыхъ рукъ, чертящихъ на эмалевой стѣнѣ звуки въ звонко-звучной тишинѣ“, „мѣсяца, восходящаго при лунѣ“, многозвучныхъ сновъ и т. д. и т. п.

„Дано мнѣ пѣть, что любо, что нравится мечтамъ
А вамъ—молчать и слушать, вникать въ нагѣвы вамъ!
И чтобы не задумалъ я спѣть,—запрета нѣтъ,
И будетъ все достойно, затѣмъ что я поэтъ!

. . . . .

Въ моемъ самовосхваленіи служенье Богу есть...

(Брюсовъ „*In Hac Lacrimarum Valle*“).

Я, и только я—постоянный и неизмѣнный предметъ ихъ поэтическаго вдохновенія

„Я люблю одну бездонность,
Это—воля, это—я“. (Бальмонтъ „Пронунсіаменто“)

„Только одну я люблю безиредѣльность
Душу мою“. („Въ душахъ есть все“)

„Все въ этомъ мірѣ тускло и мертво,
Но ярко себялюбіе безъ зазрѣнья:
Не видѣть за собою никого. („Художникъ“).

И въ заключеніе заповѣдуетъ:

„Восторжествуй надъ мертвымъ и живымъ,
Люби себя—бездонно, ненасытно

Пусть будетъ символъ твой—Огонь и дымъ“

(„Вечерній часть“).

Въ себѣ они находятъ все прекраснымъ:

„Я вѣженъ, я утонченъ, я красивъ“ (Бальмонтъ), себя они надѣляютъ всѣми совершенствами, провозглашаютъ величайшими поэтами, въ сравненіи съ которыми другіе были только предтечами. (См. напр. Бальмонта въ сборн. „Будемъ какъ солнце“ 1-е стих. безъ заглавія). Въ своемъ болѣзненномъ самообоженіи они полагаютъ, что не только люди, но и вся природа падаютъ ницъ предъ ихъ божественнымъ величіемъ.

„Спокойныя башни и бѣлыя стѣны, и пѣна раздроблен-
ныхъ рѣкъ

Въ восторгѣ всегдашнемъ дрожали, внимали стихамъ, про-
звучавшимъ на вѣкъ.

И дѣвы и юноши встали, встрѣчая, вѣнчая меня какъ царя“
(Брюсовъ „Вступленіе“).

При такомъ эгоизмѣ, при такомъ болѣзненномъ самообоженіи, при такомъ презрѣніи къ людямъ, естественно, поэты—декаденты считаютъ себя не только внѣ всякихъ предписаній, установленныхъ для „людшекъ мошекъ“ такими же людшками (формы общественныхъ отношеній, обычаи и т. п.), но и выше вѣковѣчныхъ законовъ религіи и морали—„по ту сторону добра и зла“,—атеизмъ и имморализмъ являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ эгоизма.

„Миръ долженъ быть оправданъ весь

Чтобъ можно было жить“ (Бальмонтъ „Въ душахъ есть все“).

„Не для меня законы, разъ я геній“ („Художникъ“) — вотъ руководящія начала ихъ жизни личной и общественной. Они принципиальные противники религіи и морали. Религіозно-нравственные законы представляются имъ „памятью выцвѣтшихъ словъ“ (Бальмонтъ), добро и зло для нихъ равны, правда и ложь, честное и безчестное одинаково привлекательны, дьяволъ и Богъ совершенно безразличны

„Мнѣ сладки всѣ мечты, мнѣ дороги всѣ рѣчи

И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ“ (Брюсовъ).

„Хочу, чтобъ всюду плавала

Свободная ладья

И господа и дьявола

Хочу прославить я“ (Его-же „Непоколебимой истинѣ“)

Все равно мнѣ, человекъ плохъ или хорошъ,

Все равно мнѣ, говоритъ правду или ложь...

Что безчестное? Что честное?

Что горитъ? Что темно?

Я иду въ неизвѣстное

И душѣ все равно“ (Бальмонтъ т. II с. 228—229).

Самая классификація добра и зла представляется имъ устарѣвшей, во всякомъ случаѣ, для нихъ совершенно непригодной. (См. напр. Бальмонтъ, Горныя вершины с. 57. 58 и др.).

Выставляя, такимъ образомъ, свое безразличіе къ добру и злу; они на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе тяготеютъ къ послѣднему: безпрерывно воспѣвая всякія гнусности, пороки, преступленія, воскуря фимиамъ самому сатанѣ, они далеко не часто касаются явленій нравственнаго порядка и почти никогда не воспѣваютъ добродѣтели. Напротивъ,—рай, святость и святыне имъ непаважны.

„Я ненавижу всѣхъ святыхъ,
Они заботятся мучительно
О жалкихъ помыслахъ своихъ,
Себя спасаютъ исключительно.

Мнѣ ненавистенъ былъ бы Рай
Среди тѣней съ улыбкой кроткой,
Гдѣ вѣчный праздникъ, вѣчный май
Идетъ размѣренной походкой“

(Бальмонтъ „Голосъ дьявола“).

Къ Богу они равнодушны, они Его не знаютъ: „есть ли Богъ и какъ его найти?“, „какой Онъ—Богъ“—вопрошаютъ они и отвѣчаютъ: „Я не знаю, братья, есть ли Богъ“ (Бальмонтъ „Какъ знать“).

А сатану, кажется, они хорошо знаютъ и въ честь его охотно слагаютъ свои вдохновенные гимны. Одному изъ нихъ „Шепчутъ дьяволы: ты нашъ“ (Брюсовъ. „Искушеніе“). А другой недоумѣваетъ:

„Если гдѣ нибудь за Міромъ,
Кто то Мудрый Міромъ править,
Отчего-жъ мой духъ, вампиромъ,
Сатану поетъ и славить?“ (Бальмонтъ „Скрижали“;

см. еще „Демоны“; болѣе, чѣмъ легкомысленное отношеніе ко Христу въ ст. безъ заглавія т. II, с. 337—338). И въ одномъ мѣстѣ приводитъ, какъ вполне выражающіе его мысли, извѣстный молитвенный гимнъ Сатанѣ Бодлера—„Priere“:

„Хвала великому святому Сатанѣ

. . . . .

Духъ вѣчно мыслящій, будь милостивъ ко мнѣ

Прими подъ сѣнь свою, прими подъ дерево знанья!“

и т. д. (Горныя вершины“ кн. I, с. 78). Символь дьявола—змѣя приводитъ ихъ въ восхищеніе

„Огъ дѣтскихъ дней люблю змѣю

И ей люблюсь, какъ картиной.

Они и святыхъ ненавидятъ, между прочимъ, потому, что тѣ „ядовитую змѣю казнятъ безъ состраданья“ и отъ рая откре- щиваются изъ за того, что тамъ „казнится находчивость змѣ- иная“ (Бальмонтъ „Голосъ дьявола“) Себя они горделиво вели- чаютъ „безумными демонами“ (ibid), „художниками—дьяволами“ (такъ обозначается одинъ отдѣлъ стихотвор. у Бальмонта, т. II). Видъ крови и, даже, краснаго цвѣта напоминающаго кровь, приводитъ ихъ въ восхищеніе

... „Кровь поетъ во мнѣ

Мой разумъ чувствуетъ, что мнѣ при видѣ крови

Весь міръ откроется и все въ немъ будетъ вновь

Смѣются маки мнѣ, пронзенные лучемъ“.

Бальмонтъ „Красный цвѣтъ“; срв. „Красный“, (также и Брю- совъ, см. напр. ст. „Гіацинтъ“).

Вертепы магически влекутъ ихъ къ себѣ

„Въ вертепахъ я весель, я страшенъ въ потьмахъ

Все, все я пріемлю, чтобы сдѣлаться всѣмъ.

Самъ я въ вертепы васъ всѣхъ поведу“

(Бальмонтъ „Огонь“).

Преступники воспѣваются ими какъ герои, преступленія до- ставляютъ имъ величайшее наслажденіе.

„Люблю я и самые темные сны и алый цвѣтокъ престу- пленья (Бальмонтъ „Самоутвержденіе“).

„Если я въ мечтѣ поджечь—города

Пламя зарева со мной—навсегда.

О мой братъ! Поэтъ и царь, сжегшій Рязь!
Мы сжигаемъ, какъ и ты—и горимъ!

(Ст. безъ загл. т. II, с. 25).

Предаваясь самымъ страшнымъ оргіямъ (въ мечтахъ конечно и стихахъ), погружаясь въ самую бездну порока, низости, позора, безстыдства и безпутства, они чувствуютъ себя въ своей сферѣ. Нѣтъ, кажется, порока, котораго они не были бы готовы совершить.

„Жить среди беззаконія
Какъ дыханье вѣтровъ,
То въ волнахъ благовонія
То надъ крышкой гробовъ.

. . . . .
Люблю безотчетное
И восторгъ и позоръ,
И пространство болотное
И возвышенность горъ“ (Бальмонтъ).

„Духъ“ того же поэта
„Смерть свою живымъ питаетъ
Любитъ шабашъ преступленья
И кошмары созидаетъ
Въ ликованьи преступленья“.

Онъ любитъ альбатроса „за безстыдство пиратскихъ порывовъ“ („Морской разбойникъ“), а о химерахъ, укрывающихъ парижск. Notre Dame, онъ говоритъ

„Въ безпутствѣ соблюдая чувство мѣры,
И гнусность доведя до красоты,
Они могли бы намъ являть примѣры“ („Химеры“).

Имъ правится все уродливое, противоестественное, болѣзненное

„Увѣчье, помѣшательство, чахотка,
Падучая и бездна всякихъ золъ“

(„Проклятіе глупости“).

Поэту „Дороги мучительные сны
Жестокой Матери, безжалостной Природы.
Кривые кактусы, побѣги бѣлены,
И змѣй и ящерицъ отверженные роды,

Чума, проказа, тьма, *убійство*, и бѣда
Гомора и Содомъ, слѣпые города! (*ibid.*).
Ему „Нравится, что въ мірѣ есть страданья...

Обманы, сумасшествіе, позоръ

Безумный ужасъ—все мнѣ видѣть сладко“

(„Художникъ“).

Они стараются заглушать все человѣческое, потому что оно тускло, блѣдно, некрасиво и совѣтуютъ учиться у звѣрей и подражать ихъ жизни. Бальмонтъ приводит слова польскаго писателя Красинскаго; „человѣкомъ быть не стоитъ, Ангеломъ не стоитъ... Нужно быть Богомъ или ничѣмъ“ замѣчаетъ, что эти слова „должны были бы стать міровымъ лозунгомъ“. (Горн. верш. с. 12). А гдѣ нужно искать этого „бога“ могутъ показать, напр., слѣдующія слова:

„О, человѣкъ, спроси звѣрей,

О цѣли странствія земного

Живи какъ звѣрь безъ колебаній“

(Его же „Слова завѣта“).

Поэтъ прокликаетъ людей за то, что они робко лепечутъ: „мы люди не звѣри“ и говоритъ, что людямъ такого порядка, какъ онъ, „нужно умертвить въ себѣ все человѣческое“ (Горн. вершины с. 116).

Себя они, повидимому, уже считаютъ отрѣшившимися отъ человѣческаго и воплотившими звѣриный образъ:

„Я въ человѣческомъ не человѣкъ“ (Бальмонтъ).

„Мнѣ людское незнакомо“ (Онъ же).

„О, сердце! въ этихъ тѣняхъ вѣка,

Гдѣ истинъ нѣтъ, иному вѣрь!

Въ себѣ люби сверхчеловѣка...

Явись нашъ богъ и полувѣрь!“

(Брюсовъ „Искушеніе“).

Въ себѣ они уже усматриваютъ тигровыя страсти, змѣиныя чувства и думы, „злорадство паука“ (Бальмонтъ „Художникъ“).

„Отъ этихъ тигровыхъ страстей

Змѣиныхъ чувствъ и думъ,

Какъ стукъ кладбищенскихъ костей

Въ душѣ зловѣщій шумъ,
И я бѣгу, бѣгу людей
Среди людей самумъ (Бальмонтъ).

Идеальнымъ человѣкомъ для нихъ является тотъ, который напоминаетъ своимъ характеромъ и образомъ жизни звѣря, а видомъ каторжника; по крайней мѣрѣ Брюсовъ въ стихотвор. „Къ портрету Бальмонта“ такъ его между прочимъ характеризуетъ:

„Угрюмый обликъ, каторжника взоръ...

Но я въ тебѣ люблю, что весь ты ложь“.

Если бы они дѣйствительно были такими, какими хотятъ быть въ своихъ стихотвореніяхъ, то явили бы міру примѣры небывалыхъ чудовищъ, но, къ счастью, они ужасны только на словахъ, а на дѣлѣ слишкомъ слабы, бессильны, ничтожны робки, чтобы быть способными на такія ужасныя преступленія какія рисуются ихъ болѣнному воображенію.

Кромѣ себя они, какъ будто, признаютъ только одного бога—красоту, но она или совсѣмъ ими не представляется (Бальмонтъ говоритъ, что поэты его лагеря, устремляясь къ высотѣ, мчатся „въ міръ чудесный, къ неизвѣстной красотѣ“ сборн. „Въ безбрежности“), или предпосится имъ въ такихъ формахъ, которыя въ здоровомъ человѣкѣ производятъ впечатлѣніе совершеннаго безобразія, которыя его отталкиваютъ своимъ уродствомъ, внушаютъ чувство омерзѣнія, гадливости, отъ которыхъ здороваго человѣка тошнитъ (См., напр. ст. Бальмонта: „Уроды“, „Проклятіе глупости“, „Химеры“, „Шабашъ“ и др.).

Нравственная фізіономія нашихъ декадентовъ не была бы очерчена во всѣхъ своихъ характерныхъ чертахъ, если бы мы не отмѣтили одной, очень яркой: всѣ декаденты въ высшей степени жадны къ жизни и ненасытны, необузданны въ любви. Жажда жизни у нихъ проявляется гораздо сильнѣе, чѣмъ у горьковскихъ героевъ.

„Я жадный безумный

Я жадный и жить я хочу безъ конца“

(Бальмонтъ „Самоутвержденіе“)

„Живите, живите,—мнѣ страшно,—живите скорѣй“
захлебываясь въ упоеніи жизнью, восклицаетъ поэтъ. А какой

жизни имъ хочется—въ этомъ, въ концѣ концовъ, кажется, они и сами не могутъ дать себѣ отчета. Устанавливая свою исключительность, проповѣдая необузданный эгоизмъ, свободу отъ всякихъ узъ и путъ, они опредѣляютъ только формы, условія своей жизни, фонъ, на которомъ она можетъ развертываться; выражая глубокую симпатію къ порокамъ всякаго рода, они отчасти опредѣляютъ и содержаніе своей жизни, но дать полный отвѣтъ, начертать ясный положительный идеаль они рѣшительно неспособны.

„Моя мечта лишь призрачно—призывна,

Зову, но самъ не знаю никогда

Въ чемъ свѣтъ, мой свѣтъ, и онъ влечетъ куда“

(„Геній мгновенья“ Бальмонтъ).

Да они, впрочемъ, и не добиваются этого: безцѣльность возводится ими въ принципъ

„О если бъ все забыть, быть вольнымъ, одинокимъ

Въ торжественной тиши раскинутыхъ полей.

Итти своимъ путемъ, *безцѣльнымъ* и широкимъ

Безъ будущихъ и прошлыхъ дней“

(Брюсовъ. L'ennui de vivre)

„Я иду въ неизвѣстное

И душѣ все равно“ (Бальмонтъ)

„Въ безвѣстномъ—улада тревожной души“ (Онъ же)

Любовь которой они желаютъ и которую воспѣваютъ, выражаясь мягко, очень невысокаго качества. Это не та высокая, чистая, идеальная, вызывающая на подвиги, родящая героизмъ, доводящая, правда, и до преступленій, но совѣтъ иного типа, сравнительно съ тѣми, до которыхъ доводитъ любовь декадентская(—преступленія на почвѣ извращенія полового чувства: Верленъ, Уайльдъ)—любовь, которая воодушевляла поетовъ—жрецовъ „святого“ искусства, ревниво оберегавшихъ его область отъ малѣйшаго прикосновенія грязи; это—любовь низменная, животная, физическая, это—культъ плоти въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова. По временамъ она переходитъ у нихъ въ эротоманію, въ разнузданность, въ какое то болѣзненное пристрастіе къ самымъ противоестественнымъ формамъ разврата. Бальмонтъ благословляетъ Содомъ и Гомору (а за

что прокляты были Богомъ эти города и какому пороку они дали свое имя—хорошо извѣстно); восхищается тѣми литературными произведеніями, въ которыхъ воспѣвается ужасное кровосмѣшеніе, самый чудовищный развратъ („Горныя вершины“, статья „Чувство личности въ поэзіи“, „О цвѣтахъ зла“). А у Брюсова цѣлый отдѣлъ балладъ и элегій (въ *Urbi et Orbi*) посвященъ воспѣванію утонченнаго сладострастія, самой сгущенной эротики

„Въ нашихъ жилахъ течетъ ненасытная кровь
Мы безмѣрны въ любви“ (Бальмонтъ Литургія красоты
с. 126)

„За новый обликъ сладострастья,
Душой безумной и слѣпой,—
Я проклялъ все,—во имя счастья,
Во имя гибели съ тобой“ (т. II, с. 295)

„Хочу быть дерзкимъ, хочу быть сильнымъ
Хочу упиться роскошнымъ тѣломъ
Хочу одежды съ себя сорвать“ (ibid.)

„Скорѣй на шабашъ, къ бѣшенству страстей
Мы дьявольскимъ сіяніемъ одѣты“ („Дымы“).

А то еще въ такомъ родѣ:

„Повлекутъ меня съ собой
Къ играмъ рыжія силены;
Мы натѣшимся съ козой,
Гдѣ лужайку сжали стѣны“ (Брюсовъ *In Nas Lasgiamum Valle*; еще: „Женщинамъ“, „Въ ночномъ безлюдіи“, „Таинства ночей“ и др.).

„Человѣкъ можетъ любить нечеловѣчески яркой и сильной любовью“ (Бальмонтъ Горн. верш. с. 81). Мы не станемъ умножать примѣровъ, щадя скромность читателей. Впрочемъ и приведенныхъ достаточно для того, чтобы видѣть характеръ декадентской любви. Хотя нѣкоторые изъ нихъ по временамъ и скорбятъ о томъ, что любимыя ими женщины всѣ—„земля на землѣ“, проявляя этимъ, какъ будто, стремленіе къ любви идеальной, но это стремленіе выражается блѣдно, тускло, неясно, тогда какъ низменная сторона любви—желаніе физи-

ческаго наслажденія—выступаетъ очень ярко, по преимуществу воспѣвается, точнѣе—смакуется, ими, какъ предметъ достойный въ особенности ихъ поэтическаго вдохновенія. Къ чести нашихъ декадентовъ нужно сказать, что и здѣсь они ограничиваются одними страшными словами, не осуществляя ихъ на дѣлѣ и не слѣдуютъ примѣру своихъ заграничныхъ учителей, стяжавшихъ себѣ печальную славу практическимъ примѣненіемъ такихъ теорій и къ поэтическимъ лаврамъ прибавившимъ уголовныя, тюрьму и каторгу за преступленія противъ нравственности (Уайльдъ, Верленъ; въ Англии—родинѣ перваго считается предосудительнымъ въ порядочномъ обществѣ упоминать даже его имя,—объ этомъ см. у Бальмонта, Горн. верш.).

Разсматривая въ общемъ нравственную фізіономію декадентства, нельзя не замѣтить въ ней много не естественно-уродливаго, болѣзненнаго, патологическаго. Неудивительно насколько, что декаденты въ своихъ произведеніяхъ проявляютъ какую то болѣзненную симпатію къ сумасшедшимъ и любятъ называть себя безумными

„Я посѣщаль дома умалишенныхъ,
Мнѣ близки изъ безумныя мечты

. . . . .

Я льнулъ къ умамъ, исполненнымъ въ видѣніи“ (Бальмонтъ „Дымъ“ срв. „Художникъ“). А въ своей жизни имъ (сумасшествіемъ) начинаютъ или заканчиваютъ свою поэтическую карьеру...

Пантеизмъ и пессимизмъ въ большей или меньшей степени присущій всѣмъ имъ. Какъ они ни стараются убить въ себѣ все человѣческое, какъ ни стремятся уподобиться звѣрямъ—достигнуть этого имъ вполне не удастся: человѣкъ дѣлетъ себѣ знать мучительнымъ внутреннимъ разладомъ, доводящимъ ихъ до крайняго ожесточенія и самаго мрачнаго отчаянія. Они убаюкиваютъ себя горделивыми мечтами о своемъ превосходствѣ предъ всѣми людьми, о дозволенности для себя всего, хулятъ Бога, высмѣиваютъ рай, проклинаятъ святость, молятся сатанѣ, благословляютъ преступленія, уносятся „за предѣлы предѣльнаго“, въ міръ заоблачный, въ „безбрежность“,

погружаются въ бездну порока;—но нигдѣ не находятъ полного удовлетворенія и—отчаяніе, самое мрачное, безъисходное отчаяніе, нѣтъ—нѣтъ, да и проскользнетъ, какъ яркій лучъ молніи, среди того тумана и смрада „болотныхъ“ испареній (Бальмонтъ любитъ „пространство болотное“, цвѣты растущіе изъ тины—т. II с. 228—229; ст. „Художникъ“) въ которыхъ по преимуществу вращается муза декадентовъ.

„Скорбь бытія неизбѣжна, нѣтъ и не будетъ ей дна“ (Бальмонтъ „Океанъ“, тоже въ ст. „Въ пещерѣ“). Даже въ смерти они не надѣются получить успокоеніе:

„И смерть, какъ и жизнь только тѣнь и черта?

Такъ, значитъ, за смертью такой же бесплодный,

Такой же безцѣльный, бессмысленный путь?

И тоже мечтанье о волѣ свободной?

И таже невозможность во мглѣ потонуть?

И нѣтъ намъ исхода! И нѣтъ намъ предѣла!

Исчезнуть, не быть, истребиться нельзя!

Для воли, для мысли, для духа, для тѣла

Единая, таже, все таже стезя!

Кричу я“ . . . . .

(Брюсовъ „Искушеніе“¹⁾).

„Лучше безразсудными

Жить мечтами чудными

Жизнь проспая свою“ (Бальмонтъ „Баюшки баю“).

„Уснуть, на вѣкъ, уснуть! Какое наслажденье“

(Брюсовъ „Больной“)

вотъ къ какому выводу приходятъ они въ результатѣ всѣхъ своихъ необузданныхъ „дерзаній“. Иначе, впрочемъ и быть не можетъ: если жить, то нужно дѣйствовать и бороться,—декаденты неспособны ни къ какому живому дѣлу, бессильны, борьба ихъ пугаетъ, какъ большинство эгоистовъ, они—боль-

1) Отсюда же объясняется и то непонятное съ виду явленіе, что у декадентовъ, и нашихъ и заграничныхъ, между стихотвореніями, полными самого страшнаго богохульства, встрѣчаются провинутыя религіознымъ чувствомъ и молитвеннымъ настроеніемъ (См. напр. у Бальмонта: „Вопросъ“, „Откликъ“, „Библия“, „На мотивъ псалма XVIII“ и ин. др). Значитъ душа остается религіозной, не смотря на всѣ усилія ихъ убить эту религіозность.

шіе празднолюбцы и бездѣльники; имъ остается, поэтому, одно: „жить съ закрытыми глазами“ (Бальмонтъ, Гор. зданія), „жизнь пропасть свою“. И дѣйствительно, если судить о жизни декадентовъ по ихъ произведеніямъ, то придется въ концѣ концовъ придти къ заключенію, что она представляетъ изъ себя не иное что, какъ смутный сонъ съ болѣе или менѣе дикими видѣніями.

П. Красинъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Марта № 6 1907 года.

Содержаніе. I О перенесеніи Чудотворной иконы Божіей Матери—Озерянскія.—
Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Воззваніе
къ православнымъ христіанамъ.—Къ свѣдѣнію г. г. подписчиковъ.

I.

Въ непремѣнную обязанность поставляется о.о. настоятелямъ приходскихъ храмовъ нѣсколько разъ объявить прихожанамъ, что нынѣ перенесеніе чудотворной иконы Божіей Матери—Озерянскія изъ Покровскаго Харьковскаго монастыря въ Куряжскій будетъ совершено на пасхальной недѣлѣ въ четвергъ (26 апрѣля).

Арсеній Архіепископъ Харьковскій.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста

а) Учитель школы грамоты Иванъ *Пачуевъ* опредѣленъ 13-го марта 1907 года п. д. псаломщика при Петро-Павловской церкви, сл. Лимаца, Изюмскаго уѣзда.

б) Діаконъ-псаломщикъ Скорбященской церкви, Харьковской мѣщанской богадѣльни, Николай *Бѣликовъ* назначенъ 12 марта экономомъ Харьковской духовной семинаріи.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Псаломщикъ Озерянской церкви, города Харькова Александръ *Базилевичъ* перемѣщенъ 15 марта на псаломщицкое мѣсто при Скорбященской церкви, Харьковской мѣщанской богадѣльни.

б) Псаломщики церквей: Тихоновской, слободы Степанахевки, Куляцкаго уѣзда, Алексѣй *Лихникій* и Вознесенской, слободы Радковскихъ Несокъ, того же уѣзда, Иванъ *Лисинкій* перемѣщены 21 марта, согласно ихъ прошенію, одинъ на мѣсто другого.

3. Объ увольненіи за штатъ.

а) Діаконъ Рождество-Богородичной церкви, слободы Гипѣвки, Зміевского уѣзда, Анатолій *Краснокутскій*, согласно его прошенію, уволенъ 15 марта за штатъ, впредь до выздоровленія.

4. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Рождество-Богородичной церкви, слободы Боровой, Купянского уѣзда, утвержденъ 7 марта старостою крестьянинъ Даміанъ *Целехъ*.

б) Къ Рождество Богородичной церкви, слоб. Бондаревой, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 12 марта старостою крестьянинъ Иванъ *Тищенко*.

в) Къ Казанской Богородичной церкви, села Землянокъ, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 12 марта старостою крестьянинъ Андрей *Терещенко*.

г) Къ Покровской церкви, слоб. Межрича, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 11 марта старостою крестьянинъ Пантелеимонъ *Цокутный*.

д) Къ Преображенской церкви, слоб. Ворожбы, Лебединскаго уѣзда утвержденъ 13 марта сего года старостою крестьянинъ Стефанъ *Босенко*.

е) Къ Рождество-Богородичной церкви, села Христыща, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 14 марта старостою крестьянинъ Никита *Переломъ*.

ж) Къ Николаевской церкви, села Верхо-Пожни, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 15 марта старостою крестьянинъ Іосифъ *Шакинъ*.

з) Къ Казанско-Богородичной церкви, слободы Волчанскихъ Хуторовъ, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 18 марта старостою крестьянинъ Савва *Яловенко*.

і) Къ Покровской церкви, слоб. Луцьковки, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 19 марта старостою крестьянинъ Ілія *Гребенникъ*.

к) Къ Успенской церкви, села Гудимовки, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 19 марта старостою дворянинъ—землевладелецъ Яковъ Владиміровичъ *Кучеровъ*.

л) Къ Вознесенской церкви, села Лизинка, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 21 марта старостою крестьянинъ Иванъ *Хмьленко*.

м) Къ Рождество-Богородичной церкви, слободы Ново-Бѣленькой, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 21 марта старостою, губернской секретарь Иванъ *Буковскій*.

н) Къ Вознесенской церкви, села Рогани, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 22 марта старостою крестьянинъ Леонтій *Савченко*.

5. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ Вознесенской церкви, села Яблочнаго, Богодуховскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Вермунъ* утвержденъ 10 марта законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

б) Священникъ Архангело-Михайловской церкви, слободы Волосской Балаклейки, Купянского уѣзда, Іоаннъ *Ивановъ* утвержденъ 12 марта законоучителемъ Кривцовскаго народнаго училища, а священникъ той же церкви Василій *Мухинъ* оставленъ законоучителемъ Волоско-Балаклейскаго народнаго училища.

в) Священникъ Преображенской церкви, слободы Преображенской, Зміевскаго уѣзда, Антоній *Козмевскій* утвержденъ 12 марта законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

г) Священникъ Николаевской церкви, слободы Царьборисовой, Изюмскаго уѣзда, Викторъ *Краснокутскій* утвержденъ 14 марта законоучителемъ Царьборисовскаго народнаго училища.

д) Священникъ Дмитріевской церкви, слободы Булавиновки, Старобѣльскаго уѣзда, Александръ *Ивановъ* утвержденъ 16 марта законоучителемъ Тишковскаго народнаго училища.

е) Священникъ Преображенской церкви, слободы Ворожбы, Лебедискаго уѣзда, Петръ *Рубинскій* утвержденъ 15 марта законоучителемъ Даценковскаго народнаго училища.

6. О присоединеніи къ православію.

Крестыанинъ раскольникъ Иванъ Ивановъ *Орловъ*, 27 лѣтъ, 11 марта сего года присоединенъ къ православію, священникомъ Георгіевской церкви, слоб. Ольховатки, Волчанскаго уѣзда, Сергіемъ *Дмитріевымъ*.

7. Валантныя мѣста.

а) Священническія.

При Архангело-Михайловской церкви сл. Павловокъ, Сумск. у.

— Николаевской церкви, слободы Семеновки, Изюмскаго уѣзда.

— Рождество-Богородичной церкви, слободы Дергачей, Харьковскаго у.

б) Діаконскія.

При Рождество-Богородичной церкви, слоб Гипѣвки, Зміевскаго уѣзда.

в) Псаломщицкія.

При Благовѣщенской церкви, города Харькова.

— Александро-Невской церкви, Харьковской 1-й гимназіи.

— Николаевской церкви, села Лихачовки, Богодуховскаго уѣзда.

— Озерянской церкви, города Харькова.

— Всѣхсвятской церкви, села Залыманья, Изюмскаго уѣзда.

ОТЪ ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРІИ.

Харьковская Духовная Консисторія сямъ сообщаетъ для свѣдѣнія духовенства епархіи, что *Главное Управление Общества Улучшенія Народнаго Труда, въ память Царя-Освободителя АЛЕКСАНДРА II*, обратилось къ Его Высокопреосвященству отношеніемъ, отъ 10 февраля 1907 года за № 30694, въ коемъ изложило:

Изъ сношеній съ предмѣстниками Вашего Преосвященства Вамъ, Владыко, вѣроятно, не безызвѣстно о существованіи Общества Улучшенія Народнаго Труда, въ память Царя-Освободителя АЛЕКСАНДРА II.

Основаніемъ къ учрежденію въ 1881 году этого Общества послужило тяжелое, вслѣдствіе отсутствія самодѣятельности и недостатка просвѣщенія, положеніе трудящагося населенія въ нашемъ отечествѣ и особенно крестьянъ — землепашцевъ, ремесленниковъ и занимающихся мелкою торговлею и промыслами

Высокой идеѣ Общества, привлекая въ то время къ себѣ всеобщее вниманіе и сочувствіе земскихъ, городскихъ и другихъ учреждений, въ томъ числѣ благотворительскихъ округовъ, монастырей и причтовъ, а также отдѣльных священнослужителей и свѣтскихъ дѣятелей, выразившееся во вступленіи многихъ изъ нихъ въ члены Общества ¹⁾, — не суждено было однако, получить осуществленіе въ той мѣрѣ, какая соответствовала бы ягучей потребности въ улучшеніи быта трудящихся, — потребности, неудовлетвореніе которой въ значительной мѣрѣ способствовало проявленію переживаемыхъ нами смуть и нарушенію естественнаго хода жизни.

Широкому осуществленію благихъ задачъ Общества препятствовало неутвержденіе, въ теченіе истекшихъ 25-ти лѣтъ, его Устава и хотя Общество имѣло разрѣшеніе Правительства приступить къ практической дѣятельности, но, при такихъ ненормальныхъ условіяхъ, оно, конечно, не могло достигнуть надлежащаго развитія. Лишь 18-го декабря 1905 года состоялось утвержденіе Правительствомъ Устава Общества, опубликованнаго въ №№ 15 и 16 газеты „Правительственный Вѣстникъ“ отъ 19 и 20 января прошлаго года. Послѣ сего, 12 мая, порядкомъ, указаннымъ въ § 17 Устава, было образовано Учредителями Общества и лицами, приглашенными ими на правахъ Учредителей, Главное Управление Общества, въ составъ котораго вошли лица практическаго опыта, взвѣст-

1) Въ Общество вступило въ разное время болѣе 8500 членовъ, изъ коихъ около 1/3 составляли общественныя и сословныя учрежденія, въ томъ числѣ благотворительскіе округа и церковныя причты, мѣщанскія, крестьянскія (волостныя сходы и сельскія общества) и другія всякаго рода общества, въ полномъ составѣ, въ качествѣ юридическихъ лицъ.

ныя своею полезною дѣятельностью, или обладающія спеціальными познаніями въ той или другой изъ отраслей, входящихъ въ обширную компетенцію Общества.

Препровождая при семъ по 5 печатныхъ экземпляровъ: 1) копій съ настоящаго циркуляря, 2) утвержденаго Устава, со спискомъ членовъ, вошедшихъ до сихъ поръ въ составъ Главнаго Управленія Общества, и 3) Сообщенія Учредителя Общества П. А. Мясоѣдова—при торжественномъ открытіи, 12 мая 1906 г., симъ Управленіемъ своихъ дѣйствій 1),— Главное Управленіе имѣетъ честь сообщить, что Общество, согласно §§ 1--3 его Устава, имѣетъ цѣлью способствовать, гдѣ представится возможность, усовершенствованію и развитію мѣстной народной производительности по слѣдующимъ отраслямъ: мелкому сельскому хозяйству, кустарнымъ и другимъ деревенскимъ промысламъ и ремесламъ въ городахъ, путемъ оказанія содѣйствія къ устройству низшихъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ школъ, курсовъ и классовъ, а также хозяйственно-вспомогательныхъ учрежденій и другихъ мѣропріятій, подобно перечисленныхъ въ § 2 Устава Общества.

На основаніи § 3 того же Устава, содѣйствіе Общества къ распространенію практически-образовательныхъ и хозяйственно-вспомогательныхъ заведеній можетъ выразаться: а) въ выясненіи, гдѣ и какого рода изъ означенныхъ заведеній и въ какомъ именно видѣ, по мѣстнымъ условіямъ, наиболѣе полезны и необходимы; б) въ сообщеніи состоящимъ членами Общества учрежденіями и лицамъ, желающимъ открыть то или другое, отвѣчающее цѣлямъ Общества, заведеніе, необходимыхъ свѣдѣній, указаній и руководствъ; въ рекомендаціи полезныхъ дѣятелей и т. п.; в) въ принятіи на себя устройства и содержанія упомянутыхъ заведеній на средства, спеціально для того пожертвованныя Обществу, или ему завѣщанныя, или же предоставленныя въ распоряженіе его, или Мѣстныхъ Комитетовъ Общества, отдѣльными лицами, или правительственными, общественными и другими учрежденіями и частными обществами, и г) въ непосредственномъ, гдѣ представится возможность, устройствѣ Обществомъ поименованныхъ заведеній на свои средства и въ завѣдываніи этими заведеніями, при посредствѣ учреждаемыхъ въ каждой данной мѣстности (городѣ, уѣздѣ или отдѣльной части уѣзда) Комитетовъ Общества.

Вступивъ нынѣ въ новый періодъ дѣятельности Общества, согласно утвержденному Уставу, Главное Управленіе не можетъ не принять во вниманіе, что дѣятельность эта совпадаетъ съ острымъ временемъ нашего

1) Бѣльшее число экземпляровъ приложеній можетъ быти выслано по первому требованію.

внутреннего переустройства и рядомъ бѣдствій, въ сильной степени отозвавшихся на крестьянствѣ и на городскомъ населеніи, при слабой вообще производительности работъ мелкихъ труженниковъ. Для улучшенія такого положенія предстоитъ огромная работа по распространенію среди трудящагося населенія просвѣщенія, по обученію крестьянъ болѣе правильному и обильному извлеченію продовольственныхъ средствъ изъ земли и по ознакомленію тѣхъ же крестьянъ съ занятіемъ какими-либо подсобными промыслами, дающими столь важный для земледѣльца дополнительный, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, заработокъ, въ видѣ ремесель и кустарныхъ производствъ, а также по ознакомленію ремесленниковъ съ улучшенными способами производства и т. п.

Тѣ же мѣропріятія должны служить и для противодѣйствія угрожающему печальными послѣдствіями развитію, такъ называемаго, хулиганства среди деревенскаго и городского подрастающаго поколѣнія, оставляемаго свободнымъ отъ обученія и занятій, такъ какъ съ этимъ явленіемъ, вносящимъ въ населеніе разлагающія начала, можно бороться только путемъ трудового воспитанія и иными насажденіемъ правильно поставленныхъ начальныхъ общеобразовательныхъ, ремесленныхъ, сельско-хозяйственныхъ школъ, приютовъ, колоній и т. п.

Самое свойство предстоящихъ, намѣченныхъ здѣсь задачъ уже указываетъ на невыполнимость ихъ силами однихъ правительственныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, ибо для сего требуется дѣятельное участіе всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ и частныхъ силъ. Но и обособленные успія мѣстныхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ также не могутъ привести къ желательной цѣли, безъ извѣстнаго объединенія и единства въ общемъ направленіи. Въ этомъ отношеніи Общество Улучшенія Народнаго Труда можетъ оказать большую услугу возрождающейся роднѣ, будучи основано для осуществленія именно указанныхъ задачъ. Привлекая, путемъ правильной организаціи, мѣстныя заинтересованныя учрежденія и сочувствующихъ дѣлу лицъ къ совмѣстной работѣ и общей складчинѣ, съ сохраненіемъ за каждымъ права мѣстнаго починка,—Общество можетъ стать дѣйствительнымъ посредникомъ между разрозненными мѣстными начинаніями и оказывать симъ послѣднимъ широкое содѣйствіе при помощи своего Главнаго Управленія и учреждаемыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, по почину мѣстныхъ учрежденій и дѣятелей, Комитетовъ Общества.

Нельзя не отмѣтить, что несмотря на благоприятныя условія, въ которыхъ Общество находилось до утвержденія Устава, все же представилось возможнымъ сохранить, въ полномъ дѣйствіи, открытые въ разное

время въ 8 губерніяхъ Имперіи 12 Мѣстныхъ Комитетовъ Общества 1); такое, хотя и недостаточное, число этихъ мѣстныхъ учрежденій служить, однако, несомнѣннымъ показателемъ жизнеспособности Общества.

Дѣятельность Мѣстныхъ Комитетовъ Общества, активное участіе въ которыхъ, въ качествѣ предсѣдателей и членовъ правленій, принимаютъ много изъ священнослужителей, — проявилась въ открытіи и содержаніи нмѣ слѣдующаго рода заведеній: 1) *два ремесленныя школы*, съ учебными мастерскими по *столярно-токарному, кузнечно-слесарному и колесно-телѣжному дѣлу* для учениковъ, прошедшихъ курсъ начальныхъ училищъ, съ повторительнымъ курсомъ общеобразовательныхъ предметовъ, — въ губерніяхъ: Кіевской и Волынской; 2) *восемь столярно-токарныхъ учебныхъ мастерскихъ*, — въ губерніяхъ: Архангельской, Волынской, Кіевской, Олонецкой, Саратовской и Тамбовской; 3) *четыре кузнечно-слесарныхъ учебныхъ мастерскихъ*, — въ губерніяхъ: Архангельской, Волынской и Кіевской; 4) *два сапожныя учебныя мастерскія*, — въ Архангельской и Саратовской губ.; 5) *ткацкая учебная мастерская*, — въ Кіевской губ.; 6) *три переплетныя*, — въ Архангельской, Калужской и Кіевской губерніяхъ; 7) *семь классовъ женскихъ рукодѣлій*, — въ губерніяхъ: Архангельской, Волынской, Московской и Саратовской; 8) *прачешная и матрацная мастерскія*, — въ Саратовской губ.; 9) *восемь классовъ огородничества, плодоводства и садоводства*, — въ губерніяхъ: Волынской, Калужской, Кіевской, Московской и Олонецкой; 10) *пять классовъ пчеловодства съ пастыками*, — въ губерніяхъ: Волынской и Кіевской; 11) *два опытныхъ поля*, — въ Олонецкой губ.; 12) *классъ корзиночнаго мастерства*, — въ Волынской губ.; 13) *сельско-хозяйственная колонія (пріютъ) для дѣтей крестьянскихъ сиротъ*, — въ Уфимской губ.; 14) *четыре школы грамоты, съ обученіемъ рукодѣліямъ*, — въ Калужской губ.; 15) *три Дома Трудолюбія со Справочными Бюро* для ищущихъ труда и

1) Комитеты эти находятся: въ Архангельской губ. — три Комитета: Пинежскій (уѣздный, въ составѣ 37 членовъ), Кемскій (уѣздный, въ составѣ 34 членовъ) и Шенкурскій, въ составѣ 27 членовъ; въ Волынской губ. — два Комитета: Заславскій (уѣздный, въ составѣ 42 членовъ) и Милуличскій (сельскій, въ составѣ 45 членовъ); въ Калужской губ. — одинъ Комитетъ — Жерелевскій (сельскій, въ составѣ 13 членовъ); въ Кіевской губ. — два Комитета: Звенигородскій (уѣздный, въ составѣ 235 членовъ) и Липовецкій (уѣздный, въ составѣ 129 членовъ); въ Новгородской губ. — одинъ Комитетъ — Устюжскій (въ составѣ 19 членовъ); въ Олонецкой губ. — одинъ Комитетъ — Нарвопольскій (уѣздный, въ составѣ 17 членовъ); въ Полтавской губ. — одинъ Комитетъ — Перелеславскій (въ составѣ 34 членовъ), и въ Тамбовской губ. — одинъ Комитетъ — Липецкій (уѣздный, въ составѣ 26 членовъ).

напомателей, а также общими для желающихъ и учебными мастерскими, въ губерніяхъ: Московской, Новгородской и Саратовской; 16) *лавка* для продажи издѣлій Дома Трудолюбія,—въ Саратовской губ.; 17) *пріютъ для нищихъ*—въ той же губерніи; 18) *воскресныя и народныя чтенія*—устраиваемыя въ шести мѣстностяхъ Калужской, Московской и Полтавской губерній и 19) *три бесплатныя народныя бібліотеки-читальни*—въ губерніяхъ: Волынской и Московской.

Чтобы стать на почву практической, исполнительной дѣятельности, чтобы обезпечить успѣхъ и возможность благотворныхъ результатовъ этой дѣятельности, Обществу Улучшенія Народнаго Труда необходимо привлечь къ свои члены возможно большее число лицъ, обществъ и учреждений; желательно, чтобы вся наша страна, какъ съѣтью покрылась, развѣтленіями этого Общества, которыя, какъ къ центру, сходились бы къ Главному Управленію его, обобщались и, взаимодействуя, дополняли бы другъ друга.

Общественныя земскія и городскія учрежденія, а также Духовенство могли бы въ этомъ дѣлѣ оказать существенное содѣйствіе Обществу Улучшенія Народнаго Труда, вступивъ сами въ члены Общества, озаботившись привлеченіемъ также другихъ извѣстныхъ имъ, мѣстныхъ общественныхъ в со словныхъ учреждений и дѣятелей къ вступленію въ это званіе и указавъ Главному Управленію Общества: а) мѣстныхъ дѣятелей, на содѣйствіе коихъ возможно было бы рассчитывать, съ цѣлью непосредственнаго къ нимъ обращенія Общества; б) какія мѣры и заведенія, изъ числа входящихъ въ кругъ дѣятельности Общества, могли бы наиболѣе отвѣчать мѣстной потребности; в) какоо содѣйствіе вообще, со стороны Общества желательно мѣстнымъ учрежденіямъ и дѣтелямъ получить въ видахъ осуществленія или развитія на мѣстахъ означенныхъ заведеній (учебныхъ мастерскихъ, ремесленныхъ и сельско-хозяйственныхъ школъ, пріютовъ, колоній и т. п.) и г) въ какомъ именно отношеніи чувствуется среди мѣстнаго населенія недостатокъ практическихъ знаній, замѣчены ли Земствами и Городскими Управленіями къ устройству какія-либо школы или заведенія и чѣмъ задерживается ихъ осуществленіе.

Содѣйствіе земскихъ и городскихъ учреждений и духовныхъ лицъ могло бы, сверхъ сего, выразиться въ принятіи мѣръ къ образованію Мѣстныхъ Комитетовъ Общества при помощи коихъ только и можетъ осуществляться на мѣстахъ дѣятельность Общества.

Мѣстные Комитеты могутъ быть образованы въ какомъ-либо городѣ, уѣздѣ, или части его, по почину какъ мѣстныхъ общественныхъ или со словныхъ учреждений, предварительно вступившихъ въ члены Общества, такъ и отдѣльныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, также при условіи

вступленія ихъ въ члены (хотя бы въ члены-Соревнователи, съ ежегоднымъ взносомъ не менѣе 3 рублей ¹⁾).

Для открытія Мѣстнаго Комитета требуется на основаніи Устава Общества (§ 27), не только разрѣшеніе Главнаго Управленія Общества, но и согласіе Губернатора данной губерніи. Поэтому, въ случаѣ желанія какого-либо учрежденія или группы лицъ, вступившихъ въ члены, образовывать Мѣстный Комитетъ, и привлеченія ими достаточнаго для того числа членовъ (не менѣе 10, вступившихъ хотя бы члены-Соревнователи Общества ²⁾); заявленіе о такомъ желаніи должно быть доставлено въ С.-Петербургъ, въ Главное Управленіе Общества, которое непосредственно отъ себя входитъ затѣмъ въ надлежащее отношеніе съ мѣстнымъ Губернаторомъ.

При заявленіи о желаніи образовывать Мѣстный Комитетъ, должны быть представлены Главному Управленію Общества: 1) намѣченныя учредителями Мѣстнаго Комитета цѣли Комитета и программа будущей его дѣятельности и 2) подробный списокъ всѣхъ записавшихся въ данной мѣстности въ Общество членовъ.

Кромѣ того, для ближайшаго опредѣленія назначенія, предметовъ занятій, правъ, обязанностей и внутренняго устройства Комитетовъ, для каждаго изъ нихъ вырабатывается его учредителями (по существующимъ образцамъ) проектъ Особыхъ Правилъ „Наказа“, которыя представляются на утвержденіе Главнаго Управленія и утверждаются имъ не иначе, какъ по соглашенію съ Губернаторомъ данной губерніи (§ 29 Устава). Образцы „Наказовъ“ сообщаются Главнымъ Управленіемъ Общества.

Во избѣжаніе недоразумѣній надлежитъ принять въ особое вниманіе, что на основаніи своей организаціи, Общество Улучшенія Народнаго Труда въ рѣзкое отличіе отъ существующихъ однородныхъ обществъ, которыя сосредоточиваютъ свою дѣятельность, почти исключительно, въ своихъ центральныхъ органахъ (правленіяхъ, совѣтахъ и общихъ собраніяхъ),—представляетъ собою вполне децентрализованное учрежденіе, такъ какъ его Мѣстные Комитеты являются на мѣстахъ какъ бы самостоятельными Обществами Улучшенія Народнаго Труда. Эти Комитеты, какъ сказано выше,

¹⁾ Членскіе взносы, согласно §§ 13 и 14 Устава Общества, установлены слѣдующихъ размѣровъ: 1) Дѣйствительные члены взносятъ единовременно 1000 руб. деньгами или жертвуемымъ имуществомъ, или же ежегодно не менѣе: а) 100 р. учрежденія и б) 50 руб.—отдѣльныя лица; члены-Соревнователи взносятъ единовременно не менѣе—100 руб., или ежегодно: а) 6 руб. учрежденія и б) 8 руб.—отдѣльныя лица.

²⁾ Въ случаѣ образованія одного Мѣстнаго Комитета на цѣлый уѣздъ, или для болѣе значительнаго города необходимо, вступленіе въ Общество не менѣе 20 членовъ, такъ какъ около 10 изъ нихъ должны будутъ войти въ составъ Правленія и Ревизионной Комиссіи Комитета.

дѣйствуютъ на основаніи составляемыхъ ими для себя и утвержденныхъ Главнымъ Управленіемъ Правилъ „Наказовъ“, замѣняющихъ для нихъ уставы, при чемъ каждый Комитетъ имѣетъ своя, періодически созываемыя, собранія членовъ, постоянный исполнительный органъ въ видѣ Правленія и ежегодно избираемую членами Ревизионную Комиссію. Главное же Управленіе Общества служитъ, по отношенію къ Мѣстнымъ Комитетамъ и членамъ общества, связующимъ звеномъ; оно наблюдаетъ за исполненіемъ Устава Общества и изданныхъ имъ Правилъ, направляетъ дѣйствія мѣстныхъ органовъ и учрежденій къ желательному единству и оказываетъ имъ поддержку и содѣйствіи, какъ компетентными указаніями и возбужденіемъ ходатайствъ предъ правительственными учрежденіями, такъ и, въ необходимыхъ случаяхъ, денежными пособіями изъ общихъ суммъ Общества.

Означенныя ходатайства, въ видахъ оказанія помощи мѣстнымъ начинаніямъ, могутъ быть возбуждаемы Главнымъ Управленіемъ по заявленіямъ членовъ Общества и въ тѣхъ случаяхъ когда собранныя ими, или имѣющіяся средства для открытія какой-либо школы или заведенія недостаточны. Напримѣръ, для открытія и содержанія при какомъ-либо общеобразовательномъ училищѣ (городскомъ или сельскомъ) класса ручного труда, или ремесленного отдѣленія, Главное Управленіе Общества можетъ исходатайствовать у Министерства Народнаго Просвѣщенія, на основаніи законовъ 21 Апрѣля 1903 года и 16 марта 1904 года пособие въ размѣрѣ отъ двухъ до четырехъ разъ превышающее сумму ежегодныхъ поступленій изъ мѣстныхъ источниковъ.

О всемъ вышесказанномъ Главное Управленіе Общества циркулярно сообщило всѣмъ Земскимъ и Городскимъ Уравамъ Имперіи, съ просьбой дать по приведеннымъ вопросамъ самые подробные отвѣты и разъясненія для возможности созвать въ С.-Петербургѣ, на поздыѣ Марта сего 1907 года на основаніи §§ 55—65 Устава Общества, первое его Общее Собраніе, которому будутъ доложены свѣдѣнія о предыдущей дѣятельности Общества, а также о поступившихъ въ главную и мѣстныя кассы Общества и израсходованныхъ, въ теченіе 25 лѣтъ существованія Общества, суммахъ.

При этомъ отнесся къ патріотическому чувству земскихъ и городскихъ дѣятелей съ призывомъ придти на помощь осуществленію задачъ Общества, направленныхъ къ улучшенію первобытной обстановки народнаго труда, Главное Управленіе обратило вниманіе на общее признаніе важности и насущной потребности въ широкое осуществленіе мѣръ, входящихъ въ кругъ дѣятельности Общества, какъ по части профессиональнаго обученія, такъ и созданія хозяйственно-вспомогательныхъ заведеній, принесшихъ

много благъ народамъ другихъ цивилизованныхъ странъ. Признаніе это, выразившееся въ указаніи на неотложность упомянутыхъ мѣръ и въ программахъ всѣхъ образовавшихся у насъ, въ послѣднее время, политическихъ партій различныхъ оттѣнковъ, даетъ основаніе надѣяться на успѣхъ начинаній, предпринятыхъ „Обществомъ Улучшенія Народнаго Труда“, которое, отвѣдая требованіямъ всѣхъ партій и само не преслѣдуя политическихъ цѣлей, а единственно культурныя, является безпартійнымъ, слѣдовательно доступнымъ для всѣхъ желающихъ потрудиться на пользу святой родины.

На основаніи сказаннаго, а также полагая, что пастыри церкви, живущіе среди народа и близко знакомые съ его нуждами, могутъ и должны занимать въ патриотическомъ дѣлѣ улучшенія быта и просвѣщенія населенія руководящее положеніе, — Главное Управленіе Общества просило бы благочинныхъ върѣшной Вашему Преосвященству Епархіи: 1) доложить своимъ ближайшимъ благочинническимъ Създамъ о послѣдовавшемъ утвержденіи Устава Общества и объ открытіи дѣйствія его Главнаго Управленія, виѣстѣ со всѣми приведенными въ настоящемъ обращеніи обстоятельствами и соображеніями; 2) предложить благочинническимъ Създамъ вступить въ члены Общества, съ избраніемъ каждымъ изъ нихъ, изъ своей среды, представителя для участія въ дѣлахъ Общества; 3) оказать свое содѣйствіе къ привлеченію въ Общество членовъ и жертвователей, доведи содержащаяся въ семъ обращеніи данныя до свѣдѣнія священнослужителей своего благочинія и извѣстныхъ имъ мѣстныхъ дѣятелей, съ приглашеніемъ тѣхъ и другихъ вступить въ члены Общества и взять на себя починъ и трудъ образованія въ уѣздахъ или городахъ Мѣстныхъ Комитетовъ Общества, и 4) сообщать, какія мѣропріятія, изъ числа мѣстныхъ начинаній, нуждаются вообще въ содѣйствіи для своего осуществленія или развитія и въ чемъ можетъ выразиться это содѣйствіе со стороны Общества Улучшенія Народнаго Труда

Ознакомивъ Ваше Преосвященство съ вышеизложеннымъ и остававшая Ваше благосклонное вниманіе на объясненномъ, крайне желательномъ активномъ участіи духовенства въ Обществѣ, — Главное Управленіе перешиваетъ Ваше Архипастырское благословеніе его общепользымымъ, отвѣчающимъ, въ настоящее время, столь важной государственной потребности, начинаніямъ. Въ цѣляхъ же возможно широкаго ознакомленія мѣстнаго духовенства, а чрезъ него и населенія, съ устройствомъ и дѣятельностью Общества, Главное Управленіе покорнѣе проситъ Васъ, Владыко, не отказать въ распоряженіи о распубликованіи въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ настоящаго отношенія и препровождаемыхъ приложений, съ доставленіемъ Управленію по 3 экземпляра номеровъ Вѣдомостей, въ которыхъ

будутъ напечатаны статьи касающіяся Общества, а равнѣ объ увѣдомленіи, какія мѣропріятія будутъ взмѣчены духовенствомъ для осуществленія задачъ Общества.

Предсѣдатель Распорядительнаго Комитета

Главнаго Управленія *Петръ Мясоѣдовъ.*

И. д. Дѣлпроизводителя Главнаго Управленія *А. Петрушовъ.*

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ПРАВОСЛАВНЫМЪ ХРИСТІАНАМЪ.

Не уможну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь.

Такъ вдохновенно говорилъ, возводя очи свои къ Иерусалиму и Сиону, ветхозавѣтный евангелистъ, пророкъ Божій Исаія, чая въ нихъ будущее спасеніе рода человѣческаго.

Тѣмъ болѣе слѣдуетъ намъ, православнымъ христіанамъ, не успокоиваться ради Иерусалима и Святой Земли, откуда возсіяло для насъ Солнце Правды—Христосъ. Тамъ доселѣ Иерусалимъ, градъ Божій,—и въ немъ Голгоеская скала и трехдневное ложе Спасителя міра, тамъ Вифлоемъ, Назаретъ, Иорданъ, Фаворъ, Елеонъ, Галилейское море. Всѣ эти божественные свидѣтели божественнаго ученія, жизни, вѣстныхъ страданій, смерти и славнаго возстанія изъ мертвыхъ Господа нашего Иисуса Христа соединяютъ съ собою Святую Русь неразрывными узами благоговѣйной памяти и любви. Съ времени крещенія своего наша родина не забывала Святыя мѣсты, ознаменованныхъ земнымъ пребываніемъ Христа Спасителя, и изъ года въ годъ, чрезъ своихъ богомольцевъ, возносила у Гроба Живнодавца моленія за Святую Русь и имѣла тѣсное духовное общеніе съ мѣстными христіанами, посильно имъ помогая. И донынѣ русскіе богомольцы тысячами устремляются подъ вѣчно лазурное небо Земли Обѣтованной, чтобы у подножія ея великихъ Святынь излить свои скорби, уврачевать грѣховную совѣсть и духовно-обновиться. Не долгъ ли и обязанность лежать на насъ поддержать эту съятую ревность къ нашей духовной родинѣ—Святой Землѣ и прійти на помощь благочестивымъ соотечественникамъ въ ихъ многотрудномъ подвигѣ паломничества.

Еще большаго вниманія и состраданія заслуживаютъ неконные жители Святой Земли—православные сирійцы, потомки первыхъ христіанъ, около столѣтія борющіеся съ западными миссіонерами противъ совращенія ихъ въ латвичество и протестантство. Находясь въ угнетеніи и крайней бѣдности, она не имѣютъ ни благолѣпныхъ храмовъ, ни достаточнаго числа школъ и лечебницъ. Отъ глубины души и все настѣйчивѣе они взыва-

ють къ милосердію своихъ единовѣрцевъ, православныхъ россіянь, прося придти къ нимъ на помощь и не дать погибнуть Православнои вѣрѣ въ ея колыбели—Святой Землѣ. Да не втунѣ останутся ихъ молябы!

Не каждаго изъ насъ Господь сподобитъ поклониться Живопосному Гробу Его и узрѣть воочию бѣдственное положеніе православныхъ сирѣтцевъ, но всѣ мы, православные, можемъ внести свою посильную лепту на удовлетвореніе нуждъ страждующихъ къ Святымъ мѣстамъ соотечественниковъ нашихъ и для оказанія поддержки бѣдствующимъ единовѣрцамъ въ Святой Землѣ—черезъ Императорское Православное Палестинское Общество, четверть вѣка стоящее бдительнымъ стражемъ Православія въ земной родинѣ Христа и прилагающее стараніе къ наилучшему устройенію быта русскихъ богомольцевъ въ Святой Землѣ.

Святѣйшій Синодъ, зная и сочувствуя благимъ цѣлямъ Общества, благословилъ его производить сборъ на удовлетвореніе нуждъ православныхъ въ Іерусалимѣ и Святой землѣ во всѣхъ церквахъ Имперіи за богослуженіями въ недѣлю торжественнаго входа Господня въ Іерусалимъ. Къ прискорбію, сборъ этотъ, по случаю позѣтившихъ нашу родину тяжелыя испытаній, за послѣдніе годы оскудѣваетъ, а между тѣмъ онъ составляетъ доселѣ *главнѣйшій источникъ необходимыхъ средствъ* для поддержанія дѣятельности Общества во благо Христовой Церкви и во славу Русскаго имени на магометанскомъ Востоцкѣ.

Съ твердою вѣрою въ отзывчивость русскаго сердца, Императорское Православное Палестинское Общество обращается нынѣ ко всѣмъ христіанамъ съ усердною просьбою оказать свою посильную помощь Русскому дѣлу въ Святой Землѣ и поддержать его въ трудную годину.

Да будетъ наша посильная жертва на Святую Землю въ наступающій праздникъ Верблага Воскресенія духовною ваіюю Христу Спасителю въ память Его торжественнаго входа въ Іерусалимъ предъ крестными страданіями, и какъ благоговѣйная дань Святыиъ Господей да отверзетъ намъ входъ въ Іерусалимъ Небесный. Аминь.

*Императорское Православное Палестинское общество
С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 36.*

КЪ СВѢДѢНІЮ Г.Г. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Контора Редакціи журвала «Вѣра и Разумъ» считаетъ долгомъ заявить, что: 1) По вновь утвержденнымъ Почтамтомъ правиламъ *жалобы на неполученіе какого-либо номера должны быть заявлены подписчиками (письмомъ на имя Конторы Редакціи) немедленно по*

полученіи слѣдующаго нумера. 2) Своевременно полученныя Конторою Редаціи жалобы препровождаются ею въ Почтамтъ и удовлетворяются, но выясненіи ихъ основательности, путемъ справокъ въ мѣстныхъ почтовыхъ учрежденіяхъ. 3) При несоблюденіи подписчиками вышеозначенныхъ правилъ, хотя бы по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ,—Контора лишается возможности передавать ихъ жалобы въ Почтамтъ и можетъ вторично выслать недополученное лишь за особую плату (по 50 коп. за книжку журнала). 4) Отъ лицъ, предпочитающихъ получать журналъ не чрезъ ближайшую Почтовую Контору, а на станціяхъ ж. д., гдѣ не имѣется почтовыхъ учреждений, жалобы Почтамтомъ вовсе не принимаются, и имъ остается только лично принять мѣры къ аккуратному полученію ими журнала; Контора же никакой ответственности на себя не принимаетъ. 5) Если въ какомъ либо номерѣ или книгѣ недостаетъ страницъ, или пѣкоторые страницы чѣмъ либо испорчены, то слѣдуетъ, не возвращая самого нумера или книги, сообщить, какія именно страницы требуются (изъ какого нумера и за какой мѣс. и пр.) и таковыя могутъ быть посланы Конторою.

II.

Содержаніе. II. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 10 марта н. г. Члена Государственнаго Совѣта Проф. Прот. Т. И. Буткевича.—Гвуспал клевета. Харьковецъ.—Миссіонерскій листокъ. Чѣмъ сильно наше сектанство? М.—Изъ общественной жизни Россіи.—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской духовной семинаріи.—Памяти священника о. Стефана Козьменко.—Инопархіальный отдѣлъ.—Добрые труженики на Божіей нивѣ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Новые члены отъ духовенства въ Государственный Совѣтъ.—Узаконеніе браковъ.—Объявленія.

РѢЧЬ ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА, ПРОФ. ПРОТ. Т. И. БУТКЕВИЧА, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ЗАСѢДАНІИ Г. СОВѢТА 10-го МАРТА Н. Г.

Мм. гг.! Я не подписалъ своего имени подъ обсуждаемымъ заявленіемъ 35-ти нашихъ сочленовъ по простой случайности; но вовсе не потому, чтобы я не раздѣлялъ ихъ взглядовъ. 28 лѣтъ лучшей поры своей жизни я отдалъ на служеніе наукѣ и школѣ и—не только школѣ духовной, но и свѣтской—гимназіямъ и университету. Я былъ обязательнымъ членомъ университетскаго совѣта, а потому всегда былъ въ курсѣ дѣла,

зналъ, что дѣлается въ университетскихъ стѣнахъ. За это время я сроднился со школою: я жилъ ея жизнью; ея радости были моими радостями, ея скорби были моими скорбями и жгучею болью проникали въ мое сердце.

Я не знаю, чѣмъ окончится наше освободительное.—а я прямо говорю—революціонное движеніе; не знаю, къ какимъ результатамъ оно приведетъ русское общество, но я увѣренъ, что наши потомки намъ никогда не простятъ того, что мы допустили революціонной волнѣ захватить наши школы—и не только высшія, но и среднія, намъ не простятъ нравственнаго растлѣнія нашей молодежи. Я завидую даже Франціи: въ концѣ XVIII вѣка тамъ совершился радикальный государственный переворотъ, но молодежь оставалась въ школахъ и въ революціонномъ движеніи участія не принимала. Такимъ образомъ, во Франціи сохранились крѣпкія молодыя силы, которыя послѣ переворота и работали на благо и славу своего отечества. Но я не знаю, что будетъ съ Россіей. Конечно, молодости свойственно увлеченіе. Кто не былъ молодъ и кто этого не знаетъ? Ей свойственно и увлеченіе политическое. И такія увлеченія бывали всегда. Но то бывали частные случаи, то были исключенія, то были явленія, обусловленные личными индивидуальными свойствами отдѣльныхъ лицъ, теперь же мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ въ постоянной, хронической формѣ. И я могу назвать даже день, съ котораго эта зараза коснулась нашихъ высшихъ школъ. Это было 27-го августа 1905 года, когда университетамъ были дарованы особыя права, совершенно невѣрно у насъ понятія и даже ложно названія, нигдѣ въ законодательствѣ не встрѣчающимся словомъ „автономія“. Но что такое автономія? Это понятіе опредѣлить, съ одной стороны, довольно легко, а съ другой—весьма трудно. „Автономія“ слово греческое и, собственно, значитъ: самозаконіе, самоуправленіе. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ не только среднія, но и высшія школы возникаютъ по инициативѣ частныхъ лицъ и содержатся на ихъ средства, безъ всякой помощи со стороны правительства, тамъ эти школы дѣйствительно являются автономными: правительство не вмѣшивается въ ихъ внутреннюю жизнь, не вмѣшивается оно и въ жизнь различ-

ныхъ производительныхъ учрежденій—заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ; директоры и преподаватели ведутъ дѣло въ своихъ школахъ такъ, какъ они находятъ лучше.—они дѣйствуютъ на свой страхъ. Отношеніе правительства, какъ и общества къ такимъ автономнымъ школамъ, опредѣляется уже успѣхами, какихъ достигаютъ школы: правительство беретъ на свою службу юристовъ изъ тѣхъ школъ, гдѣ наилучшимъ образомъ преподаются юридическія науки; медиковъ оно беретъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ хорошо поставлено преподаваніе медицины и т. д. То же самое нужно сказать о філологахъ, инженеряхъ, агрономахъ и т. п. Такую автономію я понимаю; но я не понимаю того, что называютъ „автономіею“ у насъ. У насъ профессора университетовъ не всѣ, конечно, но, во всякомъ случаѣ, большинство—использовали дарованныя имъ права, которыя они обозвали автономными, въ такомъ смыслѣ: „Нраву моему не препятствуй! Что хочу, то и дѣлаю!“ Чисто по-русски. Правительство не должно вмѣшиваться въ дѣла нашихъ учебныхъ заведеній: „Учимъ ли мы твоихъ молодыхъ подданныхъ уму-разуму,—наше дѣло; подготовляемъ ли мы съ ними что либо тебѣ враждебное и къ наукѣ не имѣющее никакого отношенія—не твое дѣло!“ Впрочемъ, профессора себя не обидѣли: имъ оказалось нужнымъ и правительство но только, когда?—Правительство имъ нужно, чтобы оно платило имъ за неизвѣстный ему трудъ ихъ жалованіе; правительство имъ нужно для того, чтобы оно постоянно думало, изъ какого бы источника сдѣлать прибавку къ ихъ жалованью; правительство имъ нужно, когда имъ захочется генеральскихъ чиновъ; нужно имъ правительство и для того еще, чтобы ихъ груди увѣшать звѣздами и орденскими лентами. Но скоро г.г. профессорамъ пришлось разочароваться въ своихъ чаяніяхъ. Дѣло-то въ томъ, что автономія была дана не профессорамъ, а университету; въ университетѣ же оказались двѣ стороны—учащая и учащаяся, профессора и студенты: нужно было первымъ подѣлиться съ послѣдними. И вотъ, начинается сближеніе этихъ двухъ элементовъ, единеніе профессоровъ со студентами, которое доходило иногда очень далеко... доходило до того, что одинъ ректоръ вмѣстѣ съ студентами принималъ личное участіе

въ устройствѣ баррикадъ. Я говорю не шутю. Этотъ фактъ сами молодые люди отмѣтили въ адресѣ названному ректору, который напечатанъ въ газетахъ. Скоро, впрочемъ, оказалось, что преимущество „автономное“ было на сторонѣ студентовъ: тамъ и количество, и энергія, и молодость, и дарованія. Естественно, хозяевами университетовъ стали студенты. И что же? прежде всего былъ объявленъ бойкотъ лучшимъ профессорамъ подъ предлогомъ, что они великіе преступники—члены Русскаго Собранія, исповѣдуютъ вѣковѣчныя русскія начала: Православіе, Самодержавіе, Русскую Народность. Признано было невозможнымъ, чтобы политика не соединялась съ наукою. И въ самомъ дѣлѣ—развѣ въ наше время монархистъ можетъ быть хорошимъ математикомъ? А православный человѣкъ—развѣ можетъ быть юристомъ? Русский по происхожденію—можетъ ли знать медицинскую науку? Затѣмъ студенты изгнали инспекцію. Двери университетовъ никѣмъ не оберегаемыя, раскрылись широко, всѣ замки сняты. „Улица! пожалуйте сюда!“ И неудивительно, когда, производя въ стѣнахъ университета обыскъ, полиція иногда находила тамъ множество лицъ и не находила студентовъ. Профессора теперь—повѣрьте мнѣ—сами не знаютъ, что дѣлать съ этой злополучной „автономіей“? Здѣсь упомянули о Харьковскомъ ректорѣ. Что дѣлается въ Харьковѣ, мнѣ хорошо извѣстно. Но что же? Ректоръ Харьковского университета съ отчаяніемъ объявилъ *orbis et urbi*, что если студенты сами не будутъ оберегать свой университетъ отъ посѣщенія постороннихъ лицъ, то единственно вѣрнымъ средствомъ была бы прежняя инспекція и мѣры чисто полицейскія. А сегодня я прочиталъ въ газетахъ сообщеніе, что здѣсь, въ политехническомъ институтѣ, по ночамъ слѣдятъ, по распоряженію начальства, корридорные за тѣмъ, кто ночуетъ въ спальняхъ. Не знаю, чѣмъ для студентовъ корридорные милѣе прежнихъ педелей?! Иногда на засѣданіяхъ университетскаго совѣта мы—бывало—въ шутку говорили: не пригласить ли сюда студентовъ?

Теперь это уже не шутка. Студенты требуютъ, чтобы ихъ представители участвовали въ совѣтскихъ засѣданіяхъ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Впрочемъ, политехническій ин-

стигуть пошелъ дальше: здѣсь профессора сами пригласили на свое совѣщаніе студентовъ. „Будьте, молъ, добры,—выручите насъ изъ бѣды,—посоветуйте, что намъ дѣлать по случаю увольненія нашего директора? Но не значитъ ли это, милостивые государи, что наши высшія школы съ ихъ профессорами находятся уже въ рукахъ студентовъ?“

А возможна ли при такихъ условіяхъ наука?

Естественно ли это? Вы вообразите только, въ какомъ комическомъ положеніи находится профессоръ на своемъ экзаменѣ. Вѣдь онъ не осмѣлится предложить серьезнаго вопроса своему слушателю; у него не станетъ мужества поставить студенту за незнаніе неудовлетворительную отмѣтку. Да, чрезъ неправильно понятую автономію—наука погибла. Я знаю молодыхъ людей, которые за послѣдніе два года ни разу не были на лекціяхъ профессоровъ и теперь получили права врачей и юристовъ. Но это еще не такъ велика бѣда, что наука пала: жили когда то наши предки и безъ университетскихъ врачей, съ простыми бабками, и, быть можетъ, жили на свѣтѣ дольше насъ; безъ ученыхъ юристовъ тоже обходились; но вотъ что горе,—что въ нашихъ школахъ погибло воспитательное значеніе науки. Въ самомъ дѣлѣ,—что это такое—центральный органъ, совѣтъ старость и т. п.? Да, вѣдь, это проявленіе ужаснѣйшаго, варварскаго азіатскаго, деспотизма. Не смѣй имѣть своего убѣжденія; думай и вѣруй такъ, какъ велитъ тебѣ кто-то другой; не смѣй учиться; бойкотируй противъ своей совѣсти такого-то товарища, или такого-то профессора! И это дѣлается тамъ, гдѣ мечтаютъ о свободѣ, гдѣ выше всего должно быть поставлено уваженіе къ чужой личности, гдѣ убѣжденія должны-бы признаваться священными!...

Я обрадовался заявленію 35-ти членовъ Государственнаго Совѣта: мнѣ почуялось, что Совѣтъ дѣлаетъ первый шагъ для того, чтобы рука-объ-руку съ правительствомъ указать Россіи вѣрный путь къ славѣ и процвѣтанію или, по крайней мѣрѣ, къ возрожденію. Но вотъ, когда я былъ уже готовъ идти сюда, я читаю въ „Новомъ Времени“ сообщеніе, что какая-то группа центра уже напередъ постановила проваливать проектируемый запросъ Министерству, при посредствѣ какого-то перехода къ

очереднымъ дѣламъ. Я не повѣрилъ этому сообщенію. Милостивые государи! Да неужели возможно забыть, какой серьезный историческій моментъ мы переживаемъ? Да неужели мы выпустимъ изъ виду, что всякое слово, всякая мысль, высказанная въ этомъ залѣ, быстро расходится по всей Россіи? Вѣдь заявленіе 35-ти членовъ уже отпечатано въ „Новомъ Времени“, а эта газета—говорятъ—расходится въ 200,000 экземпляровъ! О чемъ мы разсуждаемъ?—уже знаетъ вся Россія, и только прислушивается къ тому, что мы скажемъ. Неужели насъ не тронула до глубины души телеграмма кіевскихъ студентовъ на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ о спасеніи ихъ университета? Вѣдь это—воплъ, подобный тому, который слышится только на большой дорогѣ, гдѣ душатъ и грабятъ беззащитныхъ людей! Неужели вы не обратили вниманія на телеграмму изъ Харькова генерала Радзишевскаго, который отъ имени 4000 отцовъ проситъ того-же Предсѣдателя Совѣта Министровъ спасти университетъ, удаливъ изъ него всѣхъ, обращающихъ храмъ науки въ гнѣздо революціи?! Но знайте, что просьбы обращены не къ министрамъ только, но и къ вамъ, члены высшаго законодательнаго учрежденія! Пріймемъ-ли мы на себя, такимъ образомъ, тяжкую отвѣтственность и предъ отдѣльными лицами, и предъ обществомъ, и предъ государствомъ?

Нѣтъ, милостивые государи, я весьма высокаго мнѣнія о Государственномъ Совѣтѣ и его умудренныхъ опытомъ членахъ, чтобы думать, что вы можете равнодушно отнестись къ возбужденному вопросу. Вѣдь наша молодежь—эта наша надежда, это будущее Россіи; но если у государства не станетъ будущаго, то оно уже само не имѣетъ болѣе права на существованіе!...

Г Н У С Н А Я   К Л Е В Е Т А .

Въ „Болоколѣ“ помѣщено „Письмо г. Харьковца“ опровергающее гнусную клевету, которой подвергся со стороны какого-то проходимца, нашъ глубокочтимый Архипастыръ, Архіепископъ Арсеній.

Считаемъ своей пріятной обязанностью перепечатать это прекрасное письмо:

Письмо въ редакцію.

М. г. г. редакторъ!

Въ февральской книжкѣ журнала „Звонарь“ за настоящій годъ помѣщено письмо изъ Харьковской епархіи подъ заглавіемъ „Преемникъ апостоловъ“. Авторъ этого письма скрылъ себя псевдонимомъ „Петръ Гайда“. Письмо это—не памфлетъ, не пасквиль, а еще грязнѣе—самая гадкая, сатанинская клевета на Харьковскаго Архіепископа—Арсенія. Прочитавъ это клеветническое письмо, я возмущился до глубины души и рѣшилъ писать вамъ. Когда „Биржевыя Вѣдомости“ въ прошломъ февралѣ напечатали фантастическое измышленіе о никогда не бывшемъ ограбленіи Архіепископа Арсенія, я молчалъ; но теперь молчать не могу. ибо клевета напечатана не въ пустой газеткѣ, а въ уваженномъ духовномъ журналѣ, отвѣтственнымъ редакторомъ котораго состоитъ не жидовинъ какой нибудь, а протоіерей русской православной церкви Х. Бѣлковъ! Жалкій протоіерей! Впрочемъ, кто оклеветалъ ему Харьковскаго Архiepастыря.—большій грѣхъ имать! Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ была помѣщена шутка—глупая, бессмысленная, но, по крайней мѣрѣ, совершенно безобидная; „Звонарь“ же клевететь съ желаніемъ осквернить и ослѣвать совершенно невиннаго святителя. Такъ, онъ лжетъ, будто бы за четверть часа до пріѣзда Архіепископа Арсенія въ какое то село Старобѣльскаго уѣзда, нанутаный священникъ скоропостижно умеръ. Здѣсь намѣренное извращеніе факта. Въ с. Лашиновкѣ, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ о. Твердохлѣбовъ дѣйствительно умеръ за четверть часа до пріѣзда его въ церковь... викарія Харьковскаго Алексія (Дородницына), но онъ умеръ потому, что страдалъ сильнымъ порокомъ сердца и ожирѣніемъ. Далѣе авторъ письма пишетъ, что Архіепископъ Арсеній и консисторія торгуютъ священническими мѣстами... Это—ужаснѣйшая и возмутительная клевета! Преосвященнѣйшій Арсеній стоитъ, конечно, выше всякой клеветы. Но непростительно будетъ, если секретарь Харьковской консисторіи не привлечетъ къ суду такого отвѣтственнаго редактора, какъ этотъ злосчастный протоіерей Х. Бѣлковъ!... Этого требуетъ честь теперешней конси-

сторіи... До какой степени можно унизиться однако же и протоіереямъ!... Затѣмъ авторъ письма пишетъ, будто бы Архіепископъ Арсеній издѣвался надъ какимъ то казеннокоштнымъ ученикомъ духовнаго училища. Какъ ложь можетъ извратить самыя лучшія чувства человѣка! Архіепископъ Арсеній, самъ сынъ сельскаго дьячка, съ особеннымъ вниманіемъ всегда относится къ положенію вдовъ и сиротъ псаломщиковъ своей епархіи. И вотъ жалкій клеветникъ ставитъ въ вину архипастырю то, что онъ хотѣлъ узнать, какое бѣлье въ училищахъ носятъ сироты псаломщиковъ. Наконецъ, харьковскій клеветникъ выставляетъ Архіепископа Арсенія—человѣкомъ „упитаннымъ“ и невѣжественнымъ, хотя онъ и былъ ректоромъ петербургской академіи. Ясно, что онъ представляется не знающимъ, какую строгую и воздержанную жизнь ведетъ Харьковскій Архипастырь или какую всестороннею образованностію онъ отличается; клеветникъ, должно быть, никогда не былъ въ богатой библіотекѣ его и нарочито умалчиваетъ, какую существенную потребность составляетъ для него книга. Съ схоластической точки зрѣнія можно критиковать проповѣди Архіепископа Арсенія. Но сколько ему труда стоило забыть схоластику, упроститься и стать поистинѣ народнымъ ораторомъ! Войдите въ церковь, гдѣ служитъ Арсеній, и посмотрите: вѣдь каждое богослуженіе съ особенною любовію его окружаютъ тысячи народа,—и это не только въ Харьковѣ, но такъ было и въ Петербургѣ—на Васильевскомъ островѣ. Здѣсь любовь отвѣчаетъ на любовь.

Вѣдь и Преосвященный Арсеній безпредѣльно любитъ простой русскій народъ.

„Вы“ Владыка говоритъ не одному только своему пачальству, какъ утверждаетъ харьковскій клеветникъ, но всѣмъ вообще о.о. протоіереямъ и священникамъ; „ты“ онъ говоритъ діаконамъ и псаломщикамъ; только это „ты“ у него не грубое и надменное, но отеческое, почему никто за это на него и не обижається. Вѣдь еще Пушкинъ сказалъ, что сердечное „ты“ пріятнѣе холоднаго и безсердечнаго „вы“. Что же касается слова „дуракъ“, употребляемаго будто бы Харьковскимъ Архіепископомъ, то если это слово слышалъ авторъ письма по соб-

ственному адресу, такъ Преосвященный Арсеній несомнѣнно—прозорливецъ и умѣетъ узнавать людей.

Оъ точки зрѣнія враговъ Россіи недостатки Архіепископа Арсенія возмутительны: онъ всею душою преданъ кореннымъ началамъ жизни русскаго народа: Православію, Самодержавію и русской народности; значекъ Союза русскаго народа онъ носитъ даже выше Александровской звѣзды. А развѣ это могутъ простить ему наши революціонеры вообще и жидовствующіе протоіереи Вѣлковы въ частности! Между тѣмъ къ такому жидовствующимъ іереямъ принадлежитъ несомнѣнно и харьковскій клеветникъ Петръ Гайда! Онъ подобралъ себѣ вполне подходящій псевдонимъ. („Харьк. губ. Вѣд.“ н. г. № 70).

Харьковецъ.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ЧѢМЪ СИЛЬНО НАШЕ СЕКТАНТСТВО?

Послѣднія событія русской жизни выдвинули для православнаго пастырства весьма много трудныхъ и тяжелыхъ задачъ. Но самая главная изъ нихъ,—это, полагаемъ, задача удержанія въ оградѣ Православной Церкви тѣхъ многочисленныхъ сыновъ ея, которые теперь къ ней принадлежатъ. Конечно, сохраненіе членовъ Церкви, защита паствы, словеснаго стада отъ волковъ, расхищающихъ стадо (Іоан. X, 12)—всегда составляли задачу и обязанность истиннаго пастырства, но настоящее время создало такія условія, при которыхъ эта задача, эта обязанность становится особенно важной и тяжелой, крестной задачей. Съ одной стороны, иноправославныя ученія стали въ особое, привилегированное, сравнительно съ прежнимъ, положеніе и можно думать, что дѣло расширенія привилегій не ограничится указомъ 17 апрѣля 1905 г., но пойдетъ, въ силу возвѣщенной манифестомъ 17 октября 1905 г. „свободы совѣсти“, еще далѣе,—съ другой, въ самой средѣ православныхъ ясно можно видѣть все возрастающій духъ недовѣрія, сомнѣнія, недовольства, какъ порожденіе, разумѣется, нашего времени, полного увлеченія освободительнымъ движеніемъ, отрицанія многого, что еще такъ недавно стояло, какъ незыблемая истина.

Факты недовѣрія къ пастырству, недовольства имъ многочисленны за послѣднее время;—насколько справедливы всѣ упреки по адресу пастырства, обвинявшагося даже, страшно сказать, въ челоуѣконенавистничествѣ, это—другой вопросъ, но факты остаются фактами,—враговъ у Церкви, недовольныхъ пастырствомъ православнымъ значительно усилилось, а при такихъ условіяхъ является какъ нельзя болѣе удобная, воспріимчивая почва для пропаганды иныхъ ученій, въ нашихъ краяхъ, главнымъ образомъ,—сектантскихъ. Поэтому, борьба съ сектантствомъ, широко развивающимъ свою пропаганду, непременно имѣетъ возрасти въ степени силы, напряженности. И изъ предыдущаго уже, кажется, ясно, что борьба эта всей тяжестью должна лечь на пастырство,—тѣ времена, когда переходъ изъ православія всячески былъ стѣсненъ и велъ за собою рядъ ограниченій въ правовомъ и соціальномъ отношеніи, когда самая пропаганда была наказуема закономъ,—безусловно проходятъ, такъ что единственнымъ условіемъ превосходства и побѣды надъ сектантствомъ должна явиться пастырская сила самихъ пастырей, какъ въ чисто правственномъ, такъ и умственномъ отношеніи. Они должны быть во всеоружіи своего ученія и въ то же время ясно представлять, въ чемъ сила и увлекательность противниковъ.

Мы, въ частности, и поставили себѣ задачей сказать нѣсколько словъ о томъ, въ чемъ собственно заключается сила нашего сектантства, въ чемъ нужно видѣть причину его успѣшнаго распространенія.

Сила сектантства несомнѣнно, по нашему мнѣнію, заключается въ *отрицаніи*. Этимъ мы хотимъ сказать то, что не положительное какое либо содержаніе, не положительное превосходство надъ православіемъ такъ увлекательно въ сектантствѣ,—нѣтъ, положительное это содержаніе слишкомъ бѣдно и поверхностно. Дѣйствительно, можемъ ли мы представить себѣ дѣло такимъ образомъ, что вотъ существуетъ православіе, какъ извѣстное христіанское исповѣданіе или міровоззрѣніе и появляется вдругъ, на почвѣ христіанской, новое сектантское ученіе, которое настолько превосходитъ православіе, что положительно увлекаетъ за собой послѣдователей, даетъ имъ провоз-

глашаемыми своими истинами новый свѣтъ жизни, новый путь добра, новое разумѣніе всей жизни? Можемъ ли мы проводить здѣсь такую, на примѣръ, аналогію, какъ:—существовало до Христа язычество, подъ водительствомъ котораго люди измучились и отчаялись, такъ что не видѣли уже свѣта, погибали во тьмѣ и нравственной деморализаціи,—и явилось вдругъ христіанство, которое свѣтомъ новаго ученія, самымъ содержаніемъ своимъ положительно убивало язычество и увлекало изстрадавшіяся массы?

Если бы мы стали на такую точку зрѣнія при разсужденіи о православіи и сектантствѣ, то впали бы въ самыя грубыя ошибки и даже болѣе,—погрѣшили бы, унизили православную Церковь. Нѣтъ, снова повторяемъ, что ‘положительное содержаніе всякаго сектантскаго ученія слишкомъ бѣдно и поверхностно, чтобы равняться ему съ подлинной глубиной и широтой православія. И развѣ несправедливо давно уже подмѣченное явленіе, что самую систему того или другаго сектантскаго ученія высняють собственно православныя богословы, а не сами сектанты? У самихъ сектантовъ, въ большинствѣ случаевъ, относительно положительнаго ихъ ученія существуютъ неясныя, непослѣдовательныя мысли, часто обрывки мыслей, но вотъ какойнибудь православный богословъ, хотя бы съ самой благочестивой цѣлью опроверженія народившейся секты, беретъ эти обрывки, невыясненныя положенія,—сообщаетъ имъ извѣстный характеръ, связь, соединяетъ въ систему, и получается болѣе или менѣе связанное ученіе. Развѣ неизвѣстно, что на примѣръ духоборы, при изложеніи ими своего ученія въ свое время широко пользовались вышедшей о нихъ книгой извѣстнаго философа Новицкаго?

Итакъ, для насъ всегда представлялась несомнѣнною мысль, что сила сектантства вовсе не въ его положительномъ содержаніи, а именно въ *отрицаніи*, какъ и само оно есть явленіе отрицательное и составляетъ продуктъ явленій жизни также отрицательныхъ. Разовьемъ это положеніе.

Сектантъ, въ дѣлѣ совращенія православнаго, всегда начинаетъ съ отрицанія. Онъ прежде всего колеблетъ тотъ строй религіозныхъ воззрѣній, который какъ бы то ни было сло-

жился у православнаго. Поколебать его, отвергнуть—очень нетрудно; принимая во вниманіе то религіозное невѣжество, какое, должно сознаться, широко царитъ еще въ православномъ народѣ,—сектанту помогаетъ въ этомъ случаѣ то же отрицательное, печальное явленіе въ религіозной жизни народа. „Зачѣмъ это, начинаетъ говорить сектантъ простолюдину, у васъ священники? Зачѣмъ вы называете ихъ отцами, наставниками? И держитъ уже раскрытое Евангеліе, и вычитываетъ православному: „отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ. И не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ Наставникъ—Христосъ“ (Мат. XXIII, 9—10). А о священникахъ вашихъ вотъ что сказано,—что они „дѣла свои дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди; расширяютъ хранилища свои и увеличиваютъ воскрилія одеждъ своихъ“ (ст. 5), т. е. одѣваютъ рясы, толкуетъ сектантъ.

Если же смущенный уже православный попытается возразить, что священникъ молится за людей, то сектантъ сейчасъ же развернетъ посланіе къ Евреямъ и прочитаетъ: „всякій священникъ ежедневно стоитъ въ служеніи и многократно приносить однѣ и тѣ же жертвы, которыя никогда не могутъ истребить грѣховъ. Онъ, т. е. Христосъ, однимъ приношеніемъ навсегда сдѣлалъ совершенными освящаемыхъ“ (Евр. X, 11, 14). И священникъ совершенно излишенъ отсюда,—даже болѣе того, каждый изъ насъ самъ себѣ священникъ,—покажетъ сектантъ: „вы родъ избранный, царственное священство, народъ святой, люди, взятые въ удѣлъ (1 Петр. II, 9) и Христосъ сдѣлалъ насъ царями и священниками Богу и Отцу своему (Апок. I, 6).

Или вотъ еще, добавляетъ сектантъ, ваши священники молятся за умершихъ, чтобы Богъ простилъ имъ грѣхи, а гдѣ объ этомъ сказано?—Нигдѣ, а вотъ прямо говорится, что „всѣмъ намъ должно явиться предъ судилище Христова, чтобы каждому получить, соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое“ (2 Кор. V, 10). Разъ я получу воздаяніе соотвѣтственно тому, какъ жилъ въ тѣлѣ, на землѣ, то зачѣмъ же молиться обо мнѣ послѣ смерти, какъ можно

не вѣрить словамъ апостола?—Такъ мало-по-малу распатываетъ сектантъ непрочное знаніе истинъ вѣры простолюдина, а именно и распатываетъ потому, что оно непрочное,—бѣда наша въ этомъ.

Но бываетъ иногда, что авторитетъ пастыря все-таки высоко стоитъ въ глазахъ православнаго простолюдина, онъ хотя и не можетъ возразить сектанту по пунктамъ ученія, но однако съ недовѣріемъ относится къ словамъ сектанта,—„не обманывалъ бы батюшка, если бы все это неправда была. Но у сектанта готовы доводы и противъ этого,—тяжелыя обстоятельства положенія православнаго пастыря используются имъ, какъ нельзя лучше. „А для чего, говоритъ онъ, священникъ вотъ скрываетъ отъ тебя правду,—да для того, чтобы послѣднюю копейку, вытянуть изъ тебя! Вспомни, молился ли за тебя, прощалъ ли тебѣ грѣхи священникъ хоть разъ даромъ, безъ денегъ? Никогда,—нѣтъ уже у тебя ни копейки, такъ онъ долгъ за тобой запишетъ. А въ писаніи что сказано? „Пасите Божіе стадо, какое у Васъ, надзирая за нимъ' не принужденно, но охотно, не для гнусной корысти, но изъ усердія“ (1 н. V, 2). И ап. Павелъ говоритъ: „ни сребра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не пожелалъ. Сами знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшимъ при мнѣ послужили руки мои сіи“ (Дѣян. XIX, 33—34). Но еще хуже, если сектанту извѣстны личные нравственные проступки пастыря,—тогда онъ уже совершенно старается очернить его, а отъ него переходить почти всегда и ко всему приходу и начинаетъ разбирать, сколько бѣдноты,—а кто помогаетъ ей, сколько ссоръ, пьянства, ругательства, воровства, обмана между православными и кончаетъ тѣмъ, что они не-христиане. Христиане вотъ такъ должны жить, такъ любить другъ друга и вычитываетъ многочисленные цитаты...

Ясно изъ написаннаго, какая благоприятная почва для сектантства въ отрицательныхъ сторонахъ православной жизни и какая сила, при совращеніи, заключается въ отрицательномъ методѣ сектанта. Но мы пойдемъ еще далѣе. Сектантъ не ограничивается критикой православнаго вѣроученія, критикой жизни православныхъ, но переходитъ и на политическую почву и

тутъ выступаетъ съ отрицаніемъ. Тотъ несомнѣнный фактъ, что большинство нашихъ сектъ не суть только тѣ или другія религіозныя ученія, но носятъ и тенденціозную политическую окраску. Идеи, напримѣръ, социализма очень распространены среди нѣкоторой части сектантства. Сектантъ знаетъ, что Церковь молится о побѣдѣ на войнѣ, освящаетъ суды, присягу, а Христосъ будто бы запретилъ молиться объ этомъ, судить, запретилъ присягать и т. д. Онъ перейдетъ и въ тому, какая неправда у многочисленныхъ чиновниковъ, какъ они будто бы обманываютъ народъ, мучатъ его, а священникъ всегда заодно съ чиновникомъ, дружитъ съ нимъ,—они вмѣстѣ тѣснятъ мужика и т. д. Ясно, такимъ образомъ, что тутъ сплошь одно отрицаніе, основанное на непониманіи или извращеніи явленій жизни. Какую же, дѣйствительно, благодарную почву должно находить себѣ это отрицаніе въ многочисленной средѣ недовольныхъ жизнью, когда имъ будто бы указываютъ самую причину ихъ тяжелаго положенія, указываютъ обидчиковъ... Но что взамѣнъ дастъ православному сектантство? Какую-либо глубину новаго ученія? Но бѣдно оно, необоснованно, и можетъ ли сравняться съ глубиной истиннаго православія? Христіанская ли жизнь у сектантовъ? Но это большой еще вопросъ, чья жизнь въ общемъ нравственнѣе—православныхъ или сектантовъ? Нѣтъ, не въ положительномъ содержаніи своемъ сильно сектантство, а именно въ отрицаніи.

Поэтому,—если говорить о борьбѣ съ сектантствомъ, то нужно, по нашему убѣжденію, обратить самое серьезное вниманіе именно на эту клевету сектантства. Конечно, предметомъ борьбы, опроверженія должно быть и положительное ученіе сектантства, но не въ немъ главная сила. Задача времени—*вырвать почву*, на которой стоитъ сектантство, развить правильное пониманіе тѣхъ мнимо отрицательныхъ явленій въ православной Церкви, которыя вызываютъ прозелитизмъ въ сектантство. Наше православное крестьянство въ большинствѣ религіозно-невѣжественно, приходская жизнь находится въ полнѣйшемъ разложеніи,—братской приходской жизни, приходской христіанской общины—нѣтъ... Священникъ удаленъ отъ

прихода, — онъ нерѣдко совершитель только Богослуженія, требъ, а не учитель жизни, не пастырь стада...

Требуется обновленіе пастырской дѣятельности. Необходимость оживленія, обновленія церковной жизни признана, и мы зовемъ только духовенство къ тому, чтобы оно не пропустило момента, страхнуло вѣковой сонъ. И мы вѣримъ, что обновленная Церковь, при матеріальной поддержкѣ государствомъ, широко разовьетъ свою дѣятельность, какъ религіозно-просвѣтительную, такъ и нравственно-воспитательную; разовьется приходская жизнь, появятся прежнія братства... А при религіозномъ просвѣщеніи народа, при широкомъ развитіи приходской жизни, при высокомъ авторитетѣ пастыря, гораздо труднѣе уже будетъ сектантству находить послѣдователей. Оно столкнется съ хорошо организованной просвѣщенной приходской общиной и не устоитъ, почва у него будетъ подорвана.

М.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ.

(Открытіе второй Государственной Думы.—Правительственная декларация.—Речь Препосвященнаго Епископа Платона.—Речь пресѣдателя Совѣта министровъ, произнесенная 6-го марта въ засѣданіи Государственной Думы и впечатлѣніе, ею произведенное).

Открытіе второй Государственной Думы послѣдовало 20-го февраля с. г. Къ началу 12 часа въ этотъ день Екатерининская зала Таврическаго дворца была уже многолюдна: здѣсь находились облаченное въ золотыя ризы духовенство, многочисленный парядъ чиновниковъ Государственной канцеляріи въ служебныхъ вицмундирахъ, при орденахъ и лентахъ, многіе сановники, въ томъ числѣ и всѣ министры съ премономъ Столыпнымъ во главѣ. Высочайше назначенъ открывать Государственную Думу вице-предсѣдатель Государственнаго Совѣта И. Я. Голубевъ. Члены Государственной Думы представляли собою пеструю смѣсь лицъ и одеждъ; они полукругомъ установились позади духовенства, выстроившагося предъ иконою Николая Чудотворца.

Молебствіе совершали: митрополитъ Антоній, епископы-члены Г. Думы—Платонъ Чигиринскій и Евлогій Холмскій, въ сослуж-

женіи архим. Мефодія и Діонисія и причта Исаакіевскаго собора, Пѣль также исаакіевскій хоръ. Послѣ Евангелія высокопреосвященный митрополитъ обратился къ членамъ Думы съ слѣдующею рѣчью:

„Возлюбленные братья о Христѣ! Сегодня среди насъ, собравшихся здѣсь для строенія дѣла Государева, по Его монаршей волѣ, мы мысленно переносимся къ началу христіанской исторіи, когда Господь Самъ избралъ Себѣ помощниковъ, которымъ поручилъ апостольское служеніе. Господь избралъ изъ нихъ 12. Когда изъ этого апостольскаго числа, избраннаго Господомъ, былъ Іуда, тогда уже сами апостолы замѣнили его и избрали на такихъ условіяхъ:

„Изберемъ, говорили они, одного изъ тѣхъ, которые всегда находились съ нами и обращались среди насъ, начиная со дня крещенія Іоаннова до того дня, когда Господь вознесся,—чтобы онъ былъ вмѣстѣ съ нами свидѣтелемъ Христова Воскресенья“.

Т. о. апостолы не прямо избирали кого нибудь на дѣло своего служенія: они избрали лицо, которое знало жизнь Христа, Его ученіе, которое было свидѣтелемъ всѣхъ Его великихъ божественныхъ дѣлъ и призвали съ тѣмъ, чтобы былъ свидѣтелемъ проповѣди Его ученія.

Т. о. если примѣнять эти великія начала къ этимъ избранникамъ народа, призваннымъ теперь для рѣшенія дѣлъ и устроенія блага и счастья страждущей нашей родины, намъ требуется исторія подготовки историческихъ событій,—ананіе тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ росло и крѣпло русское государство. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо носить въ сердцѣ твердое представленіе о томъ, зачѣмъ пришли, что призваны дѣлать. Апостолы избрали тѣхъ, которые должны быть свидѣтелями о воскресеніи Христа; вы, избранные, призваны къ тому чтобы свидѣтельствовать по чести, по совѣсти и правдѣ о нуждахъ народа. Нужно устремить все свое пониманіе на то, чтобы усвоить всѣ начала христіанской жизни и служить на пользу дорогой Родины.

Благо Родины понимается различно—разными людьми. Вѣдь и Господь воскресшій различно являлся Своимъ ученикамъ. Нѣкоторымъ Онъ являлся въ видѣ виноградаря, нѣкоторымъ являлся въ видѣ путника, иные готовы были принять Его за призракъ, а иные даже выказали недостатки вѣры въ то, что Онъ воскресъ. Но внимательное отношеніе къ явленіямъ Христа, къ Его рѣчамъ укрѣпляло вѣру и всѣ утверждались въ ней.

Итакъ, принимая это положеніе къ настоящему собранію и къ открытію предстоящихъ засѣданій Г. Д., я не вхожу въ задачи чисто политическаго свойства предстоящей Думы, которыхъ я не знаю и не имѣю для этого достаточной подготовки, я лишь молюсь, чтобы Господь услышалъ молитвы наши, чтобы Господь всѣмъ избранникамъ народа помогъ обратить вниманіе не на то, чтобы побѣдить своихъ противниковъ, а на то, чтобы работать на благо всѣмъ.

Никогда не надо забывать въ минуту расгоряченнаго спора эти существенныя стороны—думать только о томъ на какой сторонѣ будетъ побѣда,—это вредно отзывается на томъ, дѣлѣ, ради котораго созвана Г. Дума. Нужно обратить все вниманіе на работу, на изученіе дѣла, нужно понять истинныя основы жизни и благо родины нашей, не споря, а дружно приступить къ совмѣстной работѣ, къ разсмотрѣнію тѣхъ дѣлъ, какія будутъ предстоять Думѣ.

Совершая настоящее моленіе, закончимъ его молитвеннымъ пожеланіемъ. Да будетъ предстоящая Дума Государственная, на которую весь народъ смотритъ съ упованіемъ, не шумливой, не говорливой, но да будетъ она Думой вдумчивой, думающей, разумной работницей. Да благословитъ Господь васъ на ваше святое и великое дѣло“.

Молебствіе закончилось царскимъ многолѣтіемъ Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ и Наслѣднику Цесаревичу, а затѣмъ Державѣ Россійской, Членамъ Государственной Думы. Послѣ пѣнія «Опаси Господи»,—послышались сначала отдѣльные голоса, но затѣмъ дружно подхваченные массою—«гимнъ», «гимнъ». Пѣвчіе зашѣли родное, дорогое „Боже Царя храни“.

По окончаніи гимна раскатилось громкое „ура, ура!“

Духовенство начало разоблачаться, а депутаты стали занимать свои мѣста.

„Члены монархическихъ партій, по словамъ газеты «Свѣтъ», только по окончаніи гимна, вошли въ залъ засѣданія. Члены Думы другихъ партій начали занимать свои мѣста въ этомъ залѣ нѣсколько раньше.

Зала засѣданія переполнена. Красивая величественная и незабываемая картина! Почти всѣ мѣста для депутатовъ, расподоженымъ амфитеатромъ, заняты депутатами ¹⁾. Какая смѣсь ко-

¹⁾ Распредѣленіе по параллельности въ партіямъ являлось Государственной Думы.

стюмовъ: фракці, мундиры, сюртуки, рясы, сѣрмяки, свитки, національные костюмы малороссовъ, литовцевъ, башкировъ. Рѣдко среди депутатовъ можно встрѣтить „фракъ“, больше всего простыя „мужицкія“ одѣянія. Уже теперь говорятъ, что собралась „мужицкая“ Дума. Нѣкоторые изъ татаръ въ тюбейкахъ на головѣ; у одного изъ представителей восточныхъ губерній—чалма. Любопытство, нервное настроеніе чувствуется на лицахъ многихъ. Тихій говоръ заполняетъ залъ.

На хорахъ, точно въ ложахъ театра царитъ иная жизнь. Вотъ ложа дипломатическаго корпуса; военные агенты въ парадной формѣ; рядомъ съ ними жены, сестры членовъ Думы, гости дворца „Великолѣпнаго князя Тавриды“, бывшіе депутаты, министры, тузы биржи и корреспонденты газетъ, не нашедшіе мѣста въ ложѣ журналистовъ*.

Въ 1 ч. дня на предсѣдательское мѣсто входитъ д. т. с. И. Я. Голубевъ, въ сопровожденіи Государственнаго Секретаря, барона Иксуля. Въ залѣ водворяется полная тишина.

Первое засѣданіе Государственной Думы открыто было въ 1 часъ 3 минуты пополудни.

Товарищъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта И. Я. Голубевъ, занявъ предсѣдательское мѣсто, три раза клапается Думѣ: центру, правой и лѣвой и предлагаетъ государственному секретарю огласить текстъ Именного Высочайшаго указа, на его

Избрано 466 членовъ Государственной Думы, въ томъ числѣ:

I. Монархистовъ—89, изъ нихъ: „монархистовъ“—31, правыхъ 37, и безпартийныхъ правыхъ—21.

II. Умѣренныхъ—48, изъ нихъ правопорядцевъ—1, октябристовъ и примыкающихъ къ нимъ—22, „умѣренныхъ“—10, партія центра—5, монархистовъ-демократовъ—1, безпартийныхъ умѣренныхъ—4.

Всего монархистовъ и умѣренныхъ 182.

III. Лѣвыхъ—288, изъ нихъ: обновленцевъ и примыкающихъ къ нимъ—2, партія демократическихъ реформъ—1, прогрессистовъ—29, к.-д. и примыкающихъ къ нимъ—75, лѣвѣе к.-д.—9, трудовиковъ и примыкающихъ къ нимъ—30, христіанскихъ социалистовъ—1, народныхъ социалистовъ—3, с.-д.—48, с.-р.—11, „лѣвыхъ“—37, крайнихъ лѣвыхъ—5, безпартийныхъ лѣвыхъ—22, радикаловъ—3, безпартийныхъ—12.

IV. Принадлежащихъ къ національнымъ партиямъ—46, изъ нихъ: народовцевъ—35, угодовцевъ—1, польскихъ прогрессистовъ—1, польскихъ прогрессистовъ-демократовъ—1, литовцевъ националистовъ-демократовъ—2, „дашнакцутювъ“—3 и украинофильсовъ умѣренныхъ—1, националистовъ правыхъ—1.

V. Членовъ Государственной Думы, партійная принадлежность которыхъ неизвѣстна—1.

мя, о порученіи открыть ему первое засѣданіе Государственной Думы второго созыва.

Государственный секретарь оглашаетъ текстъ Высочайшаго указа.

Затѣмъ И. Я. Голубевъ сказалъ слѣдующее:

„Возложивъ на меня почетное порученіе открыть засѣданія Государственной Думы въ составѣ избранныхъ населеніемъ въ семь 1907 году членовъ ея, Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ привѣтствовать отъ Высочайшаго Его Имени членовъ Государственной Думы, Всемилостивѣйшимъ пожеланіемъ—*да будутъ, съ Божіей помощью, труды ваши въ Государственной Думѣ плодотворны для блага дорогой Россіи*“.

При этихъ словахъ всѣ «правые» встаютъ съ своихъ мѣстъ и стоя выслушиваютъ ихъ до конца. Между тѣмъ какъ другіе къ изумленію всѣхъ продолжаютъ сидѣть.

Д. т. с. Голубевъ, напомнивъ, затѣмъ, что члены Государственной Думы собрались въ числѣ превъшающемъ установленный учрежденіемъ о Государственной Думѣ законный составъ для дѣйствительности ея засѣданій, поэтому временный предсѣдатель собранія предложилъ Гос. Секретарю огласить статью 31 прав. 18 сент. 1905 г. о порядкѣ открытія Гос. Думы. Статья оглашается.

Предсѣдатель, на основаніи этой статьи, проситъ депутатовъ выслушать текстъ торжественнаго обѣщанія, скрѣпить его письменный текстъ своею подписью, а затѣмъ—избрать изъ своей среды постоянного предсѣдателя.

Вотъ текстъ торжественнаго обѣщанія членовъ Государственной Думы.—„Мы, нижепоименованные, обѣщаемъ предъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности членовъ Гос. Думы по крайнему нашему разумѣнію и силамъ, храня вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому и памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи, въ удостовѣреніе чего и подписуемся“.

По прочтеніи текста обѣщанія И. Я. Голубевъ предложилъ всѣмъ депутатамъ пройти по одиночкѣ на кафедру и подписать упомянутое обѣщаніе.

Въ 1 часъ 45 мин. д. т. с. Голубевъ, заявилъ, что теперь согласно закону г. г. члены Государственной Думы должны приступить къ выбору предсѣдателя.

Чиновники стали обходить всѣхъ членовъ Думы и предлагать имъ опустить въ баллотировочные ящики записки съ фамиліей желаемого предсѣдателя.

Особая комиссія, въ составѣ кн. Долгорукова, Кузьмина-Караваева, Караваева, Бобринскаго и Полякова занялась подсчетомъ записокъ и въ 2 ч. 23 м. дня предсѣдатель объявилъ результаты баллотировки.

Получили голосовъ: Ф. А. Головинъ (ка-детъ)—331, Хомяковъ (окт.)—91, А. Кузьминъ-Караваевъ (д. р.)—3, М. Стаховичъ (м. об.)—2, Тесленко (лѣвѣе ка-детъ) —1. Всѣ кромѣ Ф. А. Головина, отказались отъ баллотировки.

Д. т. с. Голубевъ объявилъ результатъ подсчета записокъ и обратился къ кандидатамъ въ предсѣдатели въ Государственную Думу съ вопросомъ: желаютъ ли они баллотироваться. Всѣ, кромѣ г. Головина, отказывались отъ баллотировки. Ф. А. Головинъ соглашается.

Депутаты подходили къ ящикамъ по вызову дѣйств. т. сов. Голубева. Вызывались въ алфавитномъ порядкѣ губерній и областей. Въ 3 ч. 46 м. было объявлено, что предсѣдателемъ Госуд. Думы избранъ Ф. А. Головинъ. Онъ получилъ избирательныхъ 351, а неизбирательныхъ 102 голоса.

Избраніе Ф. А. Головина, бывшаго предсѣдателя московской губернской земской управы, было встрѣчено апплодисментами „центра“ и „лѣвыхъ“.

Когда Ф. А. Головинъ, по приглашенію д. т. с. Голубева, взошелъ на трибуну: онъ поклонился депутатамъ и затѣмъ сказалъ:

„Памятуя, что народъ послалъ насъ для исполненія обязанностей, я принимаю на себя обязанности предсѣдателя Думы. Велика честь, которая мнѣ оказана, велика моя благодарность вамъ. Я сдѣлаю все, что смогу, чтобы оправдать ваше довѣріе. Я надѣюсь, что, не смотря на различіе воззрѣній и взглядовъ, мы всѣ объединимся для плодотворной законодательной дѣятельности.

Защищая свободу слова, я сочту своею обязанностью оберегать достоинство Государственной Думы.

Мы всѣ знаемъ, чего страна ожидаетъ отъ Думы. Прямой путь къ достиженію этихъ народныхъ стремленій намѣченъ первой Государственной Думой. Онъ останется такимъ же для второй Государственной Думы. Первая Государственная Дума намѣ-

тила ихъ и формулировала ихъ, вторая Государственная Дума, надо надѣяться, ихъ осуществить. Государственная Дума въ единеніи съ Монархомъ, неудержимо пойдетъ впередъ и осуществить народныя надежды.

Господа, согласно закону, по избраніи предсѣдателя Думы, послѣдній долженъ доложить Государю о своемъ избраніи. Поэтому объявляя первое засѣданіе Государственной Думы закрытымъ, я о второмъ засѣданіи извѣщу депутатовъ повѣстками“.

Первое очередное засѣданіе Государственной Думы состоялось 23-го февраля. Вскорѣ же по открытіи Государственной Думы, именно 6 марта, Предсѣдатель Совѣта министровъ П. А. Столыпинъ предложилъ вниманію членовъ Думы и ясное указаніе отношенія Правительства къ предпринимаемымъ реформамъ въ русской жизни.

„Предъ началомъ совмѣстной съ Государственной Думой дѣятельности я считаю, говорилъ г. премьеръ-министръ, необходимымъ съ возможной полнотою и ясностью представить созванному волею Монарха законодательному собранію общую картину законодательныхъ предположеній, которыя министерство рѣшило представить его высокому вниманію. Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію существа отдѣльныхъ законопроектовъ, прежде чѣмъ попытаться освѣтить руководящую идею правительства, я не могу не остановить вниманія Государственной Думы на положеніи, которое займетъ правительство по отношенію вносимыхъ имъ законопроектовъ. Я разумію существо и порядокъ ихъ защиты.

Въ странѣ съ установившимся правительственнымъ строемъ отдѣльные законопроекты являются въ общемъ укладѣ законодательства естественнымъ выраженіемъ новыхъ назрѣвшихъ потребностей и находятъ себѣ готовое мѣсто въ общей системѣ государственнаго распорядка. Въ такомъ случаѣ законъ, прошедшій всѣ стадіи естественнаго созрѣванія, является настолько усвоеннымъ общественнымъ самосознаніемъ, всѣ его части настолько понятны народу, что разсмотрѣніе, принятіе или отклоненіе его является дѣломъ не столь сложнымъ, и задача правительственной защиты его сильно упрощается. Не то конечно, въ странѣ, находящейся въ періодѣ перестройки, а слѣдовательно, и броженія. Тутъ не только каждый законопроектъ, но каждая отдѣльная его черта, каждая особенность могутъ чувствительно отозваться на благѣ страны и характерѣ будущаго законодательства. При множествѣ и новизнѣ вносимаго въ жизнь народа необ-

ходимо связать всѣ отдѣльныя правительственныя предположенія одной общемою мыслью, мысль эту выяснить, положивъ ее въ основаніе всего строительства и защиты ея, поскольку она проявляется въ томъ или другомъ законопроектѣ. Затѣмъ слѣдуетъ войти въ оцѣнку той мысли, которая противопоставляется мысли законопроектѣ, и добросовѣстно рѣшить совмѣстима ли, она по мнѣнію правительства, съ благомъ государства, съ его укрѣпленіемъ и возвеличеніемъ и потому пріемлима ли она. Въ дальнѣйшей же выработкѣ самыхъ законовъ нельзя стоять на опредѣленномъ построеніи, необходимо учитывать всѣ измѣненія, требуемая жизнью, и, если нужно, подвергать законопроекты переработкѣ, согласно выяснившейся жизнью правдѣ. Въ основу всѣхъ тѣхъ правительственныхъ законопроектѣ, которые министерство вноситъ нынѣ въ Государственную Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будетъ проводить во всей своей послѣдующей дѣятельности. Мысль эта—создать тѣ матеріальныя нормы, въ которыхъ должны воплотиться новыя правоотношенія, возникающія изъ всѣхъ реформъ послѣдняго времени. Преобразованное по волѣ Монарха отечество наше, должно превратиться въ государство правовое, такъ какъ, пока писанный законъ не опредѣлитъ обязанностей и не оградитъ правъ отдѣльныхъ русскихъ подданныхъ, права эти и обязанности будутъ находиться въ зависимости отъ толкованій и воли отдѣльныхъ лицъ, т. е. не будутъ точно установлены. Правовыя нормы должны покоиться на точномъ, ясно выраженномъ законѣ, еще и потому, что иначе жизнь будетъ постоянно порождать столкновенія между новыми основами общественности и государственности, получившими одобреніе Монарха, и старыми установленіями и законами, находящимися съ ними въ противорѣчій или не обнимающими новыя требованія законодателя, а также произвольное пониманіе новыхъ началъ со стороны частныхъ и должностныхъ лицъ. Вотъ почему правительство главнѣйшей своей обязанностью сочло представить на уваженіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта цѣлый рядъ законопроектѣ, устанавливающихъ твердые устои и новоскладающейся государственной жизни Россіи. Но, прежде чѣмъ перейти къ выработаннымъ законопроектамъ, я долженъ упомянуть о тѣхъ законахъ, которые, въ виду ихъ чрезвычайной важности и спѣшности, были проведены въ порядкѣ статьи 87 основныхъ законовъ и подлежатъ также разсмотрѣнію Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Не

останавливаясь на законопроектахъ, ведущихъ къ равноправію отдѣльныхъ слоевъ населенія и свободѣ вѣроисповѣданій, срочность осуществленія которыхъ не нуждается въ разъясненіи, считаю долгомъ остановиться на проведенныхъ въ порядкѣ чрезвычайномъ законахъ объ устроеніи быта крестьянъ. Настоятельное принятіе въ этомъ направленіи самыхъ энергичныхъ мѣръ настолько очевидно, что не могло подвергнуться сомнѣнію. Невозможность отсрочки его выполненія, неоднократно выраженная воля Царя и настойчиво повторявшіяся просьбы крестьянъ, изнемогающихъ въ земельной неурядицѣ, ставили предъ правительствомъ обязательство немедленныхъ мѣропріятій, могущихъ предупредить совершенное разстройство самой многочисленной части населенія. Въ тому же на правительствѣ, рѣшившемъ не допускать даже попытокъ крестьянскихъ насилій и безпорядковъ, лежало нравственное обязательство указать крестьянамъ законный выходъ въ ихъ нуждѣ. Въ этихъ видахъ изданы были законы о предоставленіи крестьянамъ земель государственныхъ, а Государь повелѣлъ передать на тотъ же предметъ земли удѣльные и кабинетскія на началахъ, обеспечивающихъ крестьянское благосостояніе.

Для облегченія свободнаго пріобрѣтенія земель частныхъ и улучшенія надѣльныхъ измѣненъ уставъ Крестьянскаго банка въ смыслѣ согласно съ существующимъ уже въ законѣ, но оставшемся мертвой буквой, разрѣшеніемъ залога надѣльныхъ земель въ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, при чемъ приняты всѣ мѣры въ смыслѣ сохраненія за крестьянами ихъ земель. Наконецъ въ цѣляхъ достиженія возможнаго выхода крестьянъ изъ общины, изданъ законъ, облегчающій переходъ къ подворному и хуторскому владѣніямъ, при чемъ устраниено всякое насиліе въ этомъ дѣлѣ и отмѣняется лишь насильственное прикрѣпленіе крестьянъ къ общинѣ, уничтожая закрѣпощеніе личности, несовмѣстимое съ понятіями о свободѣ человека и человѣческаго труда. Всѣ эти законы вносятся на разсмотрѣніе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. По наряду съ неотложными, уже вошедшими временно въ дѣйствіе законами правительство изготвило въ области внутренняго управленія еще цѣлый рядъ законовъ, которые внесетъ въ нынѣшнюю сессію. Прежде всего правительство сочло своимъ долгомъ выработать законодательную форму, для тѣхъ основныхъ правъ, возвыщенныхъ манифестомъ 17 октября, которыя еще закономъ не установлены.

Тогда какъ свобода слова, печати, собраній и союзовъ опредѣлены временными, правилами, свобода совѣсти и неприкосновенность личности, жилищъ, тайна корреспонденціи остались не нормированными еще законодательствомъ, вслѣдствіе чего, въ цѣляхъ выполненія задачи проведенія въ жизнь началъ вѣротерпимости, правительство вмѣнило себѣ прежде всего въ обязанность подвергнуть пересмотру всѣ дѣйствующія отечественныя законодательства и выяснитъ всѣ измѣненія, которымъ оно должно подлежать въ цѣляхъ согласванія съ указами 17 апрѣля и 17 октября 1905 года.

(Окончаніе будетъ)

Архіерейскія богослуженія.

Въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвергъ 1-й седмицы Велвкаго поста Его Высокопреосвященство Архіепископъ Арсеній читалъ великій канонъ въ Крестовой церкви въ 6 час. веч.; въ тѣ же дни Преосвященный Епископъ Евгений читалъ великій канонъ въ Каѳедральномъ соборѣ въ 4 час. пополудн.

— 7-го марта, въ среду, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ Преждеосвященную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ, а Преосвященный Епископъ Евгений — въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря.

— 9-го марта, въ пятницу, Преждеосвященную литургію совершали: Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря, а Преосвященный Епископъ Евгений въ Каѳедральномъ соборѣ. Въ тотъ же день въ 4 часа Преосвященный Евгений служилъ пассію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря, на которой была произнесена проповѣдь соборнымъ священникомъ о. Васиіемъ Яновскимъ.

— 10 марта, въ субботу, Преосвященный Епископъ Евгений въ Каѳедральномъ соборѣ читалъ акаѳистъ Божіей Матери и совершалъ литургію, на которой діаконъ Успенской церкви г. Зміева Михайлъ Замараевъ былъ рукоположенъ во священника къ Митрофановской церкви с. Климовка, Старобѣльскаго уѣзда и псаломщикъ

Казанской церкви с. Нпжвей-Ореля, Зміевского уѣзда, Сергій Оедоровъ—во діакона къ Успенской церкви г. Зміева.

— 11-го марта, въ недѣлю православія, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ раннюю литургію въ Крестовой церкви, причемъ рукоположилъ діакона Александро-Невской церкви 1-й Харьковской гимназіи, Василя Жуковского, во священника къ Троицкой церкви с. Ново-Россоши, Старобѣльскаго уѣзда.

Въ тотъ же день Преосвященный Епископъ Евгений совершалъ литургію въ Каѳедральномъ соборѣ въ сослуженіи соборнаго духовенства. Прв этомъ служеніи, діаконъ Амвросіевской церкви Епархіальнаго сиротскаго пріюта, Александръ Найдовскій рукоположенъ во священника къ Петро-Павловской церкви с. Лимана, Изюмскаго уѣзда. За литургіей была произнесена проповѣдь протоіереемъ о. Іоанномъ Пвчетою. Въ концѣ же литургіи Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Арсеніемъ въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Евгениемъ и при участіи соборнаго духовенства и градскихъ протоіереевъ и священниковъ совершенъ былъ чинъ православія. Эготъ торжественный обрядъ привлекъ множество молящихся, такъ что соборъ былъ переполненъ народомъ.

— 12-го марта, въ понедѣльникъ, Его Высокопреосвященствомъ въ 12 час. д. въ Озерявской церкви Покровскаго монастыря была совершена панихида по скончавшемся бывшемъ оберъ-прокурорѣ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевѣ. Въ служеніи панихиды принимали участіе члены Консисторіи и присутствовали всѣ чиновники оной.

— 13-го марта, во вторникъ, Преосвященный Епископъ Евгений совершалъ въ Каѳедральномъ соборѣ Преждеосвященную литургію въ сослуженіи соборнаго духовенства и послѣ нея панихиду по скончавшемся К. П. Побѣдоносцевѣ. Въ служеніи панихиды участвовали многіе изъ градскихъ протоіереевъ и священниковъ.

— 18-го марта, въ воскресенье, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ литургію въ Каѳедральномъ соборѣ въ сослуженіи соборнаго духовенства. Въ концѣ литургіи Владыка сказалъ глубоконазидательное слово о постѣ—Божественность, его происхожденія, всеобщности его во всемъ родѣ человѣческомъ, польза и необходимости его и неосновательности возраженій противъ поста.—Прв этомъ служеніи діаконъ Успенской церкви с. Савицеи, Изюмскаго уѣзда, Димитрій Ковалевскій рукоположенъ

во священника къ Рождество-Богородичной церкви с. Дорофеевки, Валковского уѣзда.

Въ этотъ же день Преосвященный Епископъ Евгений совершалъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря.

— 23-го марта, въ пятницу, Его Высокопреосвященство совершалъ Преждеосвященную литургію въ церкви Епархіальнаго женскаго училища въ сослуженіи: предсѣдателя Совѣта училища протоіерея о. Іоанна Пвчеты, ключаря собора протоіерея І. Гончаревскаго, инспектора училища священника о. Іоанна Котова и законоучителя священника о. Іоанна Толмачева. Послѣ литургіи Владыка, обратившись къ воспитанницамъ, сказалъ имъ о высокомъ религіозномъ наслажденіи, полученнымъ имъ отъ служенія въ церкви училища, и благодарилъ ихъ за прекрасное пѣніе и затѣмъ преподавалъ имъ наставленіе относительно поста, — его пользы и необходимости.

Протоіерей І. Гончаревскій.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской духовной семинаріи.

16-го марта с. г. Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій благоволилъ посѣтить Харьковскую Духовную Семинарію и совершить литургію въ семинарскомъ храмѣ.

Прибывъ въ семинарію въ 10 час. утра, Владыка былъ встрѣченъ о. ректоромъ семинаріи, прот. А. М. Юшковымъ, ключаремъ кафедральнаго собора І. Н. Гончаревскимъ и преподавателями семинаріи. Преподавъ всѣмъ благословеніе, Его Высокопреосвященство прослѣдовалъ въ семинарскій храмъ. Здѣсь къ этому времени уже находились всѣ воспитанники семинаріи и мн. др. лицъ. При входѣ въ храмъ Архіепископъ былъ встрѣченъ о. духовникомъ семинаріи, священникомъ С. Крохатскимъ; діаконами Олейниковымъ, Бѣликовымъ и Помазановскимъ, свѣщеносцемъ и носошникомъ. Облачившись въ мантію и затѣмъ приложившись къ поднесенному о. духовникомъ Св. Кресту и окропивъ себя св. водою, Высокопреосвященный, при пѣніи семинарскимъ хоромъ „Достойно есть“, прослѣдовалъ къ св. алтарю. Приложившись къ престолу и мѣстнымъ иконамъ, Архипастыръ направился къ архіерейскому помосту. Затѣмъ облачившись, Владыка, въ сослуженіи о. ректора семинаріи, ключаря Кафедральнаго собора, священ. І. Петровскаго,

духовника семинаріи и др. священнослужителей, совершилъ преждеосвященную литургію.

По окончаніи литургіи, Владыка разоблачился и, выйдя въ мантию изъ алтаря, обратился къ присутствовавшимъ съ словомъ, подробно выяснивъ значеніе св. Четырдесятницы въ жизни христіанина. Высокопреосвященный призывалъ воспитанниковъ семинаріи и др. молящихся неукоснительно совершать постъ, стараться объ очищеніи себя отъ всего грѣховнаго и готовиться къ достойной встрѣчи св. Воскресенія Христова.

Преподавъ всѣмъ благословеніе, Высокопреосвященный прослѣдовалъ затѣмъ въ квартиру о. ректора. Откушавъ здѣсь чай, Владыка осмотрѣлъ затѣмъ занятныя комнаты воспитанниковъ и въ одной изъ нихъ благосклонно бесѣдовалъ съ питомцами семинаріи. Въ исходѣ перваго часа Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній отбылъ въ архіерейскій домъ.

Памяти священника о. Стефана Козьменко.

15 февраля с. г. 52 лѣтъ отъ роду волею Божію скончался священникъ Троицкой церкви слободы Ново-Россоши О. Стефанъ Козьмичъ Козьменко, оставивъ послѣ себя жену, непрестроеннаго сына и троихъ дочерей, изъ которыхъ двѣ учатся въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, а младшая еще не достигла училищнаго возраста.

Не обладая крѣпкимъ здоровьемъ, почившій давно недомогалъ, но, какъ вѣрный часовой, не оставлялъ своего поста, пока болѣзнь окончательно не заключила его въ четырехъ стѣнахъ и не приковала къ кровати. Испытывая сильныя физическія страданія, больной безропотно и съ покорностію переносилъ ихъ стараясь какъ можно меньше обнаруживать страданія, чтобы не огорчать семейства и если я скорбѣлъ то не вслѣдствіе физическаго страданія, а потому что лишенъ былъ возможности счастья предстать Престолу Божію и приносить Безкровную Жертву. Желаніе послужить еще Господу было столь велико въ почившемъ, что, не взирая на свою слабость, не взирая на категорическое запрещеніе врачей выходить изъ дому, онъ не выдержалъ и собравши послѣднія силы, явился во Храмъ Божій для служенія и нужно было видѣть съ какою радостію, съ каквмъ умиленіемъ почившій совершилъ эту послѣднюю литургію!

Зная болѣзнь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подтачивала силы страдальца и, подготовивша себя къ переходу въ иной міръ

причастіемъ Св. Таинъ и Елеосвященіемъ за нѣсколько дней до смерти, большою 15 февраля, предалъ многострадальную свою душу Господу.

Происходя изъ крестьянской семьи, почившій, благодаря прекраснымъ успѣхамъ изъ сельской школы поступилъ въ Бѣлгородскую Учительскую Семинарію и по окончаніи въ ней курса учительствовалъ болѣе 10 лѣтъ въ народныхъ школахъ: но съ дѣтства релігіозный и преданный Св. церкви онъ желалъ свои силы посвятить всецѣло на служеніе ей. Пользуясь существовавшимъ въ то время правомъ поступать въ Духовную Семинарію для изученія богословскихъ предметовъ онъ поступаетъ въ V-й классъ Х. Д. Семинаріи и по окончаніи въ ней курса въ 1886 году Владыкою Амвросіемъ былъ опредѣленъ къ Троицкой церкви сл. Ново-Россоши, Старобѣльскаго уѣзда, гдѣ и прослужилъ болѣе 20 лѣтъ до своей смерти, проходя въ тоже время должность законоучителя въ Земской Ново-Россошанской школѣ. Преданный педагогической дѣятельности и привыкнувъ къ ней за время учительства въ народной школѣ, покойный не могъ удовлетвориться однимъ законоучительствомъ и въ 1891 году открылъ церковно-приходскую школу, въ которой былъ и законоучителемъ и вмѣстѣ учителемъ до тѣхъ поръ, пока 2-я дочь его не смѣнила отца въ послѣдней должности. Удрученный тѣмъ, что его ц.-п. школѣ приходилось ютиться въ церковной сторожкѣ, не отвѣчавшей школьнымъ требованіямъ, онъ расположилъ прихожанъ къ пожертвованіямъ средствъ для построенія новаго зданія ц.-п. школы, которое при помощи Синодальной субсидіи и окончилъ въ 1905 г. Не мало потрудился также въ дѣлѣ благоуукрашенія своего приходскаго храма который его заботами и приведенъ нынѣ въ такое состояніе, что можетъ составить украшеніе и гордость любого уезднаго города, а не только села.

Какъ сынъ бѣднаго крестьянина, почившій съ дѣтства испыталъ горе и нужду, да и въ послѣдней жизни удѣломъ его были свачала въ періодъ учительства матеріальная необезпеченность, забота о кускѣ хлѣба для семейства, а потомъ съ полученіемъ іерейскаго сана сугубія заботы; объ устроеніи ввѣреннаго ему прихода и неизбѣжныя при томъ огорченія и непріятности съ прихожанами, принявшія одно время особенно острую форму и даже потребовавшія вмѣшательства Епархіальнаго начальства тѣмъ болѣе тяжелыя, что почившій, сознавалъ незаслуженность ихъ; (вмѣстѣ съ тѣмъ шлѣ заботы) объ устройствѣ собственнаго дома за вепмѣ-

ціемъ церковной квартіры, о воспитаніи дѣтей, что при бѣдности прихода представляло трудно разрѣшящую задачу; далѣе смерть старшей дочери вскорѣ по выходѣ ея замужъ и другія тяжелыя семейныя невзгоды...

И хотя почившій переносилъ всѣ эти (невзгоды) испытанія съ истинно-христіанскою покорностію волѣ Божіей, никому нивогда не жалуясь и, не ослабѣвая въ энергіи, несъ свои нелегкія обязанности, но для окружающихъ его уже давно не было тайной, что при впечатлительности почившаго всѣ эти житейскія тревоженія губительно подѣйствовали на его здоровье. И дѣйствительно, не смотря на явныя усилія не поддаваться болѣзни, покойный долженъ былъ лечь въ постель, а 15 февраля послѣ года страданій его не стало.

18 февраля совершенно было погребеніе почившаго мѣстнымъ благочиннымъ священникомъ с. Г. Кузнецовымъ въ сослуженіи 6-ти священниковъ, въ томъ числѣ всѣхъ членовъ благочинническаго Совѣта, и двухъ діаконовъ, при чемъ сослуживецъ покойнаго по селу священникъ Іоаннъ Евфимовъ и депутатъ-священникъ Покваркъ Пестряковъ въ надгробныхъ словахъ почтили память усопшаго теплыми молитвенными благопожеланіями.

Иди же съ миромъ, дорогой собратъ, въ предстоящій тебѣ путь, и да уготовитъ тебѣ Праведный Судія мѣсто упокоенія со святыми своими!

Старобѣльскаго уѣзда, слоб. Ново-Россоши, священникъ Іоаннъ Евфимовъ.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Добрые труженики на Божіей нивѣ.

Въ „Самарскихъ Епарх. Вѣд.“ отмѣчаются любопытныя странячки, характеризующія высокую религіозно-нравственную настроенность самоотверженныхъ труженниковъ на Божіей нивѣ, готовыхъ положить „душу за други свои“.

Вотъ небезынтересное въ этомъ отношеніи письмо въ газету „Колоколъ“ безстрашнаго борца съ крайними проявленіями революціонной агитаціи преосвященнаго Алексія Таврическаго.

„Сообщеніе въ вашей газетѣ о четвертомъ на меня покушеніи есть совершенный вымыселъ не то человѣка празднаго, не то неблагонамѣреннаго. Я живу и работаю въ своей епархіи совершенно свободно и безопасно. То правда, что въ ночь на 18 ноября 1905 г. былъ револьверный выстрѣлъ въ комнату моего сына, съ которымъ мы занимались въ это время при незакрытыхъ ставнями окнахъ. Въ 1906 г. въ сентябрѣ въ селѣ Каменкѣ хотѣли меня подпалить революціонеры въ квартирѣ священника. И это правда. Въ ноябрѣ 1906 г. въ Инкерманѣ и Севастополѣ революціонеры готовили тоже свое обычное угощеніе. Вотъ и все, что, по милости Божіей, было со мною. Впрочемъ были еще въ моихъ покояхъ два „экспроприатора“—люди здоровые, назвавшіе себя уволенными изъ Кіевского университета, были за пособіемъ на дорогу. Я имъ далъ 20 р. Остались очень довольны, даже святымъ назвали. Но я имъ сказалъ, что святые на небѣ живутъ. И это имъ очень понравилось. Приняли благословеніе и ушли. Уходи, келейнику успѣли, впрочемъ сказать: „а все-таки мы вашего владыку на двѣ красненькихъ обстрѣляли“. Ну, и Богъ съ ними, на доброе здоровье. По правдѣ сказать, дешево еще отдѣлался. Особенно если принять во вниманіе то, что двери моихъ келій съ утра до вечера открыты для всѣхъ.

Да и то надо сказать, какая корысть господамъ „освободителямъ“ убивать насъ, епископовъ: и непрактично, и безцѣльно и опасно. Вѣдь ключи отъ тюремныхъ замковъ и крѣпостей не въ нашихъ рукахъ. Мы имѣемъ ключи царствія небеснаго, имѣемъ право вязать и рѣшать грѣхи человѣковъ. Но, что такое для нашихъ „освободителей“ царствіе небесное, что такое для нихъ грѣхъ? Пустой звукъ, давно переставшій говорить ихъ сердцу и уму. Они вѣрують только въ царство земное, о которомъ и хлопчуть. А все преступное, отъ чего наше сердце содрогается, все это для нихъ добродѣтель, это ихъ самодѣтельная правда, которой они требуютъ и пшутъ съ огнемъ и мечемъ. А вотъ если они убьютъ пастыря, народомъ любимаго, свитителя, любовію и огнемъ благодати горящаго, ну, тутъ придется съ народомъ считаться. Народъ сего не проститъ, народъ взыщетъ кровь сію.

Конечно, пріять вѣнецъ мученика —это великая милость Божія, которой немногіе удостоиваются. И я вѣрю, что каждый святитель земли Русской не откажется пріять вѣнецъ сей. Но все же страшно, если наше отчество доживетъ до сего предѣла жизни.

Вѣдь тамъ будетъ уже такая скорбь, якова не бысть доселѣ ниже внять быти. Не дай Богъ дожить намъ до такой скорби.

Нелегка жизнь архіерейская!.. Сколько мужества, нравственной устойчивости, сознанія долга и высоты пастырскаго служенія нужно имѣть для того, чтобы яснымъ взоромъ смотрѣть вдаль, гдѣ ожидаетъ праведника „вѣнецъ мученическій“...

Но вышеприведенные факты изъ жизни епископа, очевидно еще не конецъ его крестнаго подвига, какъ видно изъ нижеслѣдующаго сообщенія.

Изъ Симферополя сообщался случай святотатства въ кафедральномъ Александро-Невскомъ соборѣ, гдѣ былъ убитъ церковный сторожъ и ограблена церковь.

Литургію утромъ служилъ въ ограбленномъ храмѣ преосвященный Алексій, который, рыдая, провзнесъ глубокопрочувствованную проповѣдь объ ужасномъ злодѣяннн и призывалъ Божию кару на преступниковъ. Храмъ былъ переполненъ молящимися.

Новые члены отъ духовенства въ Государственный Совѣтъ

На мѣсто отказавшихся отъ членства въ Государственномъ Совѣтѣ—архіепископовъ Дмитрія Херсонскаго и Антонія Волынскаго св. Синодомъ назначаются (соотвѣтственно количеству ранѣе подавшихъ голосовъ) членами: епископъ Никонъ Вологодскій и епископъ Арсеній Псковскій (нынѣ архіепископъ).

Епископъ Никснъ извѣстенъ всей православной Россіи своею духовно-просвѣтительною, народно-литературною, дѣятельностію и какъ талантливый составитель и неподражаемый издатель „Троицкихъ Листковъ“ и журнала „Божья Нива“.

Окончивъ въ 1874 г. первымъ студентомъ Московскую семинарію, талантливый юноша Николай Рождественскій не пожелалъ воспользоваться своимъ правомъ поступленія въ академію, а поступилъ въ послушники въ Троице-Сергіеву лавру, гдѣ прошелъ всѣ послушанія до казначей включительно. Въ 1904 году, архим. Никонъ назначенъ епископомъ Муромскимъ, викаріемъ Владимірскимъ, откуда вскорѣ былъ перемѣщенъ въ Москву, на кафедру епископа Серпуховскаго, викарія московской митрополіи, а въ

1906 году онъ назначенъ былъ на самостоятельную кафедру епископа Вологодскаго.

Преосвященный Псковъ пользуется также и всероссійскою извѣстностію и въ правомъ, и въ лѣвомъ нашемъ политическомъ лагерѣ, за свои твердыя самодержавно-монархическія убѣжденія. Преосвященному Пскову нынѣ отъ роду 55 лѣтъ.

Епископъ (нынѣ архіеп.) Псковскій Арсеній, бывшій предсѣд. учебн. комитета при Св. Синодѣ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ іерарховъ нашей церкви.

Уроженецъ Бессарабской губерніи, въ мѣрѣ Авксентій Георгіевичъ Стадницкій, онъ въ 1885 г. окончилъ курсъ Кіевской академіи, 10 лѣтъ стоялъ преподавателемъ родной своей Копышевской семинаріи и занимался редактированіемъ епархіальнаго органа, ученой разработкой архивныхъ матеріаловъ по исторіи мѣстной церкви. Плодами его работъ явилось обширное изслѣдованіе, за которое онъ удостоенъ былъ ученой степени магистра богословія. Будучи еще студентомъ, Авксентій Стадницкій совершилъ паломничество въ св. Землю и на Аѳоны. Плодами этого путешествія явилась интересная книга „Записки паломника“.

Въ 1895 г. Авксентій Стадницкій принялъ монашество, съ именемъ Арсенія, и назначенъ былъ инспекторомъ, а потомъ ректоромъ Новгородской семинаріи. Въ 1897 г. архимандритъ Арсеній былъ назначенъ инспекторомъ Московской академіи, а въ 1899 г. — ректоромъ ея, съ возведеніемъ въ санъ епископа Волоколамскаго.

Въ 1903 г. епископъ Арсеній назначенъ на самостоятельную Псковскую кафедру.

Въ 1904 г. преосвященный Арсеній былъ удостоенъ степени доктора исторіи за свои ученые и литературные труды. Въ предсоборномъ присутствіи преосвященный Арсеній состоялъ предсѣдателемъ отдѣла, обсуждавшаго реформу духовной школы, будучи въ то же время предсѣдателемъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ и присутствующимъ въ Св. Синодѣ (Пет. газ. „Колоколъ“ № 303, 1907 г.).

Узаконеніе браковъ.

9-го февраля въ „Собр. узак. и распор. правит.“ напечатано Высочайше утвержденное положеніе совѣта министровъ объ утвержденіи временныхъ правилъ для узаконенія браковъ, заключенныхъ по обрядамъ инославныхъ и пновѣрныхъ исповѣданій лицами, числившимся православными до изданія Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905 года, и происшедшаго отъ сихъ браковъ потомства.

Совѣтъ министровъ по этому вопросу постановилъ: браки лицъ, числвшихся до изданія Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905 г. православными, но принадлежащихъ къ внославному или къ ино-вѣрному исповѣданію, совершенные до 17 апрѣля 1905 года по правиламъ и обрядамъ того православнога или иновѣрнаго исповѣданія, къ которому вступившіе въ бракъ въ дѣйствительности принадлежали, считаются дѣйствительными со дня ихъ совершенія и происшедшія отъ таковыхъ браковъ дѣти — законными отъ рожденія. Доказательствомъ совершенія указанныхъ браковъ, а равно законности происшедшихъ отъ таковыхъ браковъ дѣтей, служатъ записи, внесенныя въ подлежащія метрическія книги того православнога или иновѣрнаго исповѣданія, къ которому принадлежали вступившіе въ бракъ, либо родители ребенка. При отсутствіи записей, событіе брака устанавливается судомъ въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КЪ ВЕСЕННЕМУ СЕЗОНУ.

**ПОЛУЧЕНЫ ГРОМАДНЫЯ ПАРТІИ НОВѢЙШИХЪ
ТКАНЕЙ:**

Шерстяныя матеріи 2-й шир. отъ 40 к. до 2 руб.

Драпы черныя и цвѣтныя отъ 2 р. 50 к. до 8 руб.

Сукно и сатинъ всѣхъ цвѣтовъ отъ 1 р. 20 к. до 8 р.

Шелковыя ткани модныя для платья и рубашечекъ отъ 50 к. до 3 р. 50 к.

Полотна чистого льна, салфетки, скатерти, ковры, гардинный тюль, батисты модныя російскихъ и заграничныхъ фабрикъ отъ 20 к. до 1 р. 50 к.

Рубашечки и платья заграничныя, цвѣтныя и бѣлыя отъ 3 р. 25 к. до 12 руб.

Магазинъ И. П. Развалинова

ПОДЪ СОБОРОМЪ №№ 1, 2, 3.

ХАРЬКОВЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т А Т Е Й

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА.

„В Ъ Р А И Р А З У М Ъ“

— ❁ Т. I, №№ журнала I—VI. ❁ —

За 1907 годъ.

Слово, произнесенное въ Озерянской церкви Харьковскаго Покровскаго монастыря въ день отдавiя праздника Рождества Христова и ваканувъ Новаго Года 31-го декабря 1906 года.— *Высокопреосвященнаго Арсенiя, Архiепископа Харьковскаго и Ахтырскаго*—стр. 1—9.

Наша святая обязанность.— *Никона Епископа Вологодскаго и Тотемскаго*—стр. 10—16.

Служебный подвигъ православно-россiйскаго воинства.— *Священника Д. Ромашкова*—стр. 17—29.

Русская духовная миссiя въ Корей.— *Студента Императорскаго Харьковскаго Университета О. Прохоренка*—стр. 30—48.

Ботаника и дарвинизмъ.— *Профессора С. Глаголева*—стр. 49—72.

Святоотеческое ученiе о происхожденiи души человѣка.— *В. Давыденко*—стр. 73—82, 209—228, 336—374, 509—524.

Слово, произнесенное въ Харьковской Воскресенской церкви, въ день св. славнаго пророка Предтечи и Крестителя Иоанна, 7-го января 1907 года.— *Высокопреосвященнаго Арсенiя, Архiепископа Харьковскаго и Ахтырскаго*—стр. 143—152.

Теорiя профессора А. П. Лебедева о братьяхъ Господнихъ.— *Георгiя, Епископа Каширскаго*—стр. 153—170.

Христiанское ученiе объ истинной свободѣ.— *П. Кратирова*—стр. 171—186.

Союзъ между церковію земною и небесною. (Догматическій очеркъ).—*Прот. Н. Малиновскаго* *)—стр. 187—194, 302—318, 748—763.

Русская духовно-академическая философія, какъ предшественница славянофильства и университетской философіи въ Россіи.—*Александра Пикольскаго* *)—стр. 195—208, 342—365, 487—508, 641—674.

Рѣчь, сказанная предъ молебномъ въ Кафедральномъ соборѣ 6-го февраля 1907 г. предъ выборами членовъ въ Государственный Думу въ г. Харьковѣ.—*Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго*—стр. 281—284.

Сатана, какъ ангелъ смерти.—*Доцента Московской дух. академіи Е. Воронцова*—стр. 285—301.

Въ чемъ сущность еврейства. (Анализъ книги Іудееъ.—*Б. Н.*—стр. 319—341.

Опытъ исправленія церковно-славянскаго текста въ великомъ канонѣ.—*М. Доброуравова*—стр. 423—442, 565—582, 729—747.

Теорія боговдохновенности Библии въ александрійской школѣ.—*Д. Леонардова* *) стр. 443—465, 583—600, 764—774.

Историческій процессъ религіозно-нравственнаго развитія человѣчества по апостолу Павлу.—*А. Лебедева*—стр. 466—486, 601—621.

Нравственныя начала (принципы) новѣйшей русской художественной литературы.—*П. Красина* *)—стр. 622—640, 786—810.

Слово, о приготовленіи къ великому посту, произнесено въ Озерянской церкви Харьковскаго Покровскаго монастыря въ недѣлю Сыропустную, 4-го марта 1907 года.—*Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго*—стр. 705—712.

Благодарной памяти Константина Петровича Побѣдовосцева.—*Редакціи*—стр. 713—728.

За права жизни и личности.—*Священника П. Юмина* *)—стр. 775—785.

*) См. слѣд. т.

Указатель статей, содержащихся въ „Извѣ-
стіяхъ и Замѣткахъ по Харьковской епархіи“,
№№ I—VI, за 1907 годъ.

I.

Официальный отдѣлъ.

Дни и часы приѣма у Его Высокопреосвященнѣйшаго Арсе-
нія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго—стр. 83—84.

Объявленіе для всеобщаго свѣдѣнія епархіальнаго духовен-
ства циркулярнаго указа изъ Святѣйшаго Правительствующаго
Синода, отъ 16 декабря 1906 г за № 10, объ измѣненіи
порядка открытія церковно-приходскихъ школъ—стр. 84—85.

Епархіальныя извѣщенія—стр. 86—88, 229—233, 375—
378, 525—527, 675—679, 811, 813.

Журналъ очереднаго Съѣзда уполномоченныхъ отъ духо-
венства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго утромъ 19-го
сентября 1906 года—стр. 88—91.

Уставъ Братства св. Архангела Михаила, въ приходѣ сл.
Мурафы, Богодуховскаго уѣзда, Харьк. губ.—стр. 91—94.

Отчетъ Братства св. Великомученицы Варвары при Харь-
ковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ за 1906 годъ—
стр. 94—100.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи—стр. 100, 814—822.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго учи-
лища—стр. 100.

Возваніе къ православнымъ христіанамъ—стр. 233—235,
822—823.

Отъ Совѣта Харьковскаго религіозно-просвѣтительнаго
Братства Озерянской Иконы Божіей Матери—стр. 379.

Объявленіе о подпискѣ на „Правительственный Вѣстникъ“
въ 1907 году—стр. 379—380.

О веренесеніи Чудотворной иконы Божіей Матери—Озе-
рянскія—стр. 525.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи—стр. 528.

Харьковскій Народный календарь на 1907 г.—стр. 528—531.

Возваніе Братства во имя Царицы Небесной о помощи
идіотамъ, эпилептикамъ и калѣкамъ—стр. 680

Объявленіе стр. 680.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго
Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1905—
1906 учебный годъ. (Приложеніе къ № 5).

Къ свѣдѣнію г.г. подписчиковъ—стр. 823—824.

II.

Статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго содержанія
и другія.

Новогоднія думы пастыря.—Сельскаго свящ. І. З. Горайна — стр. 101—105.

Нравственный смыслъ переживаемыхъ событій.—Священника Іоанна Дмитріевскаго—стр. 105—116, 239—245.

Изъ редакціонной переписки.—К. Истомина—стр. 116—118.

Миссіонерскій листокъ. Новогоднія думы пастыря церкви о способахъ улучшенія и развитія противосектантской миссіи.—Священника Николая Загоровскаго—стр. 118—125, 251—264.

Нѣсколько словъ о современныхъ псевдо-либералахъ.—Н.—стр. 235—239.

„И не введи насъ во искушеніе“.—Священника Н. Вознесенскаго—стр. 245—250, 390—397.

„Народный листокъ“ и бесплатная раздача народу листовъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія.—К.—стр. 264—268.

Конечный идеаль интеллигенціи съ точки зрѣнія его осуществимости.—Н.—стр. 381—390, 536—544.

Профессоръ Амфіанъ Степановичъ Лебедевъ (по поводу 50-лѣтняго к билея).—Профессора Харьковскаго университета І. Бродовича—стр. 398—402.

Къ вопросу о „безпартійности“ духовенства—стр. 531—536.

Миссіонерскій листокъ. По поводу годового собранія русскихъ штундо-баптистовъ.—І. Корнѣенка—стр. 544—546.

Миссіонерскій листокъ. Чѣмъ объясняется трудность борьбы со штундою и что нужно для усилія ея?—Василія Попова—стр. 547—551, 688—691.

О пользѣ открытія отдѣленій Братства во имя Оверянской Божіей Матери.—Свящ. К. Пантелеимонова—стр. 681—688.

Рѣчь члена Государственнаго Совѣта, профес. прот. Т. И. Буткевича, произнесенная въ засѣданіи Г. Совѣта 10-го марта н. г.—стр. 824—829.

Гнусная клевета.—Харьковецъ—стр. 829—832.

Миссіонерскій листокъ. Чѣмъ сильно наше сектантство?—М.—стр. 832—838.

Изъ общественной жизни Россіи—стр. 838—847.

III.

Епархіальная хроника.

Архіерейскія богослуженія—стр. 125—127, 402—405, 552—553, 691—692, 847—849.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Арсеніемъ, Харьковской Духовной Семинаріи—стр. 127—128.

Чествованіе о. протоіерея Т. Ив. Буткевича корпораціей Харьковскаго Епархіальнаго женскаго учил.—стр. 128—136.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Епархіальнаго женскаго училища—стр. 269.

Торжество освященія Трехсвятительской церкви слободы Ольшаны, Харьковскаго уѣзда—стр. 270—271.

Посѣщеніе Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ Образцовой церковно-приходской школы и Школьнаго Музея при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ—стр. 405—406.

Отъ церковно приходскаго попечительства села Закотнаго—стр. 406—407.

Двадцатилѣтній юбилей священства благочиннаго церковей 1-го округа, Богодуховскаго уѣзда, прот. Ал. Станиславскаго—стр. 407—417.

Чествованіе наблюдателя церковныхъ школъ Зміевскаго уѣзда, священника О. М. Юшкова, по случаю исполнившагося десятилѣтія наблюдательской его дѣятельности—стр. 553—558.

Чествованіе настоятеля Харьковской Вознесенской Церкви, протоіерея Георгія Ивановича Чебатарева, по случаю 50-лѣтія его служенія въ санѣ священника (1857—1907 г.), 17-го февраля 1907 г.—стр. 693—698.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской духовной семинаріи—стр. 849—850.

IV.

Некрологи.

Памяти священника Прокопія Алексѣевича Попова—стр. 271—273.

Памяти священника о. Владиміра Линицкаго—стр. 698—700.

Памяти священника о. Стефана Козьменко—стр. 850—852.

V.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Предложеніе Кіевскаго митрополита, преосвященнѣйшаго Флавіана, духовенству Кіевской епархіи—стр. 137.

Новооснованное общество „Единство“—стр. 137.

Дѣствія архипастырей въ виду предстоящей Государственной Думы—стр. 273.

- Домогательства единовѣрцевъ—стр. 274.
 Резолюція архієпископа Волыскаго Антонія—стр. 417—418.
 О слушаніи о.о. діаконами богословскихъ наукъ въ духовной семинаріи—стр. 418.
 О правѣ приходскихъ попечительствъ пользоваться приношеніями прихожанъ—стр. 418—419
 Мпесіонерскій сѣздъ въ Самарской епархіи—стр. 558—560.
 Богословскіе курсы въ Рязской епархіи—стр. 560—561.
 Вакансія предсѣдателя синодальнаго учебнаго комитета—стр. 701.
 Положеніе якутскаго духовенства—стр. 701—702.
 Прекращеніе изданія журнала „Беллетристъ“—стр. 702.
 Добрые труженники на Божіей нивѣ—стр. 852—854.

VI

Разныя извѣстія и замѣтки

- Письмо графа Л. Н. Толстого къ одному китайцу—стр. 139—141.
 Священникъ Гр. Петровъ—стр. 274—275.
 Императоръ Вильгельмъ и Библия—стр. 275—276.
 Новогоднія поздравленія Митрѣполита Антонія—стр. 276.
 Члены Государственнаго Совѣта отъ духовенства—стр. 276—277.
 Кандидатъ на профессорскую кафедру—стр. 277.
 Безпримѣрный случай—стр. 277—278.
 Какъ живутъ социалисты?—стр. 278—279.
 Изъ энциклики папы Пія X.—стр. 419, 420.
 Евреи и революція—стр. 420.
 Греко болгарская церковная распря—стр. 420—421.
 Всероссийскій сектантскій сѣздъ—стр. 561—562.
 Къ измѣненію программъ женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства—стр. 562—563.
 Новые члены Государственнаго Совѣта—стр. 563.
 Воодушевленное обращеніе жены деревенскаго священника къ сельскимъ магушкамъ—стр. 702—703.
 Похороны крестьянина, впавшаго въ летаргію—стр. 703—704.
 Новые члены отъ духовенства въ Государственный Совѣтъ—стр. 854—855.
 Узаконеніе браковъ—стр. 855—856.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣллева.—„Книга Руевъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“ Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Братскій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній: Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О переимѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не перепластали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Алексій ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ ИТОМИНЪ.